

охота

и охотничьи хозяйства

10

1993

**Первая страница обложки:
Ох, не легкая это работа...**

Фото А. Дигилевича

**Вторая страница обложки:
Добыть зверя или птицу красиво, в честной спортивной
борьбе — это возможно с нашими лучшими помощниками
на охоте: лайками, борзыми, спаниелями...**

Фото П. Яровицкого, В. Румынского

СОХРАНИТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ ТРАДИЦИИ

(К дискуссии о вступлении в Международную
кинологическую федерацию — ФЦИ)

А. КАМЕРНИЦКИЙ

Приближается тысячелетие охотничьего собаководства на Руси. Срок этот можно отсчитывать от первого, документированного фресками храма Софии Киевской (1012—1024 гг.), изображения лавок и гончих, работающих по зверю. С чем приедем мы к этой дате? Известный американский охотничий писатель Р. Барлоу в статье, посвященной появлению в США привезенного из России ирландского сеттера Руслана, опубликованной в журнале «Америкен Хантер», писал: «Что-то мы (американцы) потеряли в наших ирландцах, что-то русские сумели сохранить и при царях, и при комиссарах». Сумеем ли мы сохранить это «что-то» и при «демократах»?

Базой, на которой строилось и строится отечественное охотничье собаководство, являются тысячелетние традиции русской спортивной охоты с собаками. Эти традиции охоты как «забавы молодецкой» начали складываться еще во времена превращения «лова», то есть промысла, в «охоту», в которой наряду с добывчей целью стало и получение эстетического удовольствия. Уже тогда возникло стремление не просто добыть зверя или птицу, но добыть его красиво, в честной спортивной борьбе «по правилам». Первым, кто заявил об этом, был Киевский Великий князь Владимир Мономах, внук Ярослава Мудрого, строителя Софии.

Понятие и представление о «правильной охоте» прошли через все тысячелетия — с X по XX век и сохранили свою силу и поныне. Принципы «правильной охоты» вошли в плоть и кровь охоты с собаками, начиная от псовой охоты. Суммируя их, П. М. Мачеваринов в своей классической книге «Записки псовой охотника Симбирской губернии» пишет: «Истинный псовой охотник... смотрит на охоту, как на науку; строго держится всех ее правил, соблюдение которых и составляет гармонию, порядок и доставляет удовольствие в охоте. Он... считает наслаждением травлю зверей. Но все-таки он любит собак несравненно более, нежели собственно травлю. С каким неусыпным вниманием печется он о воспитании щенков и заботится о сохранении той породы собак, которая вмещает в себя все необходимые наружные и полевые достоинства».

Это высказывание П. М. Мачеваринова как нельзя лучше излагает суть отечественных традиций охотничьего собаководства. Сложившись в псовой охоте, они перенеслись в возникшую позднее охоту ружейную. На их базе в XIX веке окончательно сформировалось русское направление охотничьего собаководства. Для него характерны: неразрывность охотничьей собаки и охоты, сочетание красоты экстерьера и продуктивности полевого досуга собаки, ясная племенная направленность всей работы. Эти принципы российскими охотниками-собаководами и кинологами были применены не только к исконно отечественным породам — борзым, гончим, а позднее и лайкам, но и к нашедшим в России свою вторую родину английским и немецким легавым и спаниелям.

Неразрывность, единство пород охотничьих собак требует непременного сочетания типичного для каждой данной породы экстерьера и высоких полевых качеств. На эту сторону дела особое внимание обращали крупней-

шие кинологи конца XIX — начала XX века: А. В. Столяров, К. В. Мошнин, О. В. Пенский и В. В. Де-Коннор. Вот, что пишет об этом А. В. Столяров: «С учреждением в России испытаний наши любители стали гораздо строже относиться к полевым достоинствам своих собак; некоторые вдали даже в другую крайность и выводили собак исключительно полевых, совершенно забыв про внешность, — явление заметное и на Западе, где полевые собаки тоже резко отличаются от выставочных, и победители на испытаниях и выставках встречаются довольно редко. Задача наших обществ — исправить это». Попытки ряда предпринимателей завести в это же время в России питомники, разводящие чисто выставочных, «красивых» собак, — питомники Н. А. Гека, В. А. Маллама, псарня «Успех» провалились, не найдя поддержки охотничьей общественности».

Требование неразрывности собаки и охоты, красоты и продуктивности, выставки и поля давно уже заставили наших охотников-собаководов и кинологов ко всем сторонам охотничьего собаководства подходить с точки зрения породного племенного разведения, основанного на зоотехнических принципах. Соблюдение этого требования позволило нам избежать расщепления пород охотничьих собак на полевые и выставочные линии, против чего всегда боролись наши кинологи и вред чего сейчас, по словам американского заводчика ирландских сеттеров профессора Куртиса Коннора, осознали и на Западе. Таким образом, сложилась у нас та система охотничьего собаководства, которая существует сейчас и которая позволила сохранить то самое «что-то», поразившее Р. Барлоу, — классификация групп пород охотничьих собак по их полевому досугу, цель и методы полевых испытаний и проведения выставок, способы отбора и подбора производителей и общественный характер породного разведения, корректирующий далеко не всегда кинологически грамотную деятельность отдельных заводчиков.

охота
и охотничье хозяйство **IO** 1993

Ежемесячный общественно-политический
и научно-популярный иллюстрированный журнал.
Учредители:
Союз обществ охотников и рыболовов РСФСР,
трудовой коллектив редакции журнала.

Основан в октябре 1955 г

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Полевые испытания, возникшие еще в XVIII веке в виде неофициальных садок борзых на злобу и на ревность и получившие в конце XIX века официальный статус, почти сразу же после своего начала приобрели четкую племенную направленность. Известный русский охотник-собаковод А. И. Чевакинский уже в 1889 г. писал: «Цель полевых испытаний, с одной стороны, состоит в том, чтобы показать, какая порода собак лучше удовлетворяет требованиям современной русской охоты, а с другой стороны, чтобы указать тех победителей, от которых охотник может получить заведомо кровную полевую собаку». На современном языке это звучит так: полевые испытания проводятся для выяснения природных качеств собаки в целях ее племенного использования. В настоящее время полевые испытания всех групп пород охотничьих собак проводятся с индивидуальной расценкой каждой собаки по 100-балльной шкале, в которой на каждый элемент, составляющий работу собаки, отводится определенная квота баллов. Для элементов, особенно существенных для каждой из групп пород (борзые, гончие, лайки, норные, легавые и спаниели), установлены минимумы, которые, так же как и общую сумму баллов, необходимо набрать для получения диплома.

Одиночная балльная расценка по элементам работы дает возможность сравнивать между собой собак, никогда не встречавшихся в поле, например предков и потомков, что крайне важно для племенного дела. Становится возможным производить подбор пар производителей с целью улучшения или исправления определенных рабочих качеств — ревности, вязкости, чутья и пр.

Сложнее обстояло дело с оценкой экстерьера на выставках охотничьих собак. Российские эксперты довольно быстро отказались от бытующей на Западе абсолютной оценки одиночной собаки в стойке и приняли сравнительно абсолютный способ оценки собак в движении. Это было связано с тем, что практикуемый на Западе подход, во-первых, не дает видения собаки в целом, и в особенности ее рабочих статей, наиболее наглядно проявляющихся в движении, и, во-вторых, он исключает общий взгляд на состояние выставленного поголовья породы с присущими ему общими достоинствами и особенно недостатками. При западном способе судейства на выставках порода остается вне поля зрения эксперта, что совершенно неприемлемо для традиций нашего охотничьего собаководства. Абсурден с кинологической точки зрения и отбор лучшей собаки выставки из представителей разных пород. В никчемности подобных шоу-мероприятий для охотничьего собаководства мы имели возможность убедиться сами на так называемых всесоюзных выставках собак,

состоявшихся в Москве в последние годы и проводившихся по правилам ФЦИ (Federation Cynologic International — Международной кинологической федерации).

Тем не менее элементы этих «шоу» продолжали бытовать на наших выставках еще довольно долго. К ним относилась произвольная, никак не оправдываемая зоотехнически разбивка на классы (открытый, полевых победителей и др.), при которой, с одной стороны, в ринге сводились собаки различного возраста, физиологически не сравнимые друг с другом, а с другой — собаки одного возрастного «ценза» могли судиться в разных классах, что не давало возможности проследить связь между экстерьером и работоспособностью; противоречило принципу единства породы, без разделения ее на выставочных и полевых собак, и принципу охотничьего назначения присуждения наград за чисто экстерьерные качества. К тому же и награды иногда присуждались в соответствии с вкусом эксперта.

Окончательно племенную направленность наши выставки охотничьих собак приобрели в 50-е годы, когда вместо условных и зоотехнически не обусловленных классов все биологически сопоставимые собаки стали подвергаться экспертизе в одном ринге. Зоотехнически оправданный характер получило разделение на возрастные группы — младшую (10 мес — 1,5 года), среднюю (1,5 года — 3 года) и старшую (3 года — 10 лет). В самом деле, 10 мес — это средний для

разных пород срок полового созревания, 1,5 года — окончание роста костяка в длину, 3 года — окончание формирования собаки после первой вязки. Достаточно подробное описание экспертом каждой экспонированной собаки — бесценный материал для племенной работы даже через много лет после ее смерти.

Приоритет, традиционно отдаваемый рабочим собакам, и необходимость поощрять полевую направленность охотничьего собаководства совершенно обоснованно привели к установлению наград только для собак, дипломированных на полевых испытаниях, а возникающая при этом проблема — кому отдавать предпочтение в наградах — была разрешена введением так называемой «бонитировки» или комплексной оценки. Такая система в значительной степени снимает возможность проявления вкусовщины экспертов, отдающих предпочтение какому-то из качеств сравниваемых собак. Принятая у нас методика проведения выставок охотничьих собак наиболее отвечает зоотехническим требованиям и полностью соответствует принципам русского охотничьего собаководства.

Наконец, в качестве последнего штриха, приводящего структуру охотничьего собаководства в полное согласие с тысячелетними отечественными традициями и принципами, в 1964 г. была создана совершенно оригинальная система регистрации племенных собак — Всероссийская родословно-племенная книга, решительно отличающаяся от известных родословных книг (студ-буков).

«Нет племенного дела без знания кривой» — это правило российские охотники-собаководы знали с давних времен. Уже первый российский кинолог граф А. И. Орлов-Чесменский (создатель орловских рысистой и верховой пород и породы бойцовых петухов) вел на своих густопсовых борзых подробные родословные и студ-буки. Однако, как правильно писал в 1902 г. В. В. Де-Коннор: «Производитель с родословной, в которой есть только клички собак, как бы она ни была длинна, интереса не представляет». Этот недостаток исправляет ВРКОС (ВПКОС), куда записываются собаки, имеющие не только известное происхождение, но и положительную оценку на выставке и полевой диплом, причем данные об оценках и дипломах, а также о появлении классных потомков вносятся в книгу по мере их появления и публикуются в следующих томах. Это дает возможность в гораздо большей степени, чем ранее, представить себе происхождение собаки и те качества, которые несут те или иные «крови».

Таким образом, во второй половине XIX века в отечественном собаководстве сложилась самобытная и не имеющая аналогов за границей система, базирующаяся на зоотехнических

Лайки на промысле. Фото П. Яровицкого

основах и полностью впитавшая в себя тысячелетние традиции и принципы русской охоты с собаками и опыт отечественных охотников-собаководов.

К сожалению, среди других традиций давно уже существует на Руси и еще одна — при любой возможности оплевывать все свое собственное: науку, культуру, образ мышления и бытия — и призывать ориентироваться на замену всего этого чем-нибудь «из-за бугра». Так и сейчас некоторыми кругами, причастными к собаководству, муссируется стремление втянуть нас во вступление в Международную кинологическую федерацию (ФЦИ), организацию, далекую от нас как по духу, так и по букве.

Что принесет нам членство в ФЦИ? По словам сторонников такого шага, обеспечение централизованного учета, достоверность племенной документации; возможность систематического проведения смотров племенного поголовья на международных выставках и состязаниях, широкого обмена опытом и племенным материалом. Рассмотрим эти аргументы.

Обеспечение централизованного племенного учета и достоверность племенной документации — дело необходимое, однако каким образом в его осуществлении могут помочь международные организации, если не считать Интерпола? Что касается самой международной документации — родословных книг, то по своей содержательности, простой регистрации предков они явно уступают нашей Родословно-племенной книге. Возможность систематического участия в международных выставках и состязаниях была у нас и раньше. Вспомним наши успехи в Брно, Будапеште и других местах. Сейчас они формально стали доступнее в связи с облегчением выезда, однако на самом деле стесняет не отказ принимать наших собак, а материальная недоступность. Что толку говорить о поездках на выставку собак в Париж или Мадрид, если у охотника нет средств отвезти сукну на вязку из Москвы в Петербург?

Широкий обмен племенным материалом — вещь, конечно, хорошая. Однако здесь есть две стороны вопроса. Если говорить о собаках отечественных, но они всегда пользовались большим уважением среди охотников на Западе. Именно ирландские сеттеры Руслан и Людмила С. Кирквуда (США) и были собаками, вдохновившими уже упомянутого Р. Барлоу заявить: «С появлением в США ирландского сеттера из СССР возникла надежда вернуть наших ирландских сеттеров в клан охотничьих собак». И сейчас из США приходят просьбы подобрать ирландских щенков «тех же кровей». Известны наши собаки и в европейских странах — Германии, Чехословакии, Венгрии, Италии. Завозились и к нам собаки с Запада. К сожалению, случайный подбор материала и огульное, бесконтрольное введение вывозных со-

Выход с борзыми на травлю.

бак в породу оказались не столь «спасительными», сколь опасными. С ними к нам попали дисплазия у английских и ирландских сеттеров, склонность к завороту кишок у ирландцев, летальные гены у гордонов, крипторхизм у дратхааров, неполнозубость у норных и другие «прелести» — все, чего не было в наших, отобранных в поле и очищенных инбридингом разведением популяциях. Да, ввозить свежий племенной материал нужно, только со строгим выбором и последующей серьезной отбраковкой.

Итак, что же осталось от аргументов поклонников ФЦИ? Возможность обменяться опытом, то есть ездить в Брюссель или Париж? Помилуйте, зачем же дело стало? Выправьте себе общегражданский паспорт и поезжайте с богом, но только не забудьте выучить французский язык, официальный в ФЦИ.

Таким образом, аргументы «за» мы разобрали. Каковы же аргументы «против»?

На наш взгляд, вступление в ФЦИ приведет к разрушению нашего охотничьего собаководства и утрате того, что было создано на протяжении тысячелетий — с X по XX век. Это связано с ликвидацией самостоятельности охотничьего собаководства в силу перехода на классификацию пород по системе ФЦИ, не предусматривающей деления на охотничьи и другие группы пород, но объединяющей лаек со шпицами и прочими, подобными породами, охотничьих терьеров с неохотничьими и т. д. Породы охотничьих собак распадутся на полевые и выставочные линии из-за придания права гражданства так называемым «международным» стандартам, созданным на базе выставочных собак, и из-за превращения выставок

в шоу-бизнес, лишающий их племенного значения. Охотничьи собаки будут оторваны от охоты, снизится стимул полевой проверки и соответственно возможность отбора и подбора производителей по этим критериям, возродится доминирующее значение вкусовщины экспертов в награждении собак. Одним словом, будет выплеснуто за борт все то, за что боролись крупнейшие российские кинологи, создавшие то самое «что-то», чем мы сейчас обладаем, и на что постепенно начинает ориентироваться Запад. Нужно ли нам это? Не стоит ли задуматься, почему ведущие в кинологическом отношении страны — Англия и США — так и не вступили в ФЦИ, а приняли только статус ассоциированных членов, сохранив в значительной степени свою самостоятельность?

И еще один вопрос: «Почему наши «кинодемократы» пошли на этот шаг втихую, без какого-либо обсуждения с охотничьей общественностью? Следует, наверное, обратить внимание на совершенно правильные слова, сказанные в Обращении Всероссийского совета по охотничьему собаководству, подписанном А. Улитиным: «Охотники-собаководы... вправе требовать от наших охотничьих организаций... более ответственного (чем ныне существующий) подхода». Очевидно, что вопрос вступления в ФЦИ до своего решения должен быть подвергнут серьезному рассмотрению охотничьей общественностью. И еще одно. Пора нам перестать быть «Иванами, не помнящими родства», не разрушать то, что уже сложилось в нашем охотничьем собаководстве за тысячу лет, да и к тому же после того, как мы уже убедились, что метод «до основания, а затем...» отнюдь не приводит к наилучшим результатам.

НА ЮЖНЫХ ВОДОЕМАХ РОССИИ

Р. ДОРМИДОНТОВ

Орнитологи в дельте Волги.

Фото И. Константинова

Желающие продлить летне-осеннюю охоту на водоплавающих, несмотря на финансовые и транспортные трудности, могут получить немалое удовольствие от пребывания на водоемах среди южнорусских степей: в плавнях, болотах и лугах дельты Кубани и Приазовских лиманов (их более 300), на берегах Пролетарского водохранилища в Ростовской области, на озерах и водохранилищах в Волгоградской области и в Калмыкии, в лугах между Ахтубой и Волгой, наконец, в обширнейшей дельте Волги, которая в бесчисленных своих протоках — куличках и ериках, в тростниковых крепях и на открытых плесах — раскатах может принять тысячи рыбаков и охотников.

Наверное, немногим охотникам европейского центра и севера России выпадало счастье побывать в сохранившейся кое-где осенней степи. Осенью, в сентябре—октябре в степях часто стоит теплая, сухая и солнечная погода. Именно в это время цветет полынь и воздух напоен ее горьким, невыразимо притягательным ароматом. В районах возможных охот в это время изобилие яблок, груш, арбузов, дынь...

На воде и около нее единственная неприятность — обилие комаров. Но ветер часто не дает им возможности для активных атак. А потом, после счастливых рыбалок, после гусиного гомона, утиных перелетов на зоря и удачных выстрелов комары забываются. В памяти навсегда остаются лишь росистые утренники, запах полыни и летящие над тростниками гуси. Впрочем, здесь много и других птиц: лебеди, пеликаны, цапли, колпицы, кравайки, кулики, болотные курочки, пастушки... Не на всех из них можно охотиться, но они постоянно оживляют тростниковые джунгли, болота и отмели.

Здесь можно быть гостем одного из многочисленных охотничьих хозяйств, можно остановиться на охотничьей базе, снять комнату или угол у местных жителей. Без лодки обойтись здесь очень трудно, хотя по мелководным лиманам охотники уходят пешком довольно далеко от берегов. С резиновой или деревянной лодкой, приспособленной к местным условиям, конечно, значительно легче. Такую лодку можно получить в охотничьем хозяйстве или арендовать ее у местных жителей. В запутанных дельтовых руках и разливах, в тростниковых крепях новичок может заблудиться. Поэтому желательно иметь с собой компас.

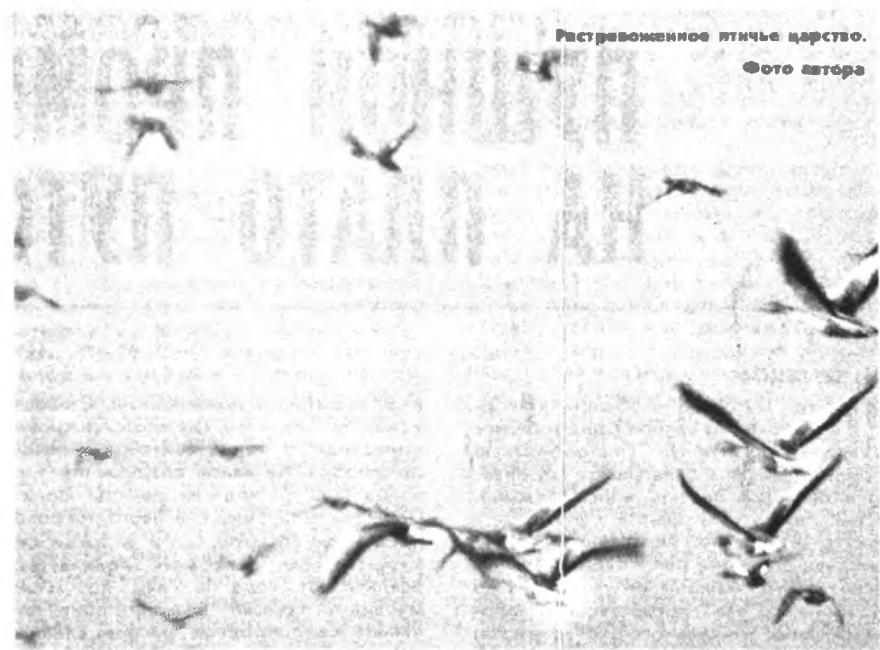
Помнить нужно и о том, что внезапные ветры с моря — моряны представля-

ляют опасность быстрыми подъемами уровня воды. Это, разумеется, не относится к внутренним водоемам среди степей, к островам между Ахтубой и Волгой.

Успешно охотиться можно, стоя и на сухих берегах, разделяющих придельтовые лиманы, когда утки и гуси перелетают с одного пlesa на другой.

Когда кончается утренняя охота, стоит просто понаблюдать за окружающей природой. Такого ведь не увидишь в других местах. На тростниковых сultанах будут качаться усатые синицы, пролетят с металлическим свистом крыльев тяжелые черные бакланы, подерутся из-за добычи величавые орланы-белохвосты, из зарослей тростника может выйти шакал... А после вечерней зари над степью во всем своем блеске развернется звездное небо, и ночь может быть теплой, и тогда хорошо, лежа на спине, слушать шорохи и шепоты земли и таинственные звуки неба.

Странно обо всем этом мечтать, еще труднее все это осуществить в нашей современной исковерканной реальности. И все-таки, кто очень захочет, тот сможет воспользоваться дарами природы юга России.

Растяжженное птичье царство.

Фото автора

Взлетающая большая белая цапля.

Фото А. Дигилевича

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ НА ПЛАТО ПУТОРАНА

О. БЕГЛЕЦОВ

Плато Пutorана — обширная горная страна на севере Среднесибирского плоскогорья. Платообразные горные массивы охватывают территорию северной Эвенкии и юга Таймыра. Стык тайги и тундры в сочетании с резко выраженной вертикальной поясностью, долинами рек и озер по разломам плато, каньонами глубиной до 1 км — все это способствовало формированию уникального биогеоценоза.

Несмотря на то, что типичные тундры занимают сглаженные вершины гор, в долинах рек юго-западной провинции плато, благодаря своеобразному микроклимату, существуют растительные и животные сообщества лиственнично-еловой тайги. Из промысловых животных для них обычны: лось и северный олень, волк, бурый медведь, белка, заяц-беляк, росомаха, соболь и горностай. Местами встречается ондатра. Редки: рысь, лисица и выдра, есть случаи добычи колонка. Периодически, обычно раз в 3—4 года, долины гидросистем охватывает миграция песцов, движущихся с Таймыра в южном направлении. Ежегодно плато пересекают стада таймырской популяции дикого северного оленя, идущие на места зимовок в северную Эвенкию и обратно. В местах миграционных троп возникают условия для концентрации таких крупных хищников как медведь, волк и росомаха. Из пушных зверей наибольшее промысловое значение имеют соболь, горностай и песец. В силу специфики рельефа всякое перемещение животных (миграция или расселение молодняка) в значительной мере сопряжено с пространственной ориентацией гидросети, с учетом конкретных природно-климатических особенностей разных провинций плато.

Одной из таких особенностей является глубина и плотность снегового покрова. Юго-западная часть Пutorана наиболее глубокоснежна, что объясняется наличием таких крупных водоемов как Хантайское озеро, озеро Кета, Хантайское водохранилище, протяженность плесов которых превышает 100 км; обилием мелких щелевидных горных озер, длиной от 60 до 100 км (Дюлкун курейский, Куюмбинские, Хаканча, Кутарамакан и др.). Л. Н. Окишева (1988) характеризует климат Хантайской гидросистемы как холод-

ный, избыточно увлажненный. становление постоянного снежного покрова происходит в конце сентября — начале октября. Активное разрушение — с конца мая до третьей декады июня. Нарастание глубины снегового покрова происходит быстро, хотя и имеются значительные колебания количества осадков от года к году по всем месяцам. Горный рельеф обуславливает неоднородное распределение снегового покрова. Глубина его изменяется от 40—65 до 95 см на льду озер, до 130—180 см на облесенных склонах гор. В ущельях рек и на отдельных участках береговой линии озер имеются места, где сильный ветер продувает выпавший снег до голых скал. Под давлением снеговой массы и быстрым падением уровня воды в озерах происходит растрескивание и оседание льда, что ведет к образованию обширных наледей, плохо промерзающих в глубоком снегу.

Обильные снегопады с частыми ветрами в сочетании с многочисленными наледями существенно ограничивают возможность использования снегохода на промысле: в основном — завоз и заготовка дров, иногда проезд путников берегам крупных озер.

Узколенточное распределение лесов, пятикратные колебания численности горностая в сочетании со сравнительно невысокой плотностью соболя (по данным послепромыслового учета — 1,5—5 особи/тыс. га) требуют значительную протяженность промыслового путика. Осуществляя промысел в таких условиях, охотник поневоле задается вопросом: «Как организовать дело на охотучастке, чтобы и пушину добить и суметь сохранить попавшихся в капканы зверьков от всепожирающих мигрирующих песцов и повадившейся обчищать капканы росомахи?»

Администрация хозяйства совхоза «Хантайский» попыталась всеми возможными путями активизировать пушной промысел. Передовые охотники совхоза А. В. Копытов и Ю. В. Тюменцев развили охотпромысел на своих участках. Ю. В. Тюменцев делал ставку на добычу соболей, используя при этом все возможные способы постановки капканов (в большинстве случаев общепринятную постановку на жерди «бабочкой»). Он создавал множество

промысловых путников и осваивал большую территорию. А. В. Копытов переоборудовал все путики по разработанной им системе постановки капканов на жерди с очепом, надеясь повысить сохранность попавшихся зверьков и высвободить время за счет возможности реже проверять капканы.

В сезон 1986—87 гг. Тюменцев увеличил протяженность промысловых путников до 200 км, но снизил частоту проверок капканов, что незамедлительно сказалось на сохранности добывших зверьков. Сохранность соболей упала до 63,5 %, горностаев — до 52,4 % против 100 % сохранности соболей и 97,3 % сохранности горностаев при очепной системе. В тот сезон в капканы Тюменцева попало соболей вдвое больше, чем в капканы Копытова, за счет вдвое большей протяженности путников. Но с учетом сохранности этот показатель сократился до 1,4 раза. Основным фактором, определяющим сохранность, явилась высота снежного покрова. Чем выше уровень снега, тем легче росомахе или песцу достать из капканов попавшего в него соболя, горностая, другого песца. Кроме того, высокий снеговой покров не позволяет зверьку, попавшему в капкан, поставленный «бабочкой» на жерди, зависнуть (как по ранней осени). Следовательно, у соболя появляется шанс отгрызть лапу и уйти искалеченным. Если учсть, что величина снегового покрытия 1,3—1,5 м, то с допуском на зависание потребовалось бы поднимать жердку на высоту около 2 м, что по осени выглядело бы довольно нелепо. Эти проблемы полностью снимаются применением очепов. Средняя сохранность за четыре охотсезона при очепной системе составила по соболю 97,1 % против 77,7 % при прочих вариантах, то есть на 19,4 % выше; по горностаю — 96,7 % против 84,3 %, на 12,4 % выше. Очепная система не всегда гарантирует 100 % сохранность, так как по малоснежью подвешенный зверек находится недостаточно далеко от ствола и росомаха способна, забравшись по дереву, дотянуться до него. С увеличением мощности снегового покрова комлевая часть спущенного очепа приподнимается и попавшегося зверька снять уже затруднительно. Кроме того,

горностай, попавший в капкан поперек туловища, не в состоянии сбросить очеп, если чуткость работы системы не отрегулирована «на хлопок» капкана. При нормальной работе постановка капкана с очепом гарантирует 95 % сохранности попавшихся зверьков при проверке путика не реже двух раз в месяц, что позволяет увеличить общую длину пеших промысловых путников в зависимости от физических возможностей промысловика.

Средняя продуктивность одного линейного километра путика в естественном виде немного меньше: 0,245 особей/км по соболю при очепной системе против 0,265 особей/км при прочих способах установки. С учетом данных сохранности, фактическая продуктивность очепной системы в 1,2 раза выше (0,240 особей/км против 0,206 особей/км). Аналогичные данные для горностая показали еще больший разрыв в пользу очепной системы общей специализации по сравнению со случайными попаданиями горностая в капканы, выставленные на соболя. Средний выход за 4 года составил: 0,931 особь/км по сравнению с 0,0289 особей/км.

Постановка капкана на жерди с

очепом по способу охотника А. В. Копытова изображена на рис. 1. Высота крепления несущей жерди располагается на высоте 1,5—1,7 м (на 20—30 см выше максимального уровня снега). Высота основного удерживающего гвоздя соответствует высоте до «усов» дужек применяемых капканов. Обычно это капканы производства УАЗ № 1—2 (с предварительно снятой одной пружиной) и «Тайга» № 2. Поводок 10—15 см из тонкого тросиника. При укорачивании его наматывают на конец очепа. Крыша из елового лапника над капканом низко опущена (до 20—25 см), крепится на двух жердках, прибитых к стволу дерева. Технологически высота крыши определяется углом наклона настороженного очепа к стволу дерева.

А. В. Копытов занимается обустройством путиков в сентябре, готовя новые очепы и ремонтируя старые. Для этого требуются две жерди из лиственницы или ели. Одна из них, длиной 5—6 м, идет на собственно очеп. Вторую используют для изготовления всего прочего. Из кромлевой части изготавливают несущую жердь, отрубая кусок 50—60 см, вытесывают площадку под капкан, запиливают но-

жковкой «ласточкин хвост» для фиксации колебаний очепа, подтесывают внутреннюю сторону для более плотного прилегания к стволу дерева, вбивают гвозди, фиксирующие капкан на площадке и крепят конец укосины. После чего готовую конструкцию прибивают к дереву. Встав ногами на прибитую несущую жердь, охотник на уровне глаз привязывает к стволу дерева сам очеп. После этого вырубают из кустарника «доставалку» — ветку, длиной 2—2,5 м с сучком на конце. С ее помощью подтягивают верхний конец очепа и настораживают капкан. Крышу делают в последнюю очередь. Расход материалов следующий: 2 жерди, 1 м капроновой веревки — 5—6 мм, 7 гвоздей на 90—120 мм и 2 гвоздя на 70—80 мм. Инструменты: топор, ножовка, плоскогубцы. За день можно изготовить 8—12 очепов, после приобретения некоторой сноровки — 15.

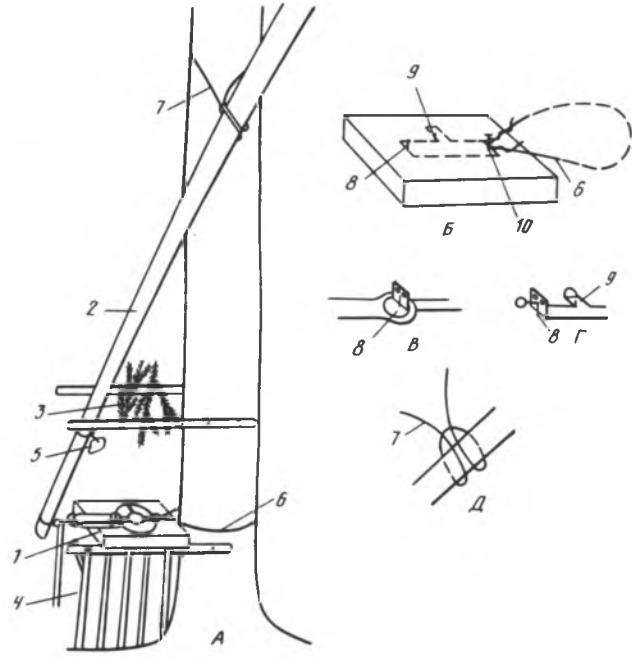
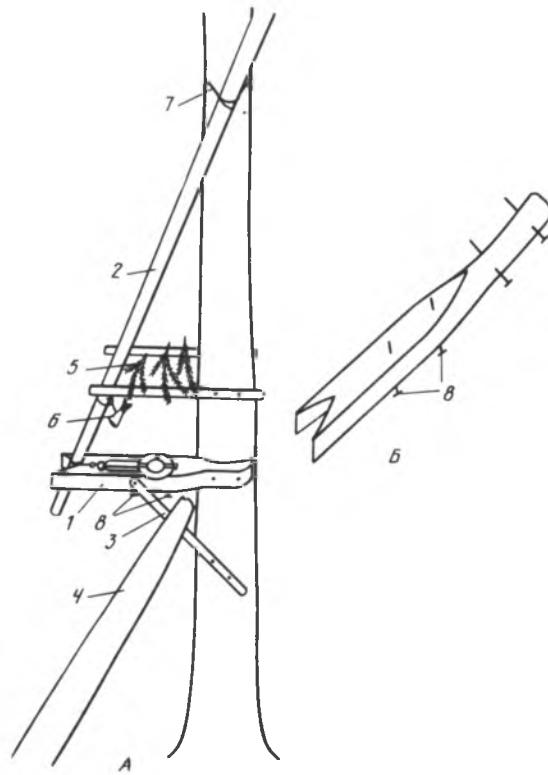
Промысловые путики в подавляющем большинстве расположены прямо по берегам озер и рек и по своей промысловой избирательности являются общими для добычи разных видов пушных зверей. При наличии подходящего сбежека-бревнышка, диаметром 10—15 см, в капканы попа-

Рис. 1. Очеп охотника А. В. Копытова:

А — общий вид, Б — несущая жердь, 1 — несущая жердь, 2 — очеп, 3 — укосина, 4 — сбежек, 5 — крыша, 6 — приманка, 7 — веревка, 8 — гвозди, фиксирующие капканы.

Рис. 2. Постановка капкана на плашку с очепом:

А — общий вид, Б — плашка, В — упор капкана УАЗ, Г — упор капкана «Тайга», Д — петля крепления очепа, 1 — плашка, 2 — очеп, 3 — крыша, 4 — «шалашик», 5 — приманка, 6 — проволока, 7 — веревка, 8 — основной упорный гвоздь, 9 — дополнительный упор, 10 — крепежный гвоздь

дают не только соболи и горностаи, но и мигрирующие песцы.

Общеизвестно, что соболь более часто попадает в капканы, поставленные в «шалашике», чем на жерди «бабочкой». Для горностая тоже постановка капканов на высоте 1,5 м далеко не лучший вариант. А уж песец — и подавно не древолаз и должен быть очень голоден, чтобы залезть на такую высоту, пусть даже по толстому и пологому сбежеку.

Исходя из этих соображений, после многолетних проб и ошибок я пришел к выводу, что можно использовать «плавающую» систему установки капканов на плашку с очепом (рис. 2). Плашка представляет собой обрезок доски, толщиной 15—20 мм, по величине чуть больше капканов. В нее вбито 2—3 гвоздя, в зависимости от марки капканов. Размер гвоздей 50—70 мм. Основной упорный гвоздь пробивает плашку снизу насквозь и торчит на высоту до 10 мм. Он служит основным элементом, удерживающим капкан на плашке, и определяет чуткость всей системы. Регулируя его высоту (от 5 до 10 мм), можно достичь чувствительности очепа на хлопок капканов. Помимо этого, он ограничивает движение капканов в стороны по плашке. При использовании капканов УАЗ № 1, 2 этот упор располагается внутри кольца пружины и ограничивает движение в обе стороны. При использовании капканов «Тайга» № 2 он ограничивает движение вправо, входя в соприкосновение с вертлюгом капканов. Движение капканов влево в этом случае ограничивает дополнительный упор, высотой не более 5 мм. При постановке капканов УАЗ этот упор не нужен. Крепежный гвоздь забивают в плашку сверху между «кусов» дужек капканов, высота его до 20 мм. Одновременно он служит и для крепления мягкой проволокой плашки к стволу дерева. В момент работы всей системы, при креплении за этот гвоздь, возникают силы, слегка приподнимающие вверх край плашки возле очепа. За счет этого достигается прочная фиксация капканов на плашке и в настороженном состоянии плашка с капканом способна устойчиво висеть в воздухе. При всяком другом месте привязывания плашки к дереву этот эффект теряется. К тому же, крепление за один гвоздь позволяет плашке совершасть горизонтальные колебания при ветровом покачивании конца очепа. Для привязывания я использую любую, имеющуюся под руками, мягкую проволоку — от алюминиевой до нихрома. Плашку желательно привязывать плотнее к дереву, этим обеспечивается лучшая устойчивость. Очеп вдевают в петлю из 5—6 мм капроновой веревки. Место крепления петли — один мах от вершины очепа при длине очепа 3 маха. Концы веревки связывают между собой на противоположной стороне ствола таким образом, чтобы петля вокруг ствола была свободна. Это позволяет, не развязывая узла, продвигать очеп

по стволу вверх и вниз на необходимую высоту. Закрепление очепа на нужном уровне осуществляется за счет вбитого гвоздя или зарубки на стволе дерева.

Теперь несколько слов о преимуществах этой системы. Как видно из рисунков, все основные узлы крепления к стволу дерева мягкие. Это позволяет за пару минут поднять всю систему на очередной уровень высоты в зависимости от роста снегового покрова. Она как бы «плавает», перемещаясь по стволу. Обычно хватает двух, реже трех уровней, то есть в дерево забито 2—3 гвоздя, на которых висит очеп. Я начинаю промысел в «шалашике», ближе к Новому году поднимаю систему на крышу «шалаша». В особо снежные годы начинаю промысел сразу с крыши «шалаша», а затем поднимаю на вторую крышу. Иногда использую постановку на чурке, а затем подставляю вторую. Вариантов в этом случае масса и зависят они от подручного материала, включая и просто снежный холмик. Прибив с боков к плашке стенки или оградку, можно ее превратить в «плавающий шалашик». Приманку привязываю к очепу. В случае применения берестяной трубы или «шалашика» приманку крепят за капканом к стволу дерева, используя накроху. Вход в этом случае со стороны очепа.

Следующим преимуществом является возможность маскировать капкан под салфетку или просто снегом, сухой травой. Это заметно повышает уловистость таких видов как песец и даже соболь, но несколько снижает чуткость на горностая. Пройдя весь Таймыр, мигрирующий песец в южных Путоранах — это уже не тот беспечный зверек. Во многих случаях он бывает хорошо знаком с внешним видом капканов и умеет избегать неприятных осложнений.

Третьим преимуществом можно считать экономичность материалов, простоту и быстроту установки, возможность легкой перестановки с места на место. Имея в рюкзаке заранее заготовленные плашки, можно за день без особого труда выставить более 20 капканов. При необходимости быстро освоить какой-то участок, можно выставлять плашки, прикрывая их нарезанными дома полосками рубероида (по типу «берестяной трубы»).

Следует также отметить и ненужность поводков для капканов УАЗ, а для «Тайги» достаточно одного-двух звеньев проволочной цепи. Капкан крепят к концу очепа металлической проволокой 1—1,5 мм непосредственно за вертлюг. Заводские вертлюги лучше сразу заменять на самодельные из гвоздей (90—120 мм). Данная система в среднем производительнее очепа А. В. Копытова в один — два раза, но требует более внимательного слежения за уровнем снегового покрова и, следовательно, дополнительной работы по обслуживанию.

Окончание следует.

ЖЕНЬШЕНЬ В ОПАСНОСТИ

Журнал «Охота и охотниче хозяйство» опубликовал статью «Корень жизни — женьшень» (№ 9—10, 1992 г.). В ней я подробно рассказал о работе клуба «Женьшень», о людях, которые долгие годы шли к своей цели — сохранить и приумножить запасы женщина в тайге. И нам это удалось. Было нелегко. Прошли годы, и наш дальневосточный эндемик зацвел на Украине, Беларусии, Прибалтике, дошел до Урала и Сибири. Многие люди сумели поправить свое здоровье, многим в дом вернулось счастье.

Но в стране шли и другие процессы, которые, видимо, никто не в силах остановить. Ужасающие репортажи с мест аварий и катастроф, массовые заболевания людей — заложников химического производства, нищета... Перед многими встало проблема выживания. И взоры обратились к природе. В тайгу хлынули толпы любителей легкой наживы. Драли все то, что было сохранено за последние десятилетия. Был принят государством закон об охране природы, были введены огромные штрафные санкции, но ничто не спасает женщина от уничтожения. Не остановит браконьера штраф, если он знает, что корейцы и китайцы, которые издревле знали настоящую цену корня, оплатят ему все, причем многие платят валютой. А приемные пункты госпромхозов платили мизер по сравнению с иностранцами. И поплыло наше национальное достояние за рубеж, за шмотки, за автомобили.

В этом году цены на черном рынке поднялись до трех тысяч за один грамм. Где же взять денег пенсионеру или женщине, которая родила неполноценного ребенка из-за своих «химических» болезней, на настойку, чтобы выхodить его. А с другой стороны в настоящее время остается невостребованным корень женщина-водовлюблений: цены у них в два-три раза ниже, чем на дикорастущий, хотя качество его не уступает своему собрату из леса, что и было доказано профессором И. И. Брехменом. А редактор журнала «Труды фармакопеи Китая» профессор Дин опубликовал работу Ю. Н. Елькина, который одновременно анализировал два корня, дикорастущий и приобретенный у меня в 1990 г. Результаты еще раз доказали, что наш приморский женщень, выращенный в определенных условиях не уступает дикорастущему. У нас, в г. Партизанске, построен новый фармацевтический завод, который вполне может производить настойку женщина из дорощенного корня. Но завод не имеет средств, чтобы установить

технологическую линию, приобрести сырье. Многие женьшеньеводы не найдя сбыта, сворачивают свои плантации, саживая грядки овощами, уносят корень в тайгу. А там он превращается в добычу браконьеров. Только у меня за прошлый год было выкопано несколько сот корней женьшенья, посаженных мною в лесу. Но ведь это были молодые растения, их вес едва достигал 15-20 г. Все они очевидно, оптом, по низкой цене ушли за кордон. Тайга опустела, а точнее сказать осиротела.

Нужны радикальные меры правительства. Женьшень недостаточно было занести в Красную книгу, его надо действительно охранять. Чтобы спасти женьшень, необходимо наладить промышленное и любительское женьшеньеводство. Заводы дотировать, желающим заняться выращиванием женьшенья, выдавать льготные кредиты, упорядочить закупочные цены соизмерима затратам и качеству корня. Любые затраты окупятся здоровьем людей.

Н. КОВАЛЬЧУК,
женьшеньевод-наставник
по Приморскому краю
г. Партизанск

Охотовед Зубово-Полянского района Мордовии Л. Шурупов в своем письме в редакцию рассказывает о таком случае. В декабре 1992 г. он с командой охотников проезжал по деревне Журавкино. По просьбе одного из членов команды, работающего в милиции, они остановились. Работник милиции зашел в дом к знакомому, но в доме никого не оказалось. Он увидел там ружье в собранном виде и взял его. Работник милиции вместе с командой охотников продолжал оставаться на улице, когда вернулся владелец ружья. Он стал обвинять работника милиции в краже ружья. Документы на ружье у его владельца были в порядке.

«Правильно ли поступил работник милиции?» — спрашивает Л. Шурупов.

Работник милиции в данном случае поступил противозаконно. Ст. 41 Конституции РФ провозглашает непрекословность жилища. Никто не имеет права проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц. В соответствии с Законом от 18.04.91 г. «О милиции» с последующими изменениями и дополнениями работниками милиции беспрепятственно разрешается входить в жилые помещения при определенных условиях, например при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Но в данном случае таких условий не было. Изымать ружье без хозяина работник милиции не имел права. Если при хранении ружья владелец допустил нарушение правил, то об этом составляется протокол в присутствии владельца.

Юрист Н. АСТАФЬЕВ

ПОПУЛЯРНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Н. Ф. РЕЙМЕРС

Техносфера (гр. техне — умение, мастерство + гр. сфера — шар): 1) часть биосферы, преобразованная людьми с помощью прямого и косвенного воздействия технических средств в целях наилучшего соответствия социально-экономическим потребностям человечества; при существенном ограничении — глобальной рациональности преобразований с учетом задачи сохранения того типа биосферы, который необходим для жизни и развития человечества. Т. потенциально становится частью ноосферы; 2) практически замкнутая будущая регионально-глобальная технологическая система утилизации и реутилизации вовлекаемых в хозяйственный оборот природных ресурсов, рассчитанная на изоляцию хозяйственно-производственных циклов от природного обмена веществ-2 и потока энергии. Т.-2 возможная составляющая часть будущей ноосферы.

Убиквист (лат. убикве — везде, повсюду) — крайне широко распространенный вид (обычно космополит), живущий в самых разнообразных условиях среды, часто во мн. ландшафтных зонах (т. е. с чрезвычайно широкой экологической валентностью). Напр., лисица и волк встречаются в тундре, хвойных и лиственных лесах, степях, пустынях, горах, на окраинах населенных мест (волки недавно жили даже в пределах Москвы), тростник обыкновенный растет в воде, на сухе, на глиняном и песчаном грунте.

Урёма [турк.] — лиственные леса и кустарники (тополь, вяз, ива, черемуха и др.), растущие на поймах и на низких террасах рек в пределах лесостепной, степной и полупустынной географических зон.

Урман [турк.] — темнохвойный лес (пихта, ель, кедровая сосна — сибирский кедр), растущий в приречных участках таежной зоны Зап. и Ср. Сибири.

Учение о биосфере — область знания, исследующая историю, структуру и функционирование биосферы. Включает ряд научных направлений естественно-исторического и общественного профиля (биосфера и человек, также наоборот — человек и биосфера). Различают биохимическую, географическую, экологическую и др. концепции У. о. б. — специфические подходы наук внутри этой области знания. В рамках общей биологии рассматриваются гл. обр. географические (границы биосферы) и биогеохимические (круговорот веществ) подходы к биосфере и воздействие человека на нее. В ходе синтеза знаний при формировании У. о. б. оно все больше становится одной из фундаментальных основ «новой» — мегаэкологии (см. Экология). Основы У. о. б. создал В. И. Вернадский.

Учет численности — выявление абсолютного числа особей, приходящихся на единицу площади (объема), или суждение о плотности их населения на основе стандартизованных методик определения относительного числа особей (по уловитости орудий поимки, степени повреждения растительности фитоформами и т. д.).

Фенология (гр. файно — явлю + логия): 1) совокупность знаний о сезонных явлениях природы, сроках их наступления и причинах, определяющих эти сроки; 2) раздел популяционной экологии, рассматривающий сезонные аспекты жизни вида (Ф. тополя, березы, китов и т. п.); 3) раздел фенетики, изучающий периодичность появления фенов, или то же, что фенотип в целом.

Фитоценоз (фито... + ценоз-2) — более или менее устойчивая естественная группировка (сообщество) видов растений на относительно однородном участке — биотопе, находящихся в сложных функциональных отношениях между собой и условиями окружающей их среды (абиотической и биотической). Ф. ограничен от др. подобных группировок условно самостоятельным круговоротом веществ и образует собственную внутреннюю среду (фитоклимат и др.). Ф. может быть составлен растениями немн. и мн. видов, одного и мн. их поколений. Он неотделим от биоценоза и биогеоценоза. Ф. характеризуется теми же структурными подразделениями, что и биоценоз: слоями, ярусами и др.

Синоним: растительное сообщество.

По страницам старых журналов

Ж. «Охотник и рыбак Сибири», № 4, 1931.

9.000.000 ЯИЦ!

С. В. ЖДАНОВИЧ

Как в таежной полосе Западно-Сибирского края зачастую свирепствуют лесные пожары, так в степно-озерной части ежегодно бушуют палы и пожары тростниковых зарослей болот и озер.

Одной из причин возникновения палов и пожаров тростников является стремление населения подготовить удобные площади для сенокошения. Для этого в большинстве случаев выжигаются не выкошенные в предыдущем году участки. Очень редко участки, скошенные рано, в мае — начале июня, участки, выкошенные в июле, августе, не выжигаются, так как тростник здесь не отрастает до следующей весны.

Сенокосные участки выжигаются без всяких мер предосторожности, и огонь распространяется до границ естественной преграды — воды, оголенной земли, выжженного поля, накатанной дороги. При сильном ветре, нередко в степи и лесостепи огонь перебрасывается и через такие преграды, если они не широки. Так, с подожженных сенокосных участков (палов) огонь перебрасывается в заросли тростников.

Реже палы возникают от неосторожного брошенной спички или от желания поджигателя полюбоваться зреющим пожаром.

Тростники чаще всего зажигаются сборщиками яиц водоплавающей дичи. Тростник выжигается, чтобы легче было ходить и дальше видеть. Эти данные получены из охотобследования 6. округов: Барабинского, Славгородского и Омского. Пожары тростников ради сбора яиц особенно практикуются в системе Чановских озер б. Барабинского округа.

Здесь сбором занимаются буквально все. По данным охотобследования, количество собранных в районе Чановской системы яиц в среднем на одно хозяйство выражается так: в 1924 г. — 219 шт., в 1929 г. — 350 шт.

и в 1930 г. — 145 шт. Всего хозяйств в районе — 47 000.

Отсюда в 1930 г. собрано около 9 миллионов яиц! Это яйца, годные в пищу. Но для того, чтобы собрать 9 миллионов яиц, годных в употребление, нужно загубить их во много раз больше. Многие из них испекутся в огне, многие окажутся насиженными, многие будут расклеваны грачами и воронами. За десять километров, зайдя в дым, грачи и вороны стаями летят к месту пожара. Не стесняясь даже присутствия людей, собирающих яйца, хищники набрасываются на оголенные гнезда и разоряют их.

По данным охотобследования, выжигающиеся ежегодно палами и пожа-

рами тростников площади распределяются так:

Чановский охотоврайон (сист. Чанских озер) — 252 000 га.

Славгородский охотоврайон (сист. Бурминских и Карасукских озер) — 48 000 га.

Тюкалинский охотоврайон (Исилькуль — Тюкалинская степь) — 124 000 га.

Должно заметить, что это только площадь, занятая интенсивным гнездованием дичи.

Из 3 миллионов га обследованной территории Чановского охотоврайона удобных охотугодий 1 200 тыс. га, мест интенсивного гнездования 231 тыс. га. Средняя плотность гнездования — 10 гнезд на 1 га. Если принять средний выводок водоплавающей за 8 штук молодняка, получим годовой приплод 22,5 миллиона птиц. Ежегодно выгорает 90 % мест гнездования.

Таким образом, годовой приплод, водоплавающей уменьшается в охотовайоне до 2,5 миллиона птиц.

Возможность использования водоплавающей как мясной продукции, а в недалеком будущем, быть может, и как экспорта сама говорит за вред, причиняемый палами и пожарами охотничьему хозяйству, и через него хозяйству страны.

Годовой отстрел, иначе — годовая продукция, при настоящей возможности промысла выражается примерно в 25 проц. приплода. Отсюда Чановский охотоврайон, убогенный от палов и пожаров, при организованном ведении хозяйства охоты может дать за год продукции в 5,5 миллиона птиц, стоимостью примерно в 2,5 миллиона рублей. И обратно, если сжигать места гнездований, охотовайон не может дать больше 300 тыс. птиц, стоящих 150 тыс. рублей.

Приведенного достаточно, чтобы оценить вред, приносимый палами и пожарами тростников, и сделать вывод

о необходимости самых решительных мер к прекращению их.

Но выше мы говорили, что палы поджигаются для возобновления сенокосных угодий. Как увязать борьбу с палами с интересом сельского хозяйства? В большинстве случаев пускание палов для восстановления сенокосных угодий делается без всякой надобности. Подтверждением могут служить данные того же обследования.

Так, например, сельсоветы Купинского района — Чанский и Черкульский — и Юдинского района — Кановский, где пускание палов приносит особенный вред местам гнездования, дали охотовследователю официальные справки о том, что на выжженных палами местах сено не скашивалось. Палы пускаются по некосям с расчетом в этом же году охватить большую площадь. Расчеты не оправдываются, и пал остается бесполезным. Но в тех

случаях, когда возможность охвата большой площади верно рассчитана или когда пал нужен на рано склоненном в прошлом году сенокосном участке, палы пускать и можно и нужно. Палы сенокосов не вредят гнездованиям, находящимся в местах, небудьных для сенокошения.

Если в сене степно-озерного края и можно видеть некоторую часть тростника, иногда даже значительную, то происходит это оттого, что тростник в прибрежных участках распространяется далеко на сушу. В таких случаях сравнительно негустые заросли его не служат местом гнездования.

Но если палы и пускать на сенокосях, то необходимо делать это со всеми предосторожностями.

Выжигать сенокосы, по возможности, в безветренную погоду. Выжигаемые участки, если они не ограничиваются естественными преградами огню, нужно ограничивать искусственными, т. е. прокосами, пропалинами. Палы должны пускаться в присутствии достаточного количества людей, чтобы загасить перебросившийся за границы огня. Руководство палами должно лежать на местной власти — сельсоветах. В организованных охотовхозяйствах палами может руководить охотстраж.

Ответственность за переход огня вне границ сенокосных участков должна ложиться на руководителей в первую очередь.

Есть и еще способ борьбы с некосью. Его ряд лет практикует Сажинский сельсовет Тюкалинского района. Учитывая вред, приносимый палами охотугодьям, сажинцы постановили: воспретить палы в районе своего сельсовета. На некоси же, для их очистки от старой травы, пасли весною скот. Постановление сажинцами проводится в жизнь, и палов у них не бывает.

Борьба с палами и пожарами в степно-озерном крае должна стать задачей не только органов местной власти, обязанных наблюдать за выполнением постановления ЗСКИКа от июля 1930 г. о сроках и способах охоты, воспрещающего (пункт 3) пускание палов и зажигание пожаров. На борьбу с пожарами должна организоваться вся охотничья масса, и впереди нее — охотничий актив.

Недостаточно только привлечения виновных к уголовной ответственности по ст. 86-й, ч. 1, УК. Необходима самая широкая культурно-разъяснительная работа в этой области.

И если в местах уже организующихся охотничих хозяйств охотник-хозяин начинает понимать значение бережного отношения к охотугодьям, охотзапасам, то остальная охотничья масса должна понять, что придет очередь устройства и их охотугодий. Что угодья эти в недалеком будущем явятся источником доходов. Чем лучше охотник убережет их, тем продуктивнее будут они.

БЕДЫ АМУРСКОГО ТИГРА

С. КУЧЕРЕНКО

Невозможно не согласиться с О. К. Гусевым (1993) в том, что в отношении к хищным животным мы прошли бесславный путь от экологического варварства до экологического изуверства. Более всего поражает, что ученые все еще вырабатывают экологически обоснованный, зрелый подход к разрешению проблемы «хищных и вредных» животных, в то время как вся живая природа уже поставлена на колени людьми и исчезает надежда на ее спасение.

Однако более всего удручет не столько медлительность ученых в разрешении актуальнейших проблем взаимоотношений человека с дикими животными вообще, особенно с хищными зверями и птицами, сколько нежелание чиновников всех уровней, от районного до правительенного, воплощать в жизнь научные рекомендации, которые уже существуют.

Примеров сказанному как угодно много, но остановимся на сложных коллизиях взаимоотношений человека с амурским тигром — хищником не просто стопроцентным, могучим, отважным, красивым, но в то же время прохорливым и расточительным, венчающим сложную пирамиду трофических отношений, давним персонажем Красных книг — от международной до краевой.

Немного истории. В недалеком прошлом человек был одним из объектов охоты тигра, пусть и редким. Вполне возможно, что обостренный интерес людей к этому зверю подсознательно хранился генетической памятью с тех далеких времен, когда примитивно вооруженный человек был желанной и легкой добычей очень сильного хищника.

История взаимоотношений тигра с человеком сложна и полна драматизма: С ней связана культура и культ многих народов южной и юго-восточной Азии. Народности Амуро-Уссурийского края строго почитали амбу (местное название тигра) и на него не охотились. А было тигров здесь к началу освоения региона Россией в несколько раз больше, чем теперь.

Охотиться на тигров стали с заселением края россиянами. И не только ради трофея и заработка, но и в целях

борьбы с вредным и очень опасным хищником, часто нападавшим на скот и людей. Тигры-людоеды регулярно появлялись то в одном районе, то в другом, наводя на население ужас. Как засвидетельствовал Н. М. Пржевальский (1870), полосатые хищники «...таскают собак, коров, но при случае не прочь полакомиться и человеком. Таким образом, на реке Цимухе в 1867 г. тигры задавили двадцать одного человека и шестерых ранили... Наглость этих зверей иногда доходит до того, что они прямо врываются ночью в избы и таскают спящих людей. Некоторые из изб совсем даже брошены потому, что в них нет житья от тигров».

Домашних животных в то время амба давил не только в трудное для него зимнее время, но и летом, хотя диких копытных в уссурийской тайге было так много, что современному охотнику в это трудно поверить. Но безнаказанно давил недолго: охота на него год от года крепла, а особи, «непочтительно» ведущие себя с людьми, и «скотники» целенаправленно уничтожались.

Конечно же, охота на многочисленного амурского тигра сто лет назад была не только не противостоящей, но и необходимой. Однако со временем она чрезмерно активизировалась и велась бесконтрольно даже тогда, когда поголовье этого зверя в первой четверти ХХ в. сократилось в 4—5 раз, а уцелевшие особи стремились жить в глухих дебрях уссурийской тайги, удаленных от населенных пунктов. Но смелые до трофеев и заработка азартные российские охотники «доставали» их и там...

К концу 30-х гг. тигр оказался на грани истребления. И был бы уничтожен еще тогда, если бы не коллективизация; не кооперация и не массовый вследствие этого, отход охотников от промысла; не начавшаяся вскоре война, забравшая в армию почти всех таежных промысловиков. Именно это, как теперь стало ясно, спасло популяцию амурского тигра, а не Закон об его охране, принятый лишь в 1951 г., когда поголовье хищника уже быстро шло на подъем естественным путем.

В 60—70-х гг. численность тигра в Приморье и Приамурье настала стре-

мительно: в 1970 г. их было около 150 особей, за десять последующих лет это поголовье увеличилось до 250, а к середине 80-х гг. на Сихотэ-Алине и южной окраине Приморья тигринные ряды насчитывали до 400 особей.

Закон же об охране «краснокнижного» хищника оставался в силе и содержании с тех еще лет, когда его поголовье было в 3—4 раза ниже, копытных, в том числе основных его жертв — кабана и изюбра, — в 8—10 раз больше, а охотников-таежников несравненно меньше. Вообще охрана амурского тигра, как в свое время туранского в Средней Азии, была и остается удивительно формальной, размытой и безличенной. Безответственной.

Такое нелогичное, в известной мере бездумное и слепое отношение к когда-то правильно взятому под охрану закона хищнику обернулось для него «новой» катастрофой. Предвидеть же ее можно было задолго до этого, потому что численность даже занесенных в Красные книги видов должна поддерживаться на разумно оптимальном уровне, и не выше того. Тем более, если речь идет о потенциально опасных для человека животных, к тому же еще и остро конкурирующих по использованию ценных, очень нужных людям таежных ресурсов.

В пору неуклонно быстрого нарастания численности тигра и расширения его ареала мне довелось несколько лет работать в охотустроительной экспедиции, тщательно обследуя самые таежные, наиболее «тигриные» промхозы по Сихотэ-Алину. Четко прояснялась картина как численного соотношения крупных хищников и их жертв, так и их воздействия на биоценотические комплексы и охотничье хозяйство. И уже тогда пришлось в научной литературе писать и докладывать: «В связи с увеличением численности тигра вопрос вреда, причиняемый им животноводству и охотничьему хозяйству» (Кучеренко, 1970). В подтверждение сказанному приводились доводы: тигр на «среднеразмерном» участке обитания в 25 тыс. га за год добывает до 18 % суммарной численности кабана и изюбра. Ольгинский госпромхоз, в котором я тогда работал, за год заготавливал 130—150 голов этих ко-

Увидят ли тигра наши внуки?

Фото Д. Мезенцева

пытных, обитавшие же в его угодьях тигры давили их в 8—10 раз больше. И потому тогда же, в 1970 г., отмечалось: «...напрашивается вывод о том, что численность тигра, несмотря на его огромную научную и эстетическую ценность, при превышении оптимальных величин целесообразно сдерживать...» (Кучеренко, 1970). Как, скажем, сдерживается поголовье африканских слонов, когда их становится много.

Но не взымали эти рекомендации действия ни на охотоведения, ни на Главохоту РФ, ни тем более на советы, исполномы и природоохранные организации.

Призывать же к безоговорочной охране зверя, пусть ставшего уже и не исчезающим и даже не редким, было куда престижнее и выгоднее в личном плане, хотя требовать запретов и охраны проще всего, гораздо сложнее учитывать все аспекты проблемы. Чрезмерное усердие в охране не только излишне, но нередко и вредно. Не всякий отстрел жесток, как считают дилетанты, иногда он биологически необходим, однако убийство вследствие чрезмерной охраны и милосердия заслуживает сурового порицания.

Но призывы к охране тигра разда-

вались и печатались год от года громче и чаще, а всякие заявления о дифференциации интересов его охраны и охотничьего хозяйства воспринимались как «подыгрывание охотоведению». И очень странно было это слышать от охотоведов, волею случая оказавшихся сотрудниками дальневосточных академических институтов, к слову сказать, получавших в охотоведении лицензии на добычу копытных регулярно и в полной потребности даже тогда, когда их уже не хватало тигру.

Мне тоже неоднократно приходилось писать о необходимости охранять «красу и гордость уссурийской тайги — амурского тигра», однако эти призывы печатались в годы еще не столь высокой его численности в популярных статьях и очерках, рассчитанных на «широкого» читателя. И это было необходимо. Другое дело, научные публикации и охотоведческая литература, где требуются строгие выкладки и всесторонне обоснованные предложения. Взгляды научных сотрудников и специалистов охотничьего хозяйства на проблемы охраны природы должны всегда тесно увязываться с не менее важными задачами рациональ-

ного использования ее ресурсов. Рассуждения же об охране того или иного редкого вида становятся весомыми лишь в том случае, когда они увязываются с его численностью и воздействием на биоценозы.

По мере роста численности тигра медленно, но неуклонно сокращалось поголовье кабана, изюбра и других копытных. Конечно же, сказывалось пагубное сведение кедровых лесов, промысловая охота на копытных, усиление браконьерства. Для технически хорошо оснащенных охотников уже не оставалось недоступных уроцищ.

Но в конце 60-х гг. мне пришлося несколько лет поработать в сердцевинной зоне Сихотэ-Алиня, тогда еще редко посещаемой охотниками и густо заселенной всяkim зверем. И выяснилось: тигры за год добывают 26—33 % кабаньего поголовья, 12—14 % изюбриного и 5—6 % косульского. И здесь же бурый медведь активно преследует кабанов, волк — изюбрей и косуль, вследствие чего численность этих копытных остается лишь немного выше, чем в меру опромышляемых угодьях, а по мере роста числа тигров — неизбежно падает.

Уместно заметить, что в националь-

ном парке Серенгети хищники ежегодно изымают лишь 9–11 % биомассы популяций своих жертв (Шаллер, 1972).

Здравомыслящий охотовед и зоолог не станет отрицать способность хищников не только сдерживать численность своих жертв на невысоком уровне, не в лучшую сторону деформируя их половозрастную структуру, но в неблагоприятных условиях и подавлять ее. Пресс хищников в уссурийской тайге и в доброе старое время был основной причиной сравнительно низкой плотности населения копытных даже в неопромышленных угодьях. Однако амурского тигра это как бы и не касалось, потому что он значился в Красных книгах.

В уссурийской тайге хищников было спокон веков много, но главным был и остается тигр — охотник высокого мастерства, неумеренного аппетита и, скажем еще раз, расточительности. Роль «пастуха», «санитара» и «селекционера» ему опасались приписывать даже неисправимые алармисты в пору бездумного биологического пацифизма в 60–70-х гг., ибо всем было известно, что его жертвами становятся не больные и неполноценные, но наоборот, наиболее упитанные. Из числа тех, кому просто не посчастливится оказаться на дистанции неотразимого атакующего броска хищника.

«Среднему» тигру в год требовалось до 70–75 крупных копытных. Численность же этого хищника быстро нарастала, а поголовье копытных сократилось до той минимальной черты, что уже в середине 80-х гг. охоту на них в Приморье и Приамурье стали закрывать.

Разумеется, были и другие причины падения численности копытных и в их числе промысловая и любительская охота. Если бы государство было действительно заинтересовано в полном обеспечении будущего амурского тигра, промысловые заготовки мяса диких копытных с промхозов давно бы сняли.

Анализируя состояние охотничьепромыслового хозяйства и охраны природы в Приморье и Приамурье, мы неоднократно высказывались о том, что нельзя в одних и тех же угодьях бесконечно долго формально охранять тигра и одновременно, в тех же угодьях, вести промысловую и любительскую охоту на копытных, что охрана этого зверя в вовсю опромышленной тайге рано или поздно даст роковой сбой, что охранять его надежнее всего в системе больших по площади заказников и заповедников... Но государство наше всегда предпочитало охранять природу, в том числе и тигра, формально, скепто и подешевле.

А жадный теряет вдвое.

Промысловые охотники тигра не любят, как конкурента по добыче копытных животных, к тому же заставляющие жить на своем таежном участке

в постоянном напряжении: зверь этот всегда оказывает на людей магическое воздействие. Не любят его и за то, что он систематически истребляет собак, которые охотнику дороже, пожалуй, чем лошадь и корова крестьянину. И потому они при удобном случае этого хищника всегда стреляли. Стреляли ради избавления. И бросали. Сначала — с опаской, потом — таясь меньше, ибо утрата законопослушания в наше бурное перестроено-реформаторское время охотников не минула. Но стреляли и бросали раньше, теперь же на амбу охотятся целенаправленно, потому что удачный выстрел по нему делает охотника боязливым.

По мере роста численности тигра количество самовольных его отстрелов нарастало. Если в начале 70-х гг. в год убивали 10 тигров или несколько больше, то в 1986 г. браконьерских и разрешенных отстрелов только официально было зарегистрировано 43, из них 5 — в окрестностях Владивостока, около 20 — по разрешениям Главохоты РСФСР и местных охотуправлений. А легальные отстрелы поощряли самовольные.

В 1984–1986 гг. голодные тигры вышли на дороги и стали часто подходить к сельским окрестностям в надежде поживиться домашними животными или трупами на скотомогильниках. Ночами они, бывало, заходили и в села. Вполне естественно, перепуганное население требовало оградить его от хищников, а пресса запестрела статьями и очерками: «Тайга — не тигропитомник», «Охранять или уничтожать?», «Доохранялись...».

Да, доохранялись. Это ярко выяснилось в 1985–1986 гг., когда в дополнение к сказанному антитигриные газетные статьи подхлестнули стихийное истребление тигра.

Трагические события побуждали немедленно принимать срочнейшие меры уже по спасению тигра от быстро нарастающей волны сначала официальных, потом же и самовольных отстрелов бедствующих тигров. Нужно было резко улучшить охрану угодий и уже сточить наказания за браконьерскую охоту на тигра. Требовалось, наконец, обратить внимание на уже 20 лет повторяющиеся рекомендации и требования расширить площади Сихотэ-Алинского и Лазовского заповедников, объявить в лучших тигриных районах без населенных пунктов просторные зоны ограниченного хозяйственного использования и организовать в них эффективную охрану тигра, запретив охоту на копытных и максимально активизировав промысел бурого медведя. Наконец, уже нельзя было медлить с внедрением в практику расчетов по оптимальному поголовью тигра, при котором и этот зверь оставался бы персонажем Красных книг всех рангов, и существовал бы «пото-

лок» его численности, обеспечивающий неистребительную жизнедеятельность эксплуатируемых хищником популяций копытных животных, и была бы сведена к минимуму противозаконная охота на краснокнижный вид.

Но ничего этого не было сделано. Оставались лишь голые, ничем не подкрепленные, внешне эффектные призывы к охране «царственного» зверя. У местных охотуправлений не находилось нужных дополнительных средств, Главохота же не считала охрану тигра своей проблемой, отдав ее на разрешение и откуп Хабаровску и Владивостоку. И потому-то этот зверь до сих пор остается беспризорным, за бедственное положение которого и спросить не с кого.

Информация для сравнения. В Индии — стране наиболее драматичных отношений тигра с людьми, резкий и эффективный поворот от фактического истребления этих зверей к их строгой охране наступил в 1969 г., когда премьер-министр И. Ганди дала слово полностью и строго запретить охоту на тигров. Это и было сделано в июле 1970 г., а еще через 2 года проблемой его охраны серьезно занялись все индийские штаты, где этот зверь еще обитал.

В 1973 г. была разработана и утверждена программа «Проект Тигр». Создали 15 тигриных заповедников, организовали свыше 40 резерватов для охраны этого хищника. Люди из многих деревень, оказавшихся на территории резерватов, за счет государства были переселены в другие места. Стоимость заданных зверем домашних животных оплачивалась казной. При необходимости тигров и подкармливали. К «Проекту Тигр» присоединились Непал и Бангладеш... И численность бенгальского тигра стала быстро возрастать. В 1972 г. их было в Индии 1867, теперь же — около 4,5 тысячи. Из них 45 % обитает уже в 54 национальных парках и в 250 заказниках общей площадью 100 тыс. кв. км. (Panwar, 1987; Jackson, 1985).

То было и есть в Индии.

Статья «Цена охраны тигра» явно запоздала (Кучеренко, 1993). Теперь уже нет необходимости регулировать численность этого хищника на оптимальном уровне, теперь его надо именно спасать, потому что вследствие фактически ничем и никем не ограниченного стихийного отстрела, лова петлями, кулемами и катранами, травления ядами с 1991 г. она резко пошла на снижение. В сравнении с 1990 г., когда тигриное поголовье было определено нами в 408–430 особей, хищника уже стало меньше примерно на 100 особей. А погоня за его шкурой, тушей и костями, сущими миллионные доходы, все нарастает.

Судьбою амурского тигра серьезно обеспокоена теперь мировая общественность, в первую очередь Международный союз охраны природы и при-

КИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

М. МУРОМЦЕВА

родных ресурсов. Об этом много говорилось на прошедшем в Хабаровске в марте 1993 г. Международном симпозиуме по проблемам спасения амурского тигра. А мы, русские специалисты по этому зверю, лишь констатировали нерадостные факты и уверяли зарубежных коллег, что без их помощи «своего» тигра спасти уже не в состоянии. И в первую очередь потому «уже не в состоянии», что в свое время разработки и рекомендации дальневосточных ученых по действенной и разумной охране амурского тигра не озабочивали чиновников всех уровней, от районного до правительственного.

Это относится не только к тигру. Подобных примеров можно было бы привести много. Возьмем хотя бы маньчжурского бурого медведя, обитающего бок о бок с тигром. Зверь этот здесь далеко не редкий, очень крупный и, не в пример другим подвидам, злобный, хищный и агрессивный. Это сильный враг и конкурент тигра, в неурожайные на орехи и желуди годы специализирующийся на охоте за кабанами и не так редко преследующий некрупных тигров, при случае уничтожающий их.

Матерый бурый медведь при недостатке наживочных растительных кормов за месяц в среднем давит 3—4 кабанов, а за 4 осенне-зимних месяца — 12—16, преимущественно взрослых. В расчете на средний из многолетия год бурые медведи на Сихоте-Алине в пределах тигриного ареала давят от 3,5 до 4,5 тыс. кабанов, не считая лосей и других животных. И к человеку этот хищник куда более неподчинен, чем тигр: в Амуро-Уссурийском крае медведь давит и калечит неизмеримо больше людей, чем тигр. Кроме того, медведь систематически грабит охотников, разоряя их избы, уничтожая припасы и добыву.

Исходя из этого, мы неоднократно предлагали охоту на бурого медведя на юге Дальнего Востока всячески интенсифицировать, сведя его численность здесь к минимуму. От этого резко улучшилась бы жизнедеятельность кабана и белогрудого медведя, а также обеспеченность тигра кормом и продуктивность охотничьего хозяйства (Кучеренко, 1965, 1970, 1972, 1973, 1974, 1977, 1979, 1985 и др.).

Однако Главохота РСФСР поступила наоборот: ввела лицензированную охоту (с оплатой лицензии) и на маньчжурского медведя в той же мере, как для ставших редкими, сравнительно некрупных и неагрессивных медведей европейской части страны.

Потребовалось немало лет для того, чтобы убедить руководство российского охотничьего хозяйства в ошибочности принятого решения, а в эти годы бурый медведь естественным путем прямо и косвенно серьезно ухудшал условия существования тигра.

Гайно — гнездо белки.

Галоп — быстрый альюр, при котором собака перемещается бросками; Для галопа характерны стадии зависания и приземления сначала передними, потом задними конечностями.

Галстук — небольшое продолговатое белое пятно на груди у собаки.

Гаметь — о гончих: вести гон с голосом, поднимать гам, создавать шум.

Гамкать [гамкнуть] — устар.— лаять негромко, отрывисто, глухо.

Гармоничность — соразмерное соотношение между отдельными статями; согласованность всех статей экстерьера, их соответствие друг другу.

Гача [гачи] — тыльная, задняя сторона бедер зверя или собаки.

Генерация — поколение той или иной степени отдаленности.

Гигиенический [санитарный] тримминг — одновременная обработка всей шерсти собак некоторых жесткошерстных пород, стандарт которых предусматривает специальную обработку шерсти. (Среди охотничьих пород, культивируемых в нашей стране, к ним относятся жесткошерстные фокстерьер и вельштерьер.); цель г. т.— обновление шерстного покрова, так как собаки указанных пород не имеют естественной сезонной линьки.

Глаз на слезе — глаз гончей — крупный, выразительный, с умным взглядом, как бы подернутый влагой (слезой).

Глазастая [устар.] — борзая с крупными, навыкате, темными глазами с черными веками; такие глаза считались принадлежностью высокопородной собаки.

Глазомерная оценка — визуальный осмотр собаки, определение правильности ее сложения и наличия недостатков; основной метод экспертизы собак.

Глинистый — окрас собак: рыжевато-коричневый.

Глубина поиска — расстояние, на котором собака осуществляет поиск объекта охоты.

Глубокая пороша — свежий снеговой покров толщиной 8—10 см.

Глухарятница — лайка, хорошо работающая по глухарю.

Гнать в пяту — идти по следу зверя в направлении, обратном его ходу, удаляясь от него; порок в работе гончей, лайки.

Гнать до тороков — выносливая, безотказная работа гончей, завершающаяся логическим концом — пока зверь не будет добыт при помощи собаки и помещен в тороки (ремешки у седла, которыми подвязывали добывшего зверя).

Гнездарка — матерая волчица, мать выводка волчат.

Гнездарь — матерый волк, отец выводка волчат.

Гнездо — 1) две и более собаки новой для данного региона породы (или уже имеющейся породы, но новых кровей), от которых собираются получать помет с целью разведения; 2) группа собак, происходящих от одного производителя (производительницы); 3) специально отведенное место, где сука выкармливает щенков.

Гнусавый — голос гончей с гнусью, как бы выходящий из носа, заунывный, схожий с плачем, звучащий, словно в нос.

Годовик — собака годового возраста.

Голая — 1) собака с коротким, редким плохо развитым шерстным покровом; 2) короткошерстная, гладкошерстная собака; 3) (устар.) борзая с коротким гладким шерстным покровом, не образующим удлиненной уборной шерсти.

Головка ринга — несколько первых собак, возглавляющих экстерьерный ринг на выставке.

Головная собака — ведущая, лидирующая собака в стае, своре, паре.

Голосистая — гончая, обладающая сильным, звучным, музыкальным породным голосом красивого тембра; отдающая голос без перерыва.

Голосить — о гончих: лаять, отдавать голос, почувствовав след зверя.

Голые враги [устар.] — глубокие и крутые овраги, образовавшиеся среди полей и не покрытые лесом.

Гон — 1) преследование гончими зверем с голосом по следу или по зрячему, то есть в пределах видимости; 2) хвост собаки гончей породы; 3) движение загонщиков, выставляющих зверя на линию стрелков.

НАШИ ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ

В. БЕДЕЛЬ

Строгая специализация пород охотничьих собак, существовавшая в стране не одно десятилетие, и отбор в племя собак, только положительно проявивших себя на охоте или полевых испытаниях по основному зверю, позволили отечественным собаководам получить породы собак с очень высокими полевыми качествами, устойчиво передающим эти качества потомкам. К сожалению, меняющиеся условия охоты, а также мода, проникающая из стран Западной Европы, вынуждают ряд охотников добиваться универсальности от собак ранее узкоспециализированных пород. Так, норные собаки в последнее время находят применение на охотах по кабану и другим копытным; легавые, особенно континентальные, используются на охотах по некрупному зверю и уткам; и те и другие разыскивают подранков по кровавому следу и т. п. Отказ от специализации пород, погоня за универсальностью, включение в племя собак, не проверенных по основному зверю или птице, приведут в конце концов к ухудшению породных рабочих и экстерьерных качеств собак.

Применение собак для охоты за рубежом в большинстве случаев достаточно сильно отличается от нашего, и это определяется как традициями и специфической методикой охот, так и отсутствием общей направленности на специализацию пород. Так, в ряде стран широко используется окладная охота с применением собак самых разнообразных пород в качестве загонных. Нередко за рубежом и применение собак разных пород только для разыска убитого зверя по кровавому следу или для преследования подранков с задержанием их на месте до подхода охотников. Легавых собак часто используют для вытаскивания птицы из зарослей и подачи отстрелянной. Несомненно, что подобные охоты ведут к размыванию природно-специализированных, а потому и высоких качеств собак, делают эти качества ненужными, превращая тем самым мастеров своего дела в бесполезную массу посредственных, пользовательных собак, близких по своей сути к обычным дворняжкам.

Основу охотничьего собаководства, то есть разведения пород собак, предназначенных для охоты на диких зверей и птиц, в нашей стране составляет племенная работа с собаками. Она включает в себя отбор про-

изводителей для использования в племенной работе и подбор пар с целью получения молодняка с определенными продуктивными качествами. Племенная работа с охотничими собаками организуется в питомниках заготовительных организаций и в секциях собаководства обществ охотников. В настоящее время подавляющее большинство охотничих собак сосредоточено в руках членов обществ охотников, поэтому основное значение в разведении охотничих собак имеют секции собаководства, осуществляющие заводское разведение собак.

Для каждой породы собак составляются перспективные планы ее ведения, включающие в себя характеристику состояния той или иной породы в данном племенном гнезде, ставящие задачи дальнейшего совершенствования пользовательных и экстерьерных качеств собак на определенный период и указывающие методы и способы достижения поставленных задач. На основе перспективных планов в секциях разрабатываются конкретные планы племенного подбора пар на год. Получаемый ежегодно молодняк охотничьих собак проверяется на выставках и выводках, а также на полевых испытаниях, и по его качеству судят о племенных качествах производителей, давших этот молодняк. По результатам проверки молодняка в перспективные планы ведения пород могут вноситься корректизы.

На выставках осуществляется комплексная оценка охотничих собак, включающая в себя оценки экстерьера, охотничьих качеств, происхождения и качества их потомства. В зависимости от выполнения определенных требований собак относят к одному из четырех племенных классов: резервному, второму, первому и элита. Племенной отбор по комплексным показателям не допускает к племенному использованию собак с односторонними достоинствами (например, только экстерьерными или только полевыми), способствуя тем самым развитию и совершенствованию продуктивности охотничих собак. Племенная работа с собаками регламентируется положениями о племенной работе и племенными инструкциями. Каждое общество охотников ведет племенные картотеки охотничих собак и подсобные родословные книги. Центральным правлением РСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗА ведется Всероссийская родословно-племенная книга охотничих собак, в которую записывают охотничих собак, обладающих четырехко-

ленной родословной, с оценкой экстерьера «хорошо» и выше и полевым дипломом. В восемь томов этой книги (8-й том вышел в 1988 г.) внесены: 1679 борзых, 14092 лайки, 11690 гончих, 8804 норных, 10689 легавых собак и 3837 спаниелей. Наличие в регионах значительного числа племенных собак позволяет правильно организовывать их воспроизводство в целях повышения продуктивности и совершенствования охотничих качеств.

Что касается зарубежного охотничьего собаководства, то одним из характерных там явлений считается разделение охотничих пород на выставочные и полевые. Это разделение, начало которому положило возникновение выставок в 60-е гг. XIX в., подразумевает раздельное ведение двух групп собак в каждой породе: охотники разводят собак охотничьей группы, неохотники — выставочной. При этом для первой группы характерна неказистость экстерьера собак, но наличие охотничих качеств, а для второй — выставочный шик и полностью, как правило, угасшие охотничьи инстинкты. Такое разделение ведет, во-первых, к сужению генофонда породы, так как вязки полевых собак с выставочными не практикуются, а во-вторых, к постепенному снижению продуктивности собак, их деградации, дегенерации и переходу из разряда пользовательных в разряд чисто декоративных.

Подобное положение существовало и в нашей стране до начала 50-х гг. и привело в ряде пород к тем же результатам.

Исклучительно важную роль в исправлении создавшейся ситуации сыграла принятая у нас в 1951 г. система комплексной оценки собак на выставках. Эта система, основанная на учете всех показателей племенного достоинства собак, то есть их полевых и экстерьерных качеств, их происхождения и качеств потомства, способствовала повышению продуктивности охотничих собак, стимулировала развитие и улучшение как охотничих качеств собак, так и их экстерьера. В результате введения этой системы к концу 50-х гг. значительно увеличилось число собак, ежегодно проверяемых на полевых испытаниях, а процент классности на выставках возрос с 20 % в конце 40-х гг. до 40 %. Начиная с 50-х гг. количество полевых собак на выставках неуклонно увеличивается. Одновременно улучшается и экстерьер показываемых собак. Так, например, если в 50-е гг.

количество собак, получивших на московских выставках оценки «отлично» и «очень хорошо», составляло около 60 % от общего количества выставляемых собак, то на выставке 1991 г. этот показатель превысил 80 %.

Правильность такого подхода к разведению охотничьих собак неоднократно высказывали охотники из-за рубежа, а также подчеркивали в конце 60-х гг. участники IX Международного конгресса биологов-охотников, отмечавшие при посещении московской выставки высокое в массе качество московских собак по сравнению с зарубежными. В связи со сказанным нельзя не отметить вызывающую сожаление практику проведения в последнее время некоторыми организациями, мало заинтересованными в разведении пользовательных охотничьих собак, так называемых «шоувыставок», направленных на отбор собак только по экстерьеру и, следовательно, ведущих снова к расслоению пород на выставочных и рабочих собак, приводящему к размыванию полевых качеств, сводящему на нет многолетние усилия охотников по выведению высококлассных собак, сочетающих как рабочие, так и экстерьерные качества. Странно, что некоторые такие выставки проводятся даже при содействии кинологической службы Центрального управления Росохотрыболовсоюза — организации, которая должна в первую очередь заботиться об интересах охотников. Неотъемлемое право охотника — иметь полноценного помощника на охоте, а не существо, приобретенное от чисто выставочных производителей, только по внешнему виду напоминающее охотничью собаку. Следует помнить, что охотничьи собаки выведены охотниками для охотников, а не для любителей декоративного собаководства.

Наряду с отмеченным отрицательным явлением в отечественном собаководстве последних лет наблюдается и еще одно, в достаточной степени спорное, требующее серьезного и вдумчивого отношения к его разрешению. Речь идет о возможном вступлении нашей страны в Международную кинологическую федерацию, в отношении которой предпринимается сейчас много разного рода действий. Почему вопрос о вступлении в МКФ (ФЦИ) спорен? Потому, что никто пока еще не взвесил всех плюсов и минусов этого вступления. Действительно, что может дать отечественному охотничьему собаководству членство России в МКФ? Она образована в 1911 г., но очень многие страны, в том числе наша и страны Америки, до сих пор в нее не вступили. Представляется, что это далеко не случайно. Тон в ней задают любители декоративного собаководства, которым, естественно, нет никакого дела до вопросов использования собак на охоте или на промысле.

Основной довод сторонников вступления в МКФ следующий: «Российское

собаководство должно развиваться в общемировом русле». Во-первых, русло МКФ — необщемировое, а во-вторых, что конкретно положительного нам это может дать?

Четкого ответа на этот вопрос нет. Рискуя предположить, что кроме возможности для высокопоставленных чиновников от кинологии ездить за границу на заседания секретариата МКФ и ее мероприятия больше мы ничего не получим. Говорят об участии наших собак на выставках за рубежом. Но такое участие и сейчас никем не запрещено. Да и много ли найдется желающих ехать за свой счет, скажем, из Сибири в Монако на Международную выставку? Говорят о единой системе племенной документации. Но ведь менять племенное дело на всей территории нашей страны будет ох как сложно и дорого! Да и чем плохо наше собственное? Так что преимущества здесь сомнительные, а вот минусов высвечивается много.

Прежде всего, лица, ратующие за вступление в МКФ, не учитывают тот факт, что наша страна — одна из немногих, где сохранилась и имеет большое значение для хозяйства промысловая охота. Выше были приведены цифры добычи пушнины и было отмечено, что большая ее часть добывается с собаками. Откуда берут промысловики собак? В основном из крупных кинологических центров, где налажена целенаправленная племенная работа по выведению именно охотничьих собак. За лайками едут в Москву с Таймыра, Камчатки, из Приморского и Хабаровского краев и из мно-

жества других промысловых регионов. От охотничьей направленности племенного дела с собаками, то есть от отбора в племя только проверенных в поле производителей, напрямую зависит и продуктивность потомков, а следовательно, и успех промысла. Отбор собак только по экстерьеру, как того требуют правила МКФ, в первую очередь ударит по промысловому собаководству. Международную же кинологическую федерацию, среди членов которой нет ни одной крупной пушнодобывающей страны, вопросы промысла, естественно, не заботят.

При вступлении в МКФ возникнет необходимость пересмотра действующих у нас стандартов на охотничьих собак и подгонки их под принятые в МКФ. Наши стандарты заметно отличаются от так называемых «международных» и отличаются по целому ряду признаков принципиально. Они лишены налета «любительщины», что явно проявляется во многих стандартах МКФ. Наши стандарты конкретны, точны, зоотехничны. В них указаны тип конституции собак, индекс растянутости, точный рост, типичный окрас; даны описания всех без исключения статей и их особенностей, а всего этого во многих стандартах МКФ нет. Наши стандарты написаны четким языком, принятым в зоотехнии, в них нет места бессодержательным и расплывчатым оборотам типа «привлекательная внешность», «благородство черт», «подобен охотничьей лошади», «гладиатор среди собак», «впечатляющая собака» и т. п., чем буквально построят стандарты МКФ. Принятие стандартов МКФ — шаг назад в нашем собаководстве.

Вступление в МКФ означает отмену бонитировки на выставках, а следовательно, свертывание системы полевых испытаний. Выставки потеряют значение основного племенного мероприятия в работе с пользовательными собаками и приобретут характер театрализованных шоу-представлений.

Вступление в МКФ означает ликвидацию отечественной школы экспертизы охотничьих собак, в создании которой участвовали десятки крупнейших кинологов страны.

Боюсь, что количество явных минусов превышает количество сомнительных плюсов. К тому же надо учесть, что членство в МКФ требует значительных ежегодных валютных взносов и ложит дополнительным грузом на плечи российских охотников.

Российское охотниче собаководство на перепутье. Куда оно пойдет, как будет развиваться дальше и будет ли развиваться вообще, зависит, к сожалению, не только от охотников. Будут ли охотничьи собаки и дальше неотъемлемым и качественным «орудием» спортивной и промысловой охоты или превратятся в «диванных» собак, что нанесет неисправимый ущерб делу добычи и промысла? Предсказать сейчас трудно.

Пойнтеры.

Фото П. Яровицкого

ЧТОБЫ МЕТКО СТРЕЛЯТЬ НА ОХОТЕ

Л. БЕЛЯКОВ

Каждый охотник знает, что отличная стрельба на охоте — это только часть общей работы, которую он должен выполнить. Однако как часто качество стрельбы определяет нашу удовлетворенность процессом охоты! Красивый выстрел помнится всю жизнь.

Желание поделиться опытом освоения техники стрельбы возникло в связи с противоречиями в отечественных статьях и с наличием обоснованной теории в зарубежных публикациях. Опыт свидетельствует, что американские и немецкие охотники стреляют как спортсмены-второразрядники. Публикации в отечественных журналах показывают, что мы имеем 58 % охотников, которые при стрельбе влет либо вовсе мажут, либо из четырех выстрелов только один попадает в цель.

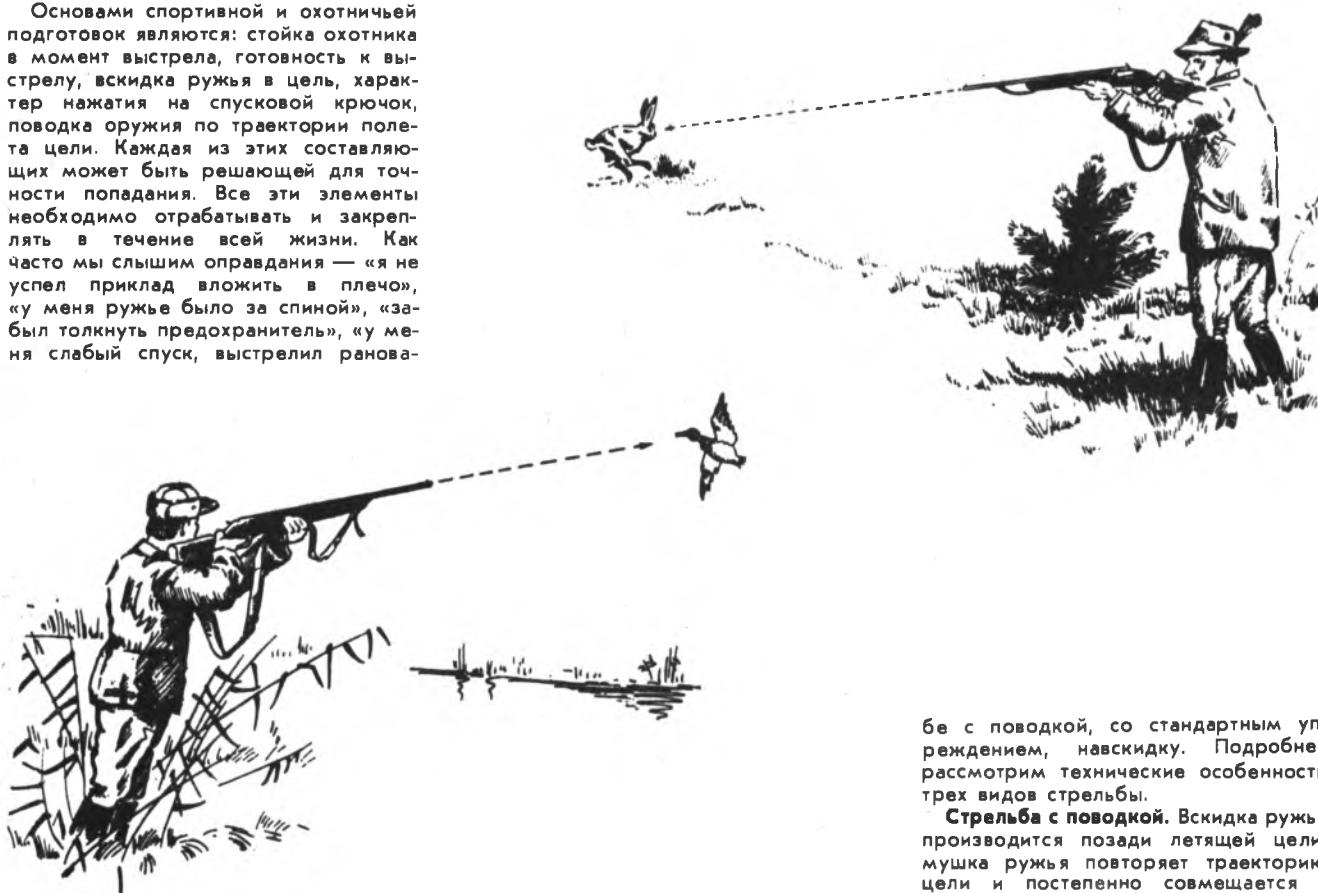
Основами спортивной и охотничьей подготовок являются: стойка охотника в момент выстрела, готовность к выстрелу, вскидка ружья в цель, характер нажатия на спусковой крючок, поводка оружия по траектории полета цели. Каждая из этих составляющих может быть решающей для точности попадания. Все эти элементы необходимо отрабатывать и закреплять в течение всей жизни. Как часто мы слышим оправдания — «я не успел приклад вложить в плечо», «у меня ружье было за спиной», «забыл толкнуть предохранитель», «у меня слабый спуск, выстрелил рано».

то», «не успел выбрать упреждение». Эти недостатки не требуют для преодоления специальной техники, но могут существенно портить охоту себе и другим, особенно на облавах.

Важным для охотника является выбор упреждения при стрельбе по подвижной цели. Упреждение зависит от нескольких факторов: расстояния до цели, скорости движения, реакции стрелка, времени срабатывания механизма ружья и воспламенения пороха, скорости снаряда, угла движения цели, скорости движения конца ствола при поводке, силы и направления ветра. Все эти факторы стрелок учитывает при выстреле. Но как

это происходит? С момента появления цели и до движения ружья в голове охотника протекает сложный процесс — формирование программы наведения ружья и выстрела. Эта программа не является новой в каждом отдельном случае, при различных условиях и объектах охоты. Программа базируется на технических навыках, которые освоил охотник. Этую технику он мог придумать сам, выучить под руководством учителя или вообразить (построить теоретическую модель). Ценность этой программы проверяется практическими результатами.

К настоящему времени принято сводить технику стрельбы по подвижной цели к трем способам: стрель-

бе с поводкой, со стандартным упреждением, навскидку. Подробнее рассмотрим технические особенности трех видов стрельбы.

Стрельба с поводкой. Вскидка ружья производится позади летящей цели, мушка ружья повторяет траекторию цели и постепенно совмещается с планкой. Это совмещение стрелок выполняет движением корпуса, приклад уже поставлен в плечо. В момент обгона цели мушка правильно совмещена с планкой, при этом выбирается нужное упреждение и без оста-

новки движения ружья охотник нажимает на спусковую крючок. Казалось бы, все просто, но именно при этом способе стрельбы делаются грубые ошибки. Запомните их: 60 % стрелков в момент нажатия на спуск останавливают движение ружья по траектории, 40 % охотников стволами закрывают цель и рефлекторно тормозят движение ружья в момент нажатия на спуск, 70 % — не могут вначале освоить плавной поводки и рывками перегоняют цель — «бросают» ружье. Это особенно вредная привычка, от которой трудно избавиться. Многие охотники помимо указанных ошибок не справляются с темпом поводки ружья и в результате выбирают недостаточное упреждение. Следует заметить, в старой литературе отечественные стрелки иногда рекомендовали «выбрасывать» ружье впереди цели, что в настоящее время в спортивной практике считается недопустимым. Хочу обратить внимание, что на английском языке стрельба с поводкой буквально переводится «вскидка через цель». Но как обучить новичка этой технике стрельбы? Оказывается, просто. На Западе новичок и опытный охотник имеют карманные фонари с узким и ярким пучком света. Тренировка происходит в вечернее время суток или в темном помещении. Тренер обозначает светлое пятно и ведет его по стene здания, ученик перегоняет это пятно своим лучом света и в момент воображаемого нажатия на спуск дает звуковой сигнал «так». Тренировка усложняется, когда фонарь ученика крепится на ствол ружья. Делается это для отработки плавности поводки, так как траектория движения ствола у новичка напоминает волнистую линию. Этот простой и эффективный способ тренировки практически неизвестен широкому кругу наших охотников. Разумеется, в развитых странах появились лазерные тирсы и стены для тренировок охотников и полисменов. Полиция использует охотничьи автоматы 20-го калибра для задержания опасных преступников в городских условиях, но принципы тренировок одни и те же. Тренер формирует в голове стрелка программу стрельбы с поводкой, которая реализуется затем автоматически в любых условиях. Такой метод наиболее прогрессивный.

Стрельба со стандартным упреждением. Охотник вскидывает ружье впереди цели и ждет момента выстрела, когда цель окажется на расстоянии нужного упреждения. Такой метод называется также стрельбой с неподвижным стволов. Эта архаичная техника использовалась на заре появления первой зенитной артиллерии. Очень трудно переучить стрелка, закрепившего навыки подобной стрельбы.

Стрельба навскидку — обеспечивает самое короткое время с момента появления цели до выстрела. Стрелок вскидывает ружье и стреляет без поводки в точку встречи цели и заря-

да. Многие из нас стреляли так в детстве из рогатки по подвижной цели. Большинство охотников так стреляет по бекасу, и в английском словаре эта техника называется «бекасиной стрельбой». Сразу скажу, что она не имеет ничего общего со снайперской стрельбой, хотя по-английски бекас произносится «снейп» и от него произошло слово «снайпер».

Опытные охотники обычно владеют первым и третьим методами стрельбы, но выбор одного из них происходит интуитивно. Для освоения техники стрельбы навскидку раньше рекомендовали молодым охотникам в домашних условиях чаще вскидывать ружье в отмеченные пыжами точки на стенах и стеклах окон. Однако для освоения первого метода стрельбы одной вскидки недостаточно. Следует научиться плавно вести ружье поворотом корпуса вдоль прямой линии. Многие спортсмены-стендовики для тренировок в домашних условиях конструируют простые тренажеры, которые перемещают луч света по стене по заданной траектории. Вскидка и поводка производятся по световому пятну.

Но наличия программы, «записанной» в памяти стрелка, еще недостаточно для ее стабильного выполнения в различных условиях. Необходимо ее автоматическое выполнение. В немецкой армии ефрейтор тренирует солдат в темноте, заставляя устранивать перекос патрона, менять ствол перегретого автомата, магазины с патронами и др. Непосвященному все это покажется абсурдным. Но здесь упоминается аналогия поведения охотника при появлении цели до выстрела.

Принято считать, что охотник стреляет хорошо, если на утку, взятую на перелете, он тратит три патрона, а на гуся пять. Относительно этих цифр нет единодушного мнения, и их можно обсудить в дальнейшем. Теперь разберемся с прикладистостью ружья. Ружье прикладисто, если при стрельбе оно не дает систематических ошибок в прицеливании. Практически ошибку можно определить довольно просто. Следует зарядить 25 патронов с 1 г пороха на 15 г дроби любого номера, изготовить пять мишеней, присвоив каждой свой номер (размер мишени 50×50 см, в центре пятно диаметром 2 см). Мишени располагаются в безопасном месте, желательно у откоса, обрыва оврага. Расстояние между мишенями 50 см: две вверху, две внизу, одна в центре. Нужно отойти на 10 м и стать спиной к мишеням. По команде товарища («три», «пять» — номера мишеней, неожиданные для стрелка) следует повернуться и навскидку выстрелить в центр названной мишени. После 25 выстрелов станет ясно, существует ли систематическая ошибка или нет. Если она есть, ружье высит или низит, следует изменить форму ложи. Делать это нужно с опытным стрелком или ружейным мастером.

КОНСУЛЬТАЦИИ ОРУЖИЕВЕДА М. БЛЮМА

Охотник К. Д. Уреев из Костромской области и многие другие просят рассказать, как произвести осалку основных войлочных пыжей для охотничьих дробовых патронов.

Осалка предназначается для того, чтобы не допустить прорыва пороховых газов при выстреле между пыжом и стенками канала ствола. Осалка не должна пропитывать бумажную трубку гильзы, а также пороховую прокладку, так как ее пропитка может привести к прилипанию пороховых зерен к ней, что недопустимо. При высокой температуре окружающей среды осалка не должна становиться жидкой. Осаливать войлочные пыжи можно пчелиным воском, бараньим или говяжьим салом, парафином, стеарином, техническим вазелином, пущенным салом. Для охоты летом лучшей будет осалка, состоящая из смеси четырех (по весу) частей воска и одной части сала, или из 80 % парафина (стеарина) и 20 % технического вазелина.

Для зимней охоты следует применять осалку из $\frac{1}{3}$ воска и $\frac{2}{3}$ животного сала, или 65 % парафина и 35 % технического вазелина. При приготовлении осалки составные части растапливают, тщательно перемешивают и доводят почти до кипения. На маленький противень или сковородку с низкими краями (желательно, чтобы они поднимались от дна не выше половины диаметра пыжа) кладут суконку и, поливая расплавленной осалкой, пропитывают ее. Затем на иголку с деревянной ручкой или прямое тонкое шило накалывают по центру пыж и прокатывают его по пропитанной суконке. Противень с суконкой постоянно подогревается так же, как и состав осалки, который необходимо при подогреве периодически помешивать. Естественно, по мере израсходования состав в противень добавляется. Осалка производится на глубину не более 3 мм той поверхности, которая касается стенок канала ствола. Осаленная поверхность готового пыжа при комнатной температуре должна быть сухой, и при надавливании пальцами на ней не должна выступать осалка. Осаленный пыж должен обладать достаточной жесткостью и при движении по каналу ствола слегка смазывать его стенки.

Предлагаем со склада в Москве
ПИРОКАТЕХИН
Тел. 204-18-59, 207-92-12

ОХОТНИЧИЙ ПОРОХА ДЛЯ ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО ОРУЖИЯ

М. БЛЮМ

В настоящее время охотниками применяется четыре вида бездымных порохов: «Сокол», «Барс», «Сунар» и ВУСД.

Порох «Сокол» отвешивают на весах с точностью, не превышающей 0,05 г (желательно в сторону уменьшения от установленного заряда, то есть если заряд пороха установлен 2,2 г, то навеска должна быть в пределах 2,15—2,2 г, а не 2,2—2,25 г). Особенно это важно при максимально допустимых навесках. Для стрельбы дробью и картечью при температуре воздуха +20 °C и при использовании войлочных пыжей применяются следующие навески пороха: в 12-м калибре — 2,1—2,2 г (масса дроби 32—35 г); в 16-м — 1,8—2 г (масса дроби 27—30 г); в 20-м — 1,5—1,7 г (масса дроби 24—26 г); в 28-м — 1,3 г (масса дроби 19—23 г) и в 32-м — 0,95 г (масса дроби 14—22 г).

В тяжелых ружьях для каждого калибра применяются более мощные заряды, а в легких — минимальные. Если при снаряжении патронов применяются древесно-волокнистые пыжи, то навеску пороха следует увеличить на 0,1 г, а если полизтиленовые с концентратором или без него, — то уменьшить на 0,2 г по сравнению с рекомендациями для войлочных пыжей.

Во время стрельбы при температуре —20 °C следует применять патроны, снаряженные войлочными пыжами, а навеску пороха «Сокол» увеличить на 0,1 г по сравнению с навеской заряда, применяемой при температуре +20 °C для тех же войлочных пыжей.

Если необходимо в патронах 12-го калибра уменьшить массу пороха и дроби для отстрела мелких пушных животных, то пристрелку оружия следует начинать с навески пороха «Сокол» 1,1—1,2 г и массы дроби 15—16 г. При этом следует учесть, что завальцовку гильзы необходимо делать очень прочную, что может быть достигнуто за счет увеличения ее глубины с одновременным применением клея типа БФ. Капсюль при этом нужно применять только жевело-

мощный, так как он способствует более быстрому сгоранию пороха. Возможно использование резины или пробки для изготовления пыжей, применяющихся в патронах с полузараждами.

При стрельбе пулами навеску пороха «Сокол» следует увеличить на 0,1 г.

Порох «Барс» необходимо взвешивать на весах при засыпке в гильзы с точностью в сторону уменьшения от принятого заряда не более чем на 0,03 г. Следует обратить внимание на то, что порох «Барс» почти в 2 раза плотнее пороха «Сокол», а значит, он будет занимать в 2 раза меньший объем при той же навеске. Некоторые охотники берут объемную мерку, рассчитанную под порох «Сокол», и насыпают ей порох «Барс», в результате чего происходит разрыв оружия при выстреле. Это говорит о том, что при использовании мерки нужно взвесить нужный заряд пороха «Барс» и отрегулировать под него объем мерки.

Судя по техническим условиям на этот порох, его следует применять только в оружии 12-го, 16-го и 20-го калибров, так как только на эти калибры даются рекомендации к его применению. Для ружей 12-го калибра следует делать навеску в пределах 2,1—2,6 г при массе дроби 35 г. Для 16-го калибра навеску следует брать от 1,7 до 2,2 г при массе дроби 31 г, а для 20-го калибра — от 1,5 до 2 г пороха при дроби весом не более 25 г. Пристрелку для всех калибров следует начинать с минимального заряда или придерживаться рекомендаций на пороховой этикетке.

Порох «Сунар» взвешивают на весах с точностью до 0,05 г. По сравнению с порохом «Сокол» при меньшей массе порохового заряда примерно на 10 % дает те же скорости дроби. В связи с тем, что партии пороха могут отличаться друг от друга, следует при снаряжении руководствоваться указаниями на этикетке. Порох «Сунар» партии 2/89К, изготовлен-

ленной в 1989 г., можно применять в ружьях 12-го калибра с навеской 1,9 г при массе дроби 35 г, а в ружьях 16-го калибра с навеской 1,6 г при дробовом снаряде массой 30 г. Вообще, навеска пороха «Сунар» по сравнению с порохом «Сокол» должна быть уменьшена на 0,3—0,4 г. Данных о применении пороха «Сунар» в ружьях малых калибров не имеется.

Порох ВУСД взвешивают на весах с точностью до 0,01 г в сторону уменьшения от выбранного номинала или рекомендованного заряда. Применение объемных мерок не допустимо, так как порох ВУСД чувствителен к изменению веса заряда. Рекомендуется этот порох применять в патронах для ружей 12-го и 16-го калибров. Обычно его использовали в патронах заводского изготовления, но иногда он может оказаться на руках охотника, и поэтому каждый должен знать, что уже при навеске пороха 1,6 г с мелкой дробью массой 32 г в патронах 12-го калибра получается выстрел необходимого качества. Под пулю этого пороха следует класть несколько больше (речь идет о 12-м калибре), то есть 1,75—1,8 г.

В ружьях 16-го калибра нужно применять порох массой не более 1,5 г при массе мелкой дроби 28 г. Таким образом, из примеров видно, что это самый мощный порох из тех, что используется в гладкоствольном оружии. Это заставляет более внимательно относиться к выбору, подбору и взвешиванию заряда.

Некоторых охотников может смутить, что при увеличении навески порохового заряда ВУСД отдача при выстреле заметно не увеличивается и они могут подумать, что безболезненно можно продолжать увеличение навески. Но это не так. Отдача, действительно, почти не увеличивается из-за маленького дульного давления при выстреле, но давление в патроннике возрастает, и при неразумном отношении к пороху может произойти разрыв стволов, что неоднократно и происходило.

В заключение несколько слов о дымном порохе. Для охот при плюсовой температуре его следует класть в следующих количествах. В патроны 12-го калибра 5—5,8 г; в патроны 16-го калибра 4,5—5,3 г; для 20-го калибра 3,7—4,8 г; для 28-го калибра — 2,7—3,4 г, а в 32-й — 2,0—3,1 г. Навески дроби те же, что и для пороха «Сокол».

Если придется охотиться при отрицательных температурах, то навеску следует увеличить на 1,0—1,2 г. При снаряжении пулевых патронов навеску пороха также увеличивают на 5 %. Следует также знать, что чем мельче дымный порох, тем он сильней, и поэтому необходимый заряд следует подбирать пристрелкой. Хранится такой порох неограниченное время, но если он подсырел, то никакая сушка уже не восстановит его. Он пригоден только к уничтожению.

В ИНТЕРЕСАХ РЯДОВОГО ОХОТНИКА

В. СУХОВ

Почетный член МООиР,
председатель бюро
охотничье-стрелковой секции

Для спортсменов-любителей стендовой стрельбы, до недавнего времени весьма популярной среди охотников, наступили тяжелые времена. Непомерное вздорожание оружия и боеприпасов привело к тому, что занятие этим спортом стало уделом богатых одиноких.

Молчат и зарастают травой круглые и траншейные площадки стендов в

районных обществах. Какой выход?

Надо приблизить стрелковый спорт к рядовому охотнику, сделать его максимально полезным для практики, зрелищным и доступным не только в центрах, но и на местах. Вот уже несколько лет в Раменском РООиР (МООиР) культивируются виды стрельбы, приближенные к условиям на охоте, в частности стрельба по парным мишеням, на пролете. Для этого мы успешно используем переносные спаренные собранные установки на базе машинок «Стрела-2». Такая установка в разобранном виде легко транспортируется на прицепе или на верхнем багажнике легкового автомобиля, что позволяет проводить спортивные мероприятия в самых отдаленных от районного центра первичных коллективах. Для стрелковой площадки по пролетающим парам всегда можно найти в ближайшей окрестности места на берегу котлована, оврага, карьера или реки, где перепад высот (около 2 м) позволяет получить подходящую траекторию, имитирующую полет двух птиц, идущих на посадку. Правила стрельбы можно разнообразить, вводя охотничий фактор, например подачу второй и последующей пар без команды

стрелка, зачет осечки или заездия патронов (не успел) как промах и т. д. Как правило, такие мероприятия посвящаем праздникам или юбилейным датам заслуженных членов коллектива. Особое внимание стремимся обращать на соблюдение ритуалов и на подготовку призов, соответствующих случаю. При проведении соревнований летом этого года опробовали мишины с цветными дымами, производство которых осваивается на Московском стенде ВВО. Эффект получился исключительно зрелищный.

Сейчас в РООиР есть простая (кстати, также легко транспортируемая на багажнике автомобиля) механическая установка для оборудования площадки «Бегущий кабан», которую второй год используем при проведении соревнований районного масштаба. В дальнейшем думаем разработать целую мишенную систему — «охотничьи тропы», где будет стрельба пулей по «бегущему кабану», по силуэтам, дробью по взлетающим одиночным и парным «куропаткам» и др.

В повышении зрелищности, в приближении к интересам рядового охотника видим будущее стрелково-охотничьего спорта.

ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ

Вопрос. Что означают римские цифры I и II, вчененные в сталь золотом на двух совершенно одинаковых ружьях?

Ответ. Такие цифры ставились на двух одинаковых штучных ружьях, выполненных по заказу обычно довольно состоятельных охотников. На охоте одно ружье нес охотник, а второе — следовавший за ним слуга, в обязанности которого входило: после стрельбы господина передать ему готовое к выстрелу заряженное ружье и принять от него ружье, из которого только что были сделаны выстрелы. Полученное ружье слуга должен был вновь зарядить и держать наготове. Таким образом, достигалась более высокая скорострельность и не было надобности привыкать к двум различным ружьям.

Вопрос. Что обозначают буквы на донышке гильзы некоторых патронов?

Ответ. Буквы Г, Д, Е, И, К обозначают соответственно года изготовления патронов: 1952, 1953, 1954, 1955 и 1956. Буква Ц обозначает, что патрон целевой, то есть повышенной кучности, и применяется в основном для спортив-

ной стрельбы. Буква В обозначает торговую марку «Восток». Буквы КХЗ — раннее обозначение торговой марки «Азот». Буквы МДПЗ — Московский дроболитейный патронный завод. Сочетание букв ПЗ, П, ПК, ПР, ПТ — Санкт-Петербургский патронный завод. Буквы Т или ПЗ обозначают Тульский патронный завод. Сочетание букв БХК означает, что гильза изготовлена на Бийском химическом комбинате.

Вопрос. Кто разработал у нас впервые малокалиберную винтовку под патрон калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения (раньше этот патрон назывался «бокового огня»)?

Ответ. После революции в нашей стране не было своего отечественного малокалиберного оружия. Первое время стрельба проводилась преимущественно из винтовки калибра 7,62 мм патронами с уменьшенным зарядом и свинцовой пулей. Затем стало поступать из-за рубежа малокалиберное оружие. Это винтовки Геко, Маузера, Вальтера, Винчестера, фирмы БСА и другие. По мере того, как у нас создавались все новые и новые стрелковые кружки, росла и потребность в малокалиберном оружии. Вскоре стало понятно, что необходимо срочно наладить выпуск отечественных малокалиберных винтовок. За выполнение этой задачи взялся конструктор и один из первых организаторов советского стрелкового спорта Александр Александрович Смирнский. Первую модель малокалиберной винтовки А. А. Смирнского начали изготавливать в 1925 г. По своему внешнему виду эта винтовка напоминала боевую винтовку Мосина калибра 7,62 мм, но только более короткую и без магазина. Прорезь целика была полукруглой, шириной 2 мм (на некоторых экземплярах вместо прорези делалось отверстие диаметром 3 мм). Мушка была прямоугольной с предохранительными рожками по бокам. Затвор был внешне похож на затвор от боевой винтовки, но была изменена конструкция боевой личинки, выбрасывателя и ударника с бойком. Стрелок при первоначальном обучении приучался на ней к тем же действиям, что и при пользовании боевой винтовкой. Это являлось положительным качеством винтовки.

Вопрос. Как зачернить небольшую малоответственную деталь охотничье-го ружья в домашних условиях?

Ответ. Для этого достаточно, например, небольшой винтику тщательно зачистить, сняв ржавчину, заполировать, а затем, взяв плоскогубцы с изолированными ручками (чтобы не обжечь руки), прихватить винтик и подержать его над горелкой до появления цветов побежалости (лучше остановиться на синеватом). После этого опустить его в масло. Он остынет и станет темным.

Ответы подготовил М. БЛЮМ.

ВАЛЕТ

Я. РУСАНОВ

«Не-е-ет! Его не продаётся — шибко хороший собака, мне нужен. Хандалай идет, чипкан идет, белка лает, птичка лает, маленький олешка не трогает». Речь шла о лайке, которую мне страстно хотелось купить. Накануне, когда мы на моторке подошли к Полигусу (поселок на Подкаменной Тунгуске), я ощущил «кукол в сердце» — среди встретившего нас пестрого сбираща остроухо-вислоухих псов мне бросился в глаза кобель, точно воплотивший в себе мои мечты об идеале промысловой лайки. Крупный, настолько мощный, что это даже мешало заметить его недюжинный рост, с прекрасной головой и высоко поставленными ушами (что у восточносибирских лаек встречается нечасто), он резко выделялся среди всей этой лаящей своры. Окрас у него был черно-белый, темные раскосые глаза смотрели умно, и держался он с достоинством.

Лайки промысловых районов редко бывают злыми к человеку. Карапульная служба — не их амплуа, так как все силы и помыслы этих собак отдаются охоте, а без человека последняя невозможна. Тем не менее многие из толпившихся на берегу псов на нас брехали, некоторые предлагали дружбу, видимо, в надежде на подачку, этот же постоял, посмотрел и отправился по каким-то своим делам.

Я выяснил, что принадлежит он пастуху-звенку по имени Серкал, приехавшему в Полигус за продуктами, нашел его и теперь безуспешно пробовал купить у него так приглянувшегося мне Валета. Тогда хорошая лайка в Эвенкии стоила 400—500 руб-

лей. Я уже предлагал (далеко превысив доступный для меня предел) 800, но дело так и не сладилось. На следующее утро я решил повторить попытку, однако ни знакомого чума, ни Серкала, ни Валета уже не нашел — они отправились к своим олешкам.

Дня через два во двор, где я сидел, все еще переживая свою неудачу, зашел знакомый звенок и стал горько жаловаться на отсутствие в магазине спиртного: «Спирта нету, диколон нету, бутылка — золотой голова (шампанское) тоже нету! Как жить будем? Сопсем худо!»

Я был зол, расстроен и без какой-либо задней мысли сказал, что вот, если бы удалось мне купить Валета, то можно было бы и выпить. Ответ последовал незамедлительно:

— У меня пять собак, шибко охотники хорошие. Спирт есть? Любую бери!

— Мне твоих не надо — я у Серкала купить хотел.

Разговор у нас продолжался долго, был нудным и, на мой взгляд, совершенно пустым. Собеседник же мой почерпнул из него три истины, а именно: у меня есть бутылка спирта, никакими подходами и послулами выманить ее у меня не удается, и если мне продадут серкалову Валета, то указанная бутылка станет доступной. Осознав это, он почему-то не пошел со двора в ворота, а перелез через забор и быстрым шагом удалился в сторону тайги. Я о нем очень быстро забыл, так как дел у нас было много, предстоял четырехмесячный выход на

промысел, чу а с собакой раз не удалось, значит, не удалось. Да и проблема эта была не такой уж острой, ведь лайка у меня имелась. Правда, хорошо работая по белке, она перед соболем пасовала и догнать его обычно не могла. Вобщем, с неудачей я примирился.

Я тогда просто не знал магической в этих местах силы спирта. Вечером следующего дня мои занятия очередной бюрократической писаниной были прерваны — кто-то во дворе заорал: «Начальник! Собака тебе привели!» Я выглянул в окно и увидел перед домом сидящих на оленях Серкала и моего давешнего знакомца, а рядом — привязанного на веревку Валета. Серкал сразу приступил к делу:

— Ты почто не говорил, что спирт есть? Не ладно! Туда, сюда ходи, тайга меряй. Плохо! Спирт есть?

— А ты Валета мне продашь?

— Деньги не нада! Спирт давай, Валет бери.

Итак, мне предлагали то самое, за что, как я знал, по закону полагалось чуть ли не два года тюрьмы — спаивание представителей малых народностей в корыстных целях. Ну уж нет! Я и так чувствовал себя паршиво, так как прекрасно понимал, что, даже покупая Валета, я все равно играю на неудержимом пристрастии этих людей к выпивке. Однако отступать было поздно.

— Нет, Серкал! Давай пойдем в дом, я тебе заплачу 500 рублей, ты мне подпишешь расписку, а спирт я тебе так отда姆.

— Сам с нами пить будешь?

— Не буду.

— А-а-а! Ладна, идем бумага писать. Деньги он с полным равнодушием скомкал и сунул за пазуху, в бутылку же от шампанского, наполненную вожделенным напитком, вцепился, как коршун. Откупорил, понюхал, глотнул, угостил своего спутника и велиодушно обратился ко мне:

— Собака веревку вяжи. Долго отпускать не надо — уйдет. Идем с нами я тебя угощать буду. Стакан... нет, полстакана налью!

Я поблагодарил и отказался. Прощаясь с ними, я поинтересовался у своего вчерашнего визитера: «Неужели он так прямо от меня и пустился в дорогу более чем за тридцать километров?» — «Спирт есть, так как не сразу?» — был его ответ. На том мы и расстались. Валет остался у меня.

Мы провели в Полигусе еще четыре дня и все они были для меня мукой мученической. Дело в том, что местная публика не могла поверить, что я так вот за какую-то собаку отдал последний имевшийся у меня спирт (и даже от полстакана отказался!). Все были совершенно убеждены, что у меня еще есть запасец и с утра до вечера ко мне приставали. Но у меня и правда запаса не имелось, так что память, видимо, обо мне осталась как о великом жмоте.

Я не заметил, чтобы Валет хоть в какой-то степени переживал смену хозяина. Да это и неудивительно, ибо в большинстве своем эвенки собак вниманием не балуют и относятся к ним сугубо потребительски. Собака должна делать свое дело, то есть помогать хозяину на охоте, за что ее иногда кормят, и не более того. Вот сидит, например, человек и с аппетитом поедает большой кусок жирной вареной оленины. Перед ним, пуская слюни, расположился его донельзя тощий пес. Он буквально изнывает от желания заполучить хоть кусочек, хозяин же с ним беседует: «Что глядишь? Мяса хочешь? А-а-а! Окотиться нужно: мышка, бурундук ловить. Вот!» Следует пинок и неудачливый попрошайка с визгом убегает «кокотиться». За несколько промысловых сезонов, которые я провел в Эвенкии, с иным отношением к своим лайкам мне пришлось столкнуться лишь однажды, но и обстоятельства там были совсем особые. Охотник-эвенк был глухонемым. Несмотря на это, добывал он не меньше, если не больше любого здорового промысловика. Помогали ему в этом два великолепных кобеля. Когда он выходил на промысел, один из них посыпался в поиск, второй оставался при хозяине в качестве поводыря. Едва до него доносился призывный лай напарника (которого хозяин, конечно, не слышал), как он принимался тащить охотника к месту полайки. Попеременно собаки менялись ролями. То ли понимая, что успехами он целиком обязан своим помощникам, то ли из-за своего недуга,

конечно, затруднявшего его общение с людьми, но никак не мешавшего общению с собаками, охотник этот своих псов холил, поровну делил с ними пищу и устраивал им теплые гнезда для ночлега, а то и спал вместе с ними.

Серкал, видимо, ничего подобного не делал, и ко мне кобель привязался быстро. Правда, какое-то время он не очень мне доверял, но это уже было следствием эвенкийской выучки. Суть последней сводится к тому, что собаку сперва провоцируют совершить какой-либо недозволенный поступок (чаще всего взять пищу в пределах палатки или чума), а потом за него наказывают. Выглядит это следующим образом. Сидит человек в чуме, очищает оленью шкурку от жира и прирезает мясо, содранные кусочки выбрасывает наружу через открытую дверь. Собака эти кусочки собирает, а они падают все ближе и ближе от входа. Наконец, один упал, не долетев до порога. Если только собака попытается его схватить, ее немедленно ошарашивают специально подготовленной палкой. Несколько таких уроков — и любая, самая соблазнительная, еда, находящаяся в пределах чума (палатки или избушки), становится для собаки абсолютным табу.

Я, конечно, понимаю, что для эвенков, чьи жилища часто остаются без присмотра и в которые собаке вообще ничего не стоит проникнуть, совершенно необходимо отучить лаек от воровства. Однако вышеописанный метод, несмотря на его эффективность, имеет и отрицательную сторону, а именно закрепляет в собаке недоверие к человеку. Кстати сказать, уже потом, в процессе приучения Валета к городской жизни, самым трудным было заставить его есть в доме. От подставленной ему пищи он пятился, и вид у него был такой, будто он думал: «Нет уж. Лучше не надо, а то начнешь есть, да и получишь!»

Нам предстоял долгий путь: сперва водой вверх по Подкаменной Тунгуске, через все ее пороги до Куюмы, а затем оленями к вершине ее притока Северной Такуры. Это были годы, когда я работал по теме «Освоение глубинных угодий» и в соответствии с заданием мне нужно было забираться в места, где минимум двадцать лет промысел не проводился. Верховья Такуры были таким давним давно не осваивавшимся районом.

Добирались мы долго. Все эти Большой, Вельминский, Мучной и другие пороги бушевали во всю, и наша хилая подвесная «Москва» против их напора не тянула. Приходилось тащить лодки бичевой, и побурлачить нам пришлось вдоволь. Во время пути мы не раз замечали на островах лосей, но на их жизнь не покушались, самонадеянно думая, что имевшиеся у нас лицензии используем на месте и избавимся таким образом от необходимости тратить время и силы на вление мяса и его транспортировку. Таким образом,

собаки наши практически не работали. Только раз, во время ночевки, они прихватили на берегу медведицу с медвежатами, загнали все семейство в расщелину береговых скал и всю ночь «ревели лихоматом», так как стрелять зверей мы не хотели. Валет в этой забаве участия не принимал. Он сбегал, посмотрел, в чем там дело, и вернулся на табор. Так что было очевидно, что «медвежатника» я в его лице не приобрел. Впрочем, Серкал ведь и не говорил, что пес идет по медведю. Перед утром зверям, видимо, удалось вырваться из осады и налаявшимися до хрипоты собаки вернулись.

При заходе в тайгу мы вели псов на привязи, чтобы они попусту не бегали (охота на пушные виды еще не открылась), и я по-прежнему оставался в неведении об истинной ценности своей покупки.

Наконец, все предварительные дела были закончены. Избушка и лабаз для продуктов желтели свежим деревом рубленых стен на берегу быстро бегущей, еще не прихваченной льдом речки. Возле них возвышалась солидная поленница дров, а кругом этого маленького, расчищенного нами пятачка земли стояла не тронутая и не хоженная человеком тайга.

Окружающие угодья сулили многое. Старые мощные кедровники по относительно пологим склонам были удобны для ходьбы и богаты зверем. Каменистых россыпей, этого проклятия для охотника-соболятника, куда спасающийся от преследования соболь скрывается как в недоступной крепость, почти не встречалось. Даже зарастающие молодняком участки старых лесных гарей с их непреодолимыми валами погибших от огня и потом упавших деревьев попадались сравнительно редко. Соболей же было много. Стоило отойти от нашего стана на несколько сотен метров, и характерные отпечатки пушистых лапок на уже выпавшем снегу попадались обязательно. Смущало нас только одно — снегопад. С первого же дня нашего появления здесь он не прекращался ни на час. С безоблачного неба, едва подернутого беловатой дымкой, непрерывно падали крупные сверкающие снежинки. Было совершенно безвременно, слегка морозило, светило солнце, ночью были видны звезды, а монотонное опускание белых пушистых хлопьев не прекращалось. Нас вполне могло завалить, то есть снега выпало бы так много, что собаки не смогли бы работать и только «пурхались» бы в сугробах в тщетных попытках догнать соболя.

В первый день промысла свежий, как мне показалось, след мы с Валетом нашли быстро. Спущененный с подводки пес умчался и почти сразу залаял, но, увы, на белку. Руки у меня опустились, так как грош цена лай-соболятнице, которая ради белки бросает преследование драгоценного соболя. В полном расстройстве чувств

я опять взял Валета на привязь. Мы спустились в распадок, а когда стали вновь подниматься на увал, кобель рванулся вперед так, что чуть не свалил меня с ног — прямо перед нами от поваленного кедра через поляну уходила четкая линия соболиного нарыска. Получив свободу, Валет, однако, по нему не пошел, а кинулся в пяту, то есть туда, откуда зверь пришел. Я кричал и свистел, пробуя направить его на путь истинный, но пес как в воду канул. Вконец расстроенный, я начал выяснять по следу, куда же его унесло. Отпечатки его прыжков уходили в кедровник и там, к великой моей радости, сходились со следом соболя, причем и зверь, и собака шли уже в одном направлении. Через каких-нибудь полчаса до меня донесся лай, и вот я уже под кедром, вокруг которого приплясывает Валет, а в кроне злобно поуркивает наш первый соболь. Падающего после выстрела зверька пес схватил налету, давнул за голову и положил на снег. Итак, почин был сделан.

Весь этот сезон я не мог нахваливаться своим помощником. В его действиях была удивительная осмысленность и надежность. Он не суетился и не метался, попав на соболиные наброды, а быстро делал круг, выходил на ходовой след, начинал преследование и всегда доводил его до конца. Даже когда снег настолько огрубел, что собаки моих спутников работать уже не могли, Валет за счет своего большого роста, мускулатуры и экономного расходования сил еще какое-то время действовал успешно. Потом нас окончательно завалило и пришлось переселяться в другую избушку, стоявшую километров на двадцать ниже по течению реки. Соболей там было много меньше, но и снега тоже. Сюда же мы по очереди раз в три дня ходили проверять капканы.

Пришел, наконец, и мой черед. Мы с Валетом вышли еще по темному и рассвет встретили уже на хребте. Проторенная, чуть присыпанная ночной порошкой лыжня тянулась под отяженевшими от кухты ветвями, прорезая пухлые, девственно чистые сугробы. На ней было полно всяких следов, видимо лесные обитатели ею постоянно пользовались. То и дело попадались соболиные нарыски, и бежавший впереди Валет тщательно их обнюхивал, но с лыжни свернуть не решался. Однако в конце концов ему попался следок, возбудивший его особый интерес. Он долго его обнюхивал и потом полез по нему, увязая в снегу чуть ли не по уши. Я остановился и не успел закурить, как в кедровнике, совсем рядом, раздался какой-то яростный взрех, рычание и через несколько секунд азартный лай. Я катнулся под горку и меньше чем в ста шагах добыл соболя, который сидел на убогой, маленькой, полузасохшей кедрушке. По следам можно было разобрать все, что здесь

произошло: соболь лакомился опавшими ягодами рябины, и кобель, тихо подобравшись к нему шагов на двадцать, рявкнул, бросился, напугал и заставил искать спасения на первом попавшемся дереве. Вернувшись на лыжню, мы тронулись дальше. Валет опять проверял на свежесть все соболиные переходы и уже во второй половине

быть, не столько свежесть следа, сколько пойманный собакой запах самого зверька служит для нее сигналом покинуть торную тропу и попытаться догнать добычу. Так или иначе, а в этих совершенно непригодных для работы лайки условиях двух соболей мы взяли.

Через день на обратном пути Валет опять таким же манером загнал соболя, но на этот раз, к сожалению, на такой кедр, на который по выражению нашего проводника «хоть

дня вновь наткнулся на совсем «тепленький» следок, полез по нему, и все повторилось. На этот раз я обратил внимание на то, как медленно и осторожно кобель пробирался через сугробы, это было что-то напоминающее потяжку легкой, которая, замирая и едва переставляя лапы, подводит охотника к затаившейся дичи. Мнеだけ пришло в голову, что, может

медведя затолкай, и то не увидишь». Это дерево, а вернее, два рядом стоящих кедра поднимались метров на тридцать, сплетались ветвями и были облеплены кухтой. Соболь затаился — не шевелился, не уркал, и, сколько я ни ходил кругом, даже с помощью бинокля увидеть его не мог. Ничего не оставалось делать, как пробовать напугать его выстрелом и заставить

себя обнаружить. Боезапас у меня был солидный: около 100 патрончиков для малопульного и 13 патронов для дробового ствола. И вот я начал посыпать пульку за пулькой во все подозрительные сгущения ветвей и хвои, где можно было заподозрить присутствие хитреца. Все было напрасно — ни звука, ни движения, только иногда срубленные пулями веточки падали в облаке сверкающей снежной пыли. Солнце между тем уже клонилось к вершинам леса, а до дома было еще далеко, и, самое главное, по пути меня ждал очень крутой спуск по старой горе, где, раскатившись в темноте среди хаоса поваленных стволов, очень легко можно было налететь на какую-нибудь мерзость и переломать кости.

Малокалиберные патрончики кончились, из тринадцати дробовых остался один — и тут соболь показался. Он вдруг прыгнул на соседний кедр, пролетел по воздуху черный, пушистый, и даже оранжевое пятно у него на горле, как огонек, мелькнуло в лучах заходящего солнца. Я выстрелил по нему навскидку, как стреляешь по слетающей внезапно с дерева птице — и целая лавина кухты обрушилась, помешав мне увидеть результаты выстрела. Валет перескочил к соседнему кедру и с остервенением залаял, а я плюнул и, зажинув за плечи бесполезное ружье, начал его отзывать, чтобы идти к дому. Абсолютная уверенность в том, что теперь, когда мне нечем стрелять, я обязательно увижу соболя, если начну его высматривать, была настолько сильна, что я не хотел и пробовать. Я вышел на лыжню и только тут осознал, что собака у меня смолкла. Пришлось возвращаться, и не даром: Валет сидел возле глубокой ямки снегу и, вывалив язык, весело на меня поглядывал, а в ямке был соболь, падения которого в этой массе посыпавшейся кухты ни я, ни пес не заметили.

На промысле я с Валетом провел два сезона. Потом тематика моих работ сменилась и вместо таежных дебрей Эвенкии и Забайкалья начались выезды в обжитые, изъезженные и исхоженные угодья спортивных охотничьих хозяйств. Самое неприятное, с чем нам тут пришлось столкнуться, — обилие лосей. Для Валета этот зверь наряду с соболем был главным, самым желанным объектом охоты. Так уж он воспитан, что, попав на лосиный след, бросал все остальное и начинал преследование. Он четко знал, что его задача — догнать лося, сколько бы ни пришлось потратить на это сил и времени, остановить его и удержать на месте до прихода хозяина. Если это удастся, то награда обеспечена — в его полное распоряжение будет отдана масса вкуснейших деликатесов, которыми люди почему-то пренебрегают. Можно будет объедать с требухи полосы нежного нутряного жира, лакать кровь, подхватывать на лету бро-

шенные довольными охотниками куски мяса и потом, наевшись до блаженной сытой одури, дремать, отыхая от всех трудов, пока будет идти разделка зверя.

Но чего стоили все эти знания в условиях Переславского или Истринского охотхозяйств? Я же не мог стрелять лосей: и сезон был не тот, и лицензий у меня не было. Валету все это было неведомо, и он с великим старанием делал то, что считал необходимым. В первый же наш выход в лес он привязался к крупному рогачу и отозвать его было невозможно. Не помню уже сколько раз, пытаясь его поймать, я подходил вплотную к поставленному им зверю. Заметив мое приближение, пес делал все, чтобы отвлечь внимание зверя на себя: перебегал на противоположную от меня сторону, подскакивал на месте, припадал на передние лапы и лаял, лаял, не умолкая. При этом он все время поглядывал на меня, явно ожидая выстрела. В эти минуты я был рад тому, что собаки не говорят: то, что я услышал бы от Валета, вряд ли доставило бы мне удовольствие. Рано или поздно лось меня замечал, пускался в бег и собака уходила следом за ним.

Мне нужно было работать, и не мог я весь день потратить на попытки поймать своего обазартившегося лосятника. Пришлось оставить его и заняться делами в надежде, что он сам бросит не приносящее толку занятие. Плохо я, однако, о нем думал. Только на третий сутки пес пришел, а вернее, притащился домой худой, замызганный и совершенно измученный. После дня отдыха все повторилось и повторялось ежедневно почти неделю, но на ночь Валет в лесу больше не оставался и «пас» своих подопечных лишь в течение дня. Наконец, он, видимо, понял, что лося мне не нужны, что я их не стреляю и, следовательно, гоняться за ними нет смысла.

Валет достался мне уже работающим и приученным к порядку псов. Хлопот с ним было мало: он был послушен, очень спокоен и сообразителен. К посторонним людям был доброжелателен, но ненавязчив. С другими собаками сам в драку никогда не лез, но, если на него нападали, учил агрессору жесточайшую трепку, однако и здесь соблюдал некий кодекс рыцарства: поверженного на землю противника уже не грыз и, постояв над ним, отходил прочь.

Как-то в Эвенкии я был свидетелем просто поразившей меня сцены. Стоя на улице, я разговаривал с приятелем, а Валет сидел рядом, когда с огорода появилась собачья свадьба. Впереди бежала виновница торжества, рядом с нею Тарзан, принадлежавший как раз моему собеседнику, а дальше пестрой своей следовали десятка полтора «ассистентов». Тарзан был крупным, очень ладным кобелем, державшим в страхе и беспрекословном подчинении всех куюбинских псов. Я засу-

тился, пытаясь взять Валета на привязь, но не успел. Рыжая прелестница уже вертась вокруг него и была явно не прочь присоединить его к своей свите. Валет встретил ее очень галантно, но тут между ними втиснулся Тарзан и оба кобеля застыли в полной неподвижности. Не было ничего столь характерного для ритуала собачьих встреч: ни рычания, ни вздыбленной шерсти, ни взаимного обнюхивания. Оба просто стояли бок о бок и не шевелились.

Вмешиваться было поздно, так как мы только спровоцировали бы начало драки. Сучка, повиливая хвостом, смотрела на соперников, а все ее спутники расселись кругом, видимо, не смея вмешиваться в назревающий конфликт. Я не выдержал:

— Слушай, Валентин, они же сейчас сгрызутся!

— Не замай! Может, обдумаются, а задерутся — растащим.

Рыжая искусительница, наверное, решила, что события развиваются недостаточно динамично и попытала подогреть страсти. Однако стоило ей приблизиться к соперникам, как Тарзан вдруг показал зубы, но не Валету, а ей, оттолкнул ее плечом и так, отталкивая и скалясь, погнал прочь, а за ними последовали и остальные. Валет остался с нами.

Валентин мне подмигнул и засмеялся.

— Видал? А ты говорил задерутся. Нет, паря, у них тоже мозга работает. Тут ведь кто кого — еще бабка ворожила, легко не управляешься. Вот, значит, и решили — не заводиться. Нам бы при этих кобелях в одной избушке жить-промышлять, так и без заботушки!

Нужно думать, что внутренняя сущность ситуации была в этих словах изложена правильно.

Итак, повторяю, что в быту Валет мало осложнял мне жизнь. Тем не менее одним из самых невообразимых скандалов я обязан именно ему. В нашей охотустроительной партии работал некто Казачков — личность, мягко говоря, мало симпатичная. По специальности он был лесоводом, но на этом поприще особых лавров не стяжал и его присоединили к нам. То ли наше лесное начальство посчитало, что в примитивном деле (каким этому начальству представлялось проектирование охотничьих хозяйств) сойдет и такой специалист, то ли его просто некуда больше было пристроить, но, так или иначе, он работал с нами. Собак он совершенно не переносил, боялся и постоянно читал нам лекции о бешенстве, чесотке, глистах и эхинококке. По вечерам он демонстративно обследовал собственное пузо, выискивая на нем признаки «собачьей парши».

В какой-то день Валет придушил большого черного хоря. Я снял шкурку, а тушку выкинула за забор в кусты. После этого пес ежедневно туда наиведывался: наверное, проверял, до ка-

кой стадии разложения дошел его трофей. Когда же последний «созрел», Валет в нем извялялся и, «надувшиесь», никем не замеченный, пробрался в дом и залез под кровать спавшего Казачкова. Я совершенно убежден, что им руководили самые добрые побуждения, ведь для него тошнотворный смрад протухшего хоря был райским благоуханием, которым он и решил уладить того единственного человека, который проявлял к нему недружелюбие. Так что поступок его следовало расценивать как аванс к примирению и плату добром за зло. К сожалению, Казачков его не понял.

Мы мирно беседовали на крылечке, когда в доме раздался жалобный, душераздирающий вопль, перешедший затем в настоящий каскад отборнейшей ругани. Потом оттуда выскочил Казачков и начал метаться по двору, изрыгая все новые и новые проклятия. Для какого-нибудь Юза Алецковского и других литераторов, трудящихся над обогащением русского языка теми перлами, которые они тщательно переписывают со стен общественных клозетов, рулады Казачкова могли бы послужить источником великого вдохновения. Сочность пущенных в ход выражений была по меньшей мере равна тому убийственному аромату, которым смердило наше жилище!

Комнаты пришлось проветривать, Валета отмывать, а Казачков к перечню гнусных собачьих особенностей прибавил мстительность.

Переход от промысловой к любительской охоте Валету был не по душе. Ему не хватало бескрайних просторов тайги, ежедневной напряженной работы или полной свободы в месяцы охотничьего межсезонья. Не было того, на чем он был воспитан, к чему привык и чего жаждал всем своим существом. Все эти утиные, тетеревинные и вообще птичьи охоты он, по-моему, просто презирал, хотя и делал на них все, что положено лайке. Кабана за дичь он вообще не признавал, и единственными звери, по которым он работал с полной страстью, были рысь и куница, но ведь встречи с ними бывали так редки, а случаи, когда по ним можно было стрелять, и того реже. Режим любительских охот с его выездами на один-два дня, постоянными встречами с людьми и домашними животными его тоже не устраивал и не давал ему достаточной разрядки. Специально ради собаки я иногда ездил побелковать, но и такие выезды были слишком кратковременны и легки. Пес скучал, жирел, у него проявилась склонность к бродяжничеству, которая и привела его к безвременному концу.

С тех пор я не держал лаек и уверен, что тому, кто не может обеспечить этим прекрасным собакам условий для необходимой им полноценной работы, держать их не следует.

Рисунки Б. Игнатьева

Наш новый автор

ОХОТА В ПОДАРОК

А. ЗЕМЛЯНОВ

Я помню ее, как будто это было вчера, а то, что было вчера, сегодня я уже, увы, припоминаю с трудом. Сегодня мне сорок пять лет, а тогда было двенадцать. Я помню слова отца: «Без охоты, сынок, я уже давно бы не жил». Тогда я это не понимал. Сейчас я это понимаю. Одним из самых радостных дней моей жизни и по сей день остается тот, когда отец подарил мне ружье (с разрешения председателя общества охотников и с условием, что я буду ходить на охоту только с отцом). Он обещал подарить его мне к дню рождения, а подарил немногим раньше. Для меня это было не то, чтобы сюрпризом, не то, чтобы полнейшей неожиданностью... впрочем, тут я не могу подобрать такого слова, чем это было для меня. Помню только, что когда я, придя из школы, увидел на стене моей комнаты ружье, то я о...столбенел, в прямом смысле этого слова. Весь оставшийся день и целий вечер я не отходил от ружья, а когда мать позвала на ужин, причем позвала несколько раз, я быстренько-быстренько что-то там проглотил под смеющиеся глаза отца и — снова к ружью. И даже ночью я несколько раз вставал, включал свет и стоял перед ружьем, блаженно глядя на него, как перед красивой иконой. Эта моя «икона» была тулкой, курковкой 16-го калибра. Из нее мне посчастливилось «взять» своего первого зайца и первого крякового селезня. Впрочем, о зайцах потом.

И вот в один долгожданнейший день открылась охота на зайца по чернотропу. В ночь перед охотой я не смог заснуть. Иногда вставал и снова снова перекладывал патроны в патронташе по номерам дроби. Четверку — в правый подсумок, патроны с дробью покрупнее — в левый. И наоборот. Наконец, под утро задремал, и тут же, как автоматная очередь, раздался стрекот будильника. Я вскочил и оделся намного быстрее, чем будучи солдатом в армии. А отец, оказывается, встал еще раньше и уже приготовил завтрак. Мне же было не до чаевничания и не до всяких там прочих утренних туалетов. Я уже с вечера был собран и теперь сидел в полной боевой готовности, поглаживал Флейту — нашу общую любимицу русскую гончую выжловку — и нетерпеливо поглядывал на отца. Впрочем, нетерпеливо — это не то слово. В отличие от Флейты, я только что разве не взвигнул и не поскуливал. Отец, поглядывая на нас и посмеиваясь, ускорил свое чаепитие, встал из-за стола и сказал: «До чего же вы с Флейтой похожи в этот момент. Все. Выходим!» И тут же нас с Флейтой подбросило, как будто мы сидели на сжатой пружине, а она вдруг взяла да и расжалась. Отец рассмеялся. Видимо, ему это состояние моей охотничьей души было хорошо знакомо. Хотя почему было? Я и сейчас, например, перед каждой охотой испытываю точно такое же состояние удивительного, приятного волнения. Только теперь оно, наверное, более сдержанное что ли, чем в ту первую предохотничью ночь. Извините за это небольшое лирическое отступление и за избитую фразу: «Ради этого стоит жить».

Я взял Флейту на поводок, и мы пошли. «Ни пуха, ни пера!» — ласково сказала мать, вставшая, чтобы закрыть за нами дверь. «К черту, к черту...» — бормотал я уже на улице, почему-то нервно ощупывая патронташ. Потом уже, сидя в пригородном автобусе, глядя Флейту, которая положила голову на мои колени и смотрела на меня умнющими глазами, я подумал, вспоминая утренние слова отца: «А может, действительно, когда-то я был охотничьей собакой. Наверное, скорее всего, был гончим... выжлемцом с дипломами 2-й и 3-й степеней и с оценкой по экстернуру на выставках если и не «отлично», то уж никак не ниже «очень хорошо».

И вот мы в осеннем лесу. Утро наипрекраснейшее, по крайней мере, для меня, Флейты и, я думаю, для моего папочки (так я его всегда называл). Наверняка, многие люди, проснувшись в это утро и выглянув

в окно, подумали: «Туман, мелкий моросящий дождь и на душе как-то мерзопакостно... тьфу, ты, черт...» В это утро я выгодно отличался от них. У меня было прямо противоположное мнение: «Чернотроп. Погода — то что надо для охоты с гончей. Флейта все равно рано или поздно, но обязательно должна побудить белячка и гонять она его будет без сколов. Вязкость у нее, как говорил отец, прекрасная, паратость — то, что надо!» Должен сказать, что набрался я этих охотничих слов из рассказов отца и из разговоров знакомых охотников-гончатников, которые говорили на своем неподражаемом охотничьем языке, а также из журнала «Охота и охотничье хозяйство», который в ту счастливую пору заменил мне настольную книгу.

Очнулся я от своих мыслей после окрика отца: «Стояты!» Мы с Флейтой дружно замерли как вкопанные. Отец, как показалось мне, хрюкнул и сказал: «Это я Флейте скомандовал. Так положено». Затем снял с Флейты ошейник и пустил ее в полаз с веселым порсканьем: «А ну, давай, давай, давай! Буди его, буди, милая, гол-па, гол!»

Я с особым удовольствием заряжая свою драгоценную тулку, и мы медленно идем по лесу. Я, подражая отцу, но еще более азартно порскаю: «Давай, давай! Добудь его, добудь. О-ля-ля, гол-гол!» И вдруг Флейта подала голос. Потом еще и еще. Сердце у меня, как говорят в таких случаях, так и екнуло. Но по рассказам отца я знал, что это еще не гон. Это добр, то есть Флейта подает голос на жировке зайца и старается побудить его. Так продолжалось минут десять, а потом в одну прекрасную секунду лес как будто проснулся от заливистого рыдания Флейты. «Вот оно! Подняла, помкнула, залилась. На глазок! По зрячemu, судя по голосу», — мелькнула у меня мысль. Я лихорадочно скжал ружье, да с такой силой, что оно, наверное, стало не 16-го, а 20-го калибра, и, сломя голову, ноги и все прочее, как дикий вепрь, ломанулся сквозь чащу леса на Флейтинголос, который быстро удалялся от меня. Да! Теперь это был он! Его величество страстный, яркий Гон!

В соревновании в беге с Флейтой и зайцем я проиграл и скоро, дыша тяжело и с каким-то свистом в груди, остановился, снял шапку и старался уловить, в какой стороне идет гон.

В редакции раздался звонок. Мужской голос спросил: «Можно принести рассказ?». Через полчаса в кабинете появился... русский Пьер Ришар — светлая шевелюра, улыбающееся добре лицо. И рассказ его оказался таким же: душевным, неожиданным, с юмором.

Александр Александрович Землянов — актер, окончил Воронежский институт искусств. Пять лет он работал в столичном театре «Драматург», а когда режиссер умер и труппа распалась, уехал с женой и детьми в подмосковную деревню Вишняково Ногинского района. Работает директором сельского клуба, в котором сразу же организовал детскую теат-

рот мне стало казаться, что заяц пошел на круг, то есть нет, не казаться, а точно гон стал приближаться ко мне. Я задрожал, как осиновый лист на ветру, и стал лихорадочно и почему-то какими-то скачками искать лаз, по которому должен «пролезть» заяц. Одно место мне казалось лучше другого, а Флейтинголос вдруг возник неожиданно рядом. Я не нашел ничего лучшего, как прыгнуть за дерево и принять полную боевую готовность. (Позже я где-то читал, что вставать нужно не за дерево, а перед ним и главное — не дергаться.) А тогда я чуть дерево не свалил, выглядывал из-за него то с одной, то с другой стороны в надежде узреть или еще, как охотники говорят, перевидеть зайца. Зайца я так и не узрел, а вот Флейту, которая буквально вылетела на меня, только чуть-чуть левее, перевидел. Вылетела она и застыла, подняв голову. Потом резко повернула ее ко мне, фыркнула, показалось, даже послала меня... опять за дерево, а затем опустила голову к земле и так это членком, членком и заходила-заходила, очень смешно шевеля ноздрями с не менее смешным характерным звуком, что-то типа «хру, хру, хру...» Но мне в этот момент было не до смеха. «Эх, прозевал, растяпал!» — грыз я сам себе локти. Тем временем Флейта снова, я бы сказал, истошно, с какими-то взвизгиваниями возопила, и гон снова утек от меня. А я стоял весь в тоске, и в голову почему-то залетел отрывок из одного охотничьего стихотворения:

...Играют звуки ближе, ближе...
И вот беляк метнулся меж кустов!
За выстрелом рванулся выстрел,
И заяц кубарем — «Готов!»

Я готов был зареветь от досады на себя. «Подшумел! Вот уж оттопал так оттопал, дурак...» — с тихой злостью думал я и обреченно шел, уже не бежал, в сторону гона. Вдруг голос Флейты пропал. Нет, он не сошел со слуха, он просто взял и сразу оборвался. «Ну вот, теперь и Флейта сколопась. А все из-за меня, охотника липовового...» — крутилось в неудачливой моей голове. В это время послышался возбужденно захлебывающийся голос отца. «Вот, вот, во-от, во-от, вот!» — кричал он. Я подумал, что он меня ищет и так же, но гораздо менее азартно ответил: «Вот, вот». И тут же, извините за выражение, почувствовав нужду, уселся под ближайший куст: «Вот

же приспичило... хорошо что не во время гона... Утром-то было не до этого». Сижу. Но, как и подобает пустыне-удачливому, но все же таки охотнику, ружье из рук не выпускаю. Сижу, значит, а вокруг после Флейтингола такая, знаете ли, звенящая тишина. И вдруг среди этой тишины слышу легкое похрустывание лежащих на земле сухих веточек. Я поворачиваюсь на этот шорох и... о, боги! Еще полностью не вылинявший беляк, не спеша, видимо, пользуясь Флейтинголом, «пролезает» через редкий кустарник метрах в двадцати от меня. Прыг, прыг... и сел. Замер как столбик и ушки вверх навострил.

Какая-то неведомая сила подбросила меня вместе с ружьем вверх. Не помню, как целился, но зато помню, как заяц упал, судорожно задергал задними лапами и затих. Господи! Что со мной было! Если я напишу: «я дико орал», то это будет приуменьшением. Я орал так, что, наверное, все птицы и звери летели и бежали из этого леса, как от пожара. (Отец говорил мне потом, что он подумал, будто бы я завалил по меньшей мере мамонта.) Высоко подняв над головой ружье, я орал: «Готов! Дошел!» — так учил отец, и «Урра!» — это уже от себя.

И вот в этот самый момент появился отец. Я ожидал, что сейчас он будет улыбаться и поздравлять меня с «полем», а он застыл, как сеттер в стойке. Вытянул голову вперед и смотрит на меня. Следом за ним выскоцила Флейта и... тоже застыла в аналогичной позе. Я им показываю на зайца, а они смотрят на меня. И только тут я заметил, что нахожусь в последней стадии стриптиза... Потом еще долго в лесу стоял раскатистый хохот отца. Вскоре, когда я был одет уже по всей форме, к нему присоединился и мой радостный тенорок. Флейта тоже улыбалась, видимо, чувствуя награду в виде пазанов беляка.

Отец потом описал мою первую охоту в стихах. В них было много юмора и в отличие от моего рассказа охотничи приуменьшения — явно не в мою пользу. Он прочитал их своим друзьям-охотникам. Они намного продлили свою жизнь смехом. При новых встречах с отцом они снова просили почитать им это «произведение». Отцу это, судя по всему, доставляло удовольствие, впрочем, как и мне тоже. И сейчас я часто говорю себе: «Спасибо, отец, что ты подарили мне охоту!»

ральнную студию.

Охота в семье — традиция. Всю жизнь держали охотничьи собаки. Недавно к его дому прибралась гончая с повязкой на животе (видно, бросили большую). Дочка сказала: «К охотнику и охотничьи собака пришла». Повез ее новый хозяин в Москву, в Кузьминки. В Ветеринарной академии сделали операцию — оказалась опухоль молочной железы. И вот уже два года ходит Флейта [всю жизнь в доме охотника были только Флейты] по беляку.

Это первый рассказ Александра Землянова. Будем надеяться, что не последний.

ВАСЬКА

М. ТАРКОВСКИЙ

Первое, что услышал Васька, просыпаясь, был шелест дождя по крыше избушки. «Знаний, за глухарями не поедем», — подумал он, чувствуя, как пропадает всякая охота подыматься.

Было поздно. Николай, давно вставший и попивший чаю, сидел на нарах, сопя и куря папиросу, и прикручивал цепочки к капканам.

—...Сорок пять... Ну и как спали, Василий Матвеевич? — проговорил он, швырнув в кучу последний капкан. «Мог бы разбудить, если так недоволен», — подумал Васька и, кивнув на покрытое каплями окно, спросил неизвестно зачем:

— Давно сыпет?

— Ешь давай, — ответил Николай, — да поедем сеть смотреть.

Снег, так радовавший Ваську, наполовину стаял и оставался только в складках мха. У безжизненного кострища мокро блестела банка. Вода стояла в собачьем тазу, висела мелкими шариками в кедровых иголках.

Чуть забелело в низких тучах, отжившего ветра полилось с деревьев крупными каплями, закричала с елки кедровка. Но, когда Николай с Васькой спускались к Бахте по скользким чугунным камням, снова потемнело и засипел по воде, было, притихший дождик. Николай отвязал от кустов веревку, и лодка, грохоча, сползла в воду, оставив на камнях белые блестки. «Заводи иди», — поеживаясь, буркнул Николай; чувствовалось, что ему неохота ни шевелиться, ни к чему-либо прикасаться. В сеть попали три большие щуки и таймень. Николай застрелил его из тозовки. Когда ехали назад, дождь усилился и Ваську, сидевшего за мотором, больно било по глазам.

Обсушившись, Васька решил пройтись по «дороге», которую ему отвел Николай в этом месте. Но едва он поднялся в хребет, пробрел по редкому кедрачу с пяток капканов и вышел, шурша снегом, к болотцу с красным мхом, выпал такой дождь, что ему ничего не оставалось, как вернуться обратно.

— Ну и охота мокнуть было? — усмехнулся Николай, все вопросы начинавший с «ну и».

Васька поел жареного тайменя с картошкой, попил чаю и, смастерив на чурке станочек из толстой проволоки, принялся вертветь цепочки для капканов. Николай, всегда делавший то же самое плоскогубцами, посмеивался, мол, давай-давай, мастер, посмотрим, что из твоего мастерства через месяц выйдет.

Быстро стемнело. Николай заправил лампы, долго протирал стекла газетой, подрезал ножницами фитили. Разгорелось пламя, и сразу сжалось, почернев, синее окно. Николай прикурил от лампы, улегся и, не глядя, достал с полки журнал.

Васька в колошах на босу ногу вышел на улицу, помешал остыавший на лабазке собачий корм, вернулся, лег на нары — и затосковал. Дождь убил в нем всю прежнюю бодрость — бодрость от новых забот, от легкого морозца, стоявшего целую неделю, пока они развозили продукты по избушкам. Он чувствовал себя совершенно размокшим и бессильным. Все его удручало. От шуток Николая становилось неловко, он не знал, как на них отвечать: обижаться не хотелось, а остроумно огрызаться он не решался, да и не умел. Все меньше нравился и сам Николай, который, казалось, без конца напоминал, что он здесь хозяин и что у него со всем вокруг, начиная от ведра в избушке и кончая порогами Бахты, свои старые отношения. Ваське казалось, что даже вещи напарника смотрят на него с превосходством, особенно полка, тут и аккуратно набитая пачками пулек, махорки, папирос. Казалось, что если Николай сажает его за свой мотор, то непременно для того, чтобы Васька видел, как хорошо тот у него работает. Казалось, что Николай все время ищет повода придраться, что, если нарезать хлеб толсто, он скажет «оковальков напаха», а тонко — «ково настриг — окошко видать», и поэтому старался резать как бы средне и вообще избегал что-либо делать первым.

Васька уже не мог остановиться. Раздражало лицо Николая, сухое, с русой бородкой, с выпуклыми желтоватыми глазами, которые, когда тот жевал, прикрывались крупными веками в веснушках, и одно из них двигалось вверх-вниз в такт челюстям. Все больше не нравились его избушки, маленькие и низкие. Васька пощупал щишу на лбу, поглядел на балку и представил, что сказал бы отец по этому поводу, наверное, что-нибудь вроде «лесу пожалел, а голову нет». Не нравилось Ваське и их устройство: везде одинаково — стол у окна и по бокам нары. Особенно раздражала Ваську эта избушка, срубленная почему-то на крутом склоне и покосившаяся сразу в двух направлениях так, что, когда входишь, сначала получаешь дверью по спине, а потом танцуешь на кривом полу, чтобы не завалиться на печку.

Закрыв глаза, Васька стал представлять себе Бахту, по которой они подымались с грузом несколько дней. Она казалась широкой и непривлекательной с бесконечными камнями, косами, скалами в косой кирпичик и сеткой облетелых лиственниц по берегам. Васька содрогнулся, вспомнив неуместное веселье беляков в пороге, стук мотора о камни и тухое стекло слива, сквозь которое просвечивает зеленое ребро каменной плиты. Потом он стал думать о названиях, которые уже совсем никуда не годились: Бедная речка, Холодный ручей или еще того лучше Хигами, Гикке и Ядокта, которую Николай, надо отдать ему должное, удачно переименовал в Ягодку. То ли дело Верхняя речка, Андроновский лужок, Алешкин ручей! И Васька с невозможной тоской вспомнил деревню, Енисей, озера на левой стороне, где они весновали с отцом; вспомнил майское солнце, земляные берега Сурнихи, из которой по виске можно попасть в длинное озеро, вспомнил большую избушку в остроконечном чернолесье и горьковатый запах тальников, дрожащих под напором течения и прозрачно-слоистых от того, что каждый уровень воды оставляет на них свою полоску ила.

Раз поймали они в сеть огромного карася, поразившего Ваську своей сказочностью: темно-золотой с копейкой чешуй и человечье-самодовольным выражением выпущенных глаз и приоткрытого рта. А раз Васька, пробираясь ранним утром на ветке по затопленному ельнику, услыхал совсем рядом, впереди, нежный колокольно-звонкий клик. Он выехал из чащи и увидел на абсолютно зеркальном озере двух лебедей, которые, когда он подплыл ближе, завертели желтоклювыми головками и поднялись, медленно отделившись от своих отражений и оставив на воде две рассыпающиеся дорожки. Сделав круг на фоне ельника, они набрали высоту и, перекликаясь, пролетели над Васькой, деревянно и тоже как-то сказочно двигая выгнутыми крыльями.

Однажды отец уехал в деревню сдавать рыбу и задержался на сутки. Васька, прождав ночь, отправился смотреть сети и так увлекся, что опомнился только вечером в отяжелевшей от рыбы ветке, когда, еле ворочая веслом, въезжал по виске в озеро — прямо в серебряное небо, где над перевернутым облаком висела в воздухе обрюдоострая стена пихтача с еле заметной линией берега посередине, с двумя половинками лодки и двумя

изогнутыми струями синего дыма. У костра на тропинке, уходящей в воду, сидел отец и мешал в большой чашке сметану с мелко нарезанной чесноком.

Ту ночь, светлую и короткую, Васька запомнил на всю жизнь. Отец полулежал на боку, глядя сквозь оставляющий костер на дрожащую воду, одной рукой подперев голову, а другой обняв привалившуюся к нему Ваську. Никогда он не видел отца таким задумчивым, никогда рука его не лежала на Васькином плече так хорошо и никогда он не испытывал такого счастья. И такой усталости, которая продолжала укачивать его, как ветка, и он, уже закрыв глаза, все выпутывал из беско-

нечной сети серебристых, пахнущих огурцом сигов. Отец отнес Ваську в избушку, сходил на берег прибрать хлеб и, когда сам укладывался, заметил, прикручивая фитиль, как дернулась рука спящего Васьки с распухшими красными пальцами.

Летом отец утонул. Как это произошло, никто не узнал, нашли только прибитую к острову и полную песка лодку. Васька остался вдвоем с бабушкой: мать умерла, когда он был еще совсем маленьким.

Прошло три месяца с того самого дождя. Ясным морозным днем Васька подходил по белому полотну Нимы к дальней избушке, стоящей на устье незамерзающего ручья в светлом и просторном листянничке. Утро было очень холодным. Пар выходил изо рта плотной струей и с шелестом рассеивался. Низко над рекой пролетел, скрипя крыльями и косясь на избушку, ворон. Были видны заиндевелые ворсинки у его ноздрей. На ворона некстати взлянул кобель-первосенок и тут же замолк, пряча глаза. Ваську все это очень позабавило, одарив на весь день хорошим настроением. Мороз не давал мешкать, и он часов за пять управился с дорогой. Попало три соболя. Искрился

снег, густо синели тени, тянулся за лыжи сахарный ступенчатый след. До избушки не хватало нескольких капканов, и Васька, скатываясь по звонким кустам на реку, с удовольствием подумал: «Все хорошо будет — в следующем году доставлю».

В одном месте на припорошенный лед выплилась вода и застыла кристаллами. Следились толстые красные кlestы и грызли эти зеленые звезды своими, похожими на испорченные ножницы клювами. Они старательно наклоняли головы, прижимали их к льду, и была в их движениях какая-то смешная ухватистость.

Серебрились на еще светлом небе тонкие, изогнутые, как рога, ветви лиственниц. Полоска пара висела над промоиной. За мысом открывался длинный плес и над ним сопка с приподнятой вершиной.

Бочка у избушки, чурка с воткнутым две недели назад топором — все было засыпано пухлым голубым снегом. Васька не спеша освободил ноги из юкса, снял тозовку, привадник, понягу, согнувшись, вошел в ледяной сумрак и, прежде чем затопить печку, стукнул по трубе поленом. В ответ с шорохом проехал кусок снега. Потом он, не расслабляясь, надел лыжи и притащил из поленницы несколько листвяжных чурок, которые кололись на рыхкие волокнистые поленья, казалось, еще до того, как их коснется топор. Потом спустился с ведром к промоине у ручья. Края затягивались ледком, сквозь темную парящую воду виднелось дно в камнях. Шурша, развернулась отколотая льдинка, и Ваську еще раз умилила эта зимняя живучесть речек и ручьев, в любой мороз продолжавших таинственно побулькивать. Подымаясь обратно к избушке, Васька с одобрением уставшего человека прислушивался к гулким щелчкам, к нарастающему реву в высокой трубе, из которой вслед за густым дымом начинал вырываться прозрачный расплывавшийся воздух, иссеченный искрами.

Смеркалось. Уходило в открытое не-бо последнее тепло. С резким, каким-то особо отчетливым морозным шелестом шумел по камням ручей. Избушка нагрелась, светилась печка рубиновой краснотой, таяла в кастрюле льдышка глухариного супа. Васька развесил соболей, снял озям, заиндевевший изнутри по швам, растянул его на гвоздя за печкой, потом, несмотря на почти невыносимую пустоту в животе, еще некоторое время терпеливо разувался и принялся за еду, только когда аккуратно висели на своих местах бродни, перехваченные бабушкиными цветными вязочками, пакульки и портняки. После чая он поставил на печку собачий корм и, откинувшись на нары, замер, переживая блаженство этого долгожданного мига.

Ровно горела лампа. Чуть покачивалась под чисто вытертой луковкой стекла золотая корона пламени. Всегда есть в подобном свете что-то

старинное, торжественное и очень отвечающее атмосфере той непередаваемой праведности, которая сопровождает одинокую жизнь охотника. В эти минуты Ваську охватывала такая волна любви ко всему окружающему, что по сравнению с ней долгие часы усталости, холода и неудач не значили ничего. Он смотрел на смуглые стены избушки и восхищался, как ладно срублен угол, как плотно заходит одно бревно за другое, как просто и красиво висят портнянки на затертой до блеска перекладине под потолком. И росла в нем безотчетная гордость за свою жизнь, за это нескончаемое чередование тяжкого и чудного, за ощущение правоты, которое дается лишь тем, кто погружен в самую сердцевину бытия.

С Николаем они встречались редко, раз или два в месяц, чаще всего в главной избушке, заранее рассчитывая время, чтобы прийти в один день. Когда этот день наступал, Васька, волнуясь еще с вечера, вставал намного раньше обычного и, подходя краем Бахты к знакомой ложбине, издали высматривал полоску лыжни на снегу или столб дыма среди пестрого от кухты леса. Но обычно он приходил первым и, таская на нартоках дрова для бани, то и дело прислушивался и выбегал на высокий бугор в надежде увидеть вдали у мыса три шевелящиеся точки. Потом возвращался в избушку и, томясь ожиданием, пил чай, крутил приемник и вдруг вскакивал от громкого лая, без шапки выныривал на улицу и, отбиваясь от собачьих приветствий, слышал далекое и мурмание шуршанье лыж.

Вскоре появлялся Николай, весь белый, с белой бородой, с березовой лопаткой под мышкой и кровавой белкой у пояса, с сосульками на усах и ульбкой, еле раздвигающей застывшие губы.

Иногда они менялись ролями, и как было приятно, до темноты провозившись с соболем, застрявшим после выстрела в толстой и лохматой кедре, подходит по свежей лыжне к светящемуся окну и видеть, как бьется во тьме рыжий хвост пламени над трубой. Валил пар из приоткрытой двери, рябчики скворчат на сквородке, а из рации к большому удовольствию сытого и разомлевшего Николая доносится пискляво-игрушечный разговор какого-нибудь «Тринадцатого» с «Перевальной»*, обсуждающих способы ремонта «дыроватого» ведра.

Раз на другой день после такой встречи, возвращаясь с дороги, Васька увидел напарника на крыше, скрывающего лопатой скрипучие кубы снега. Он, было, кинулся помогать, но Николай раздраженно осадил его: мол, мог бы и сам давно догадаться, что крыши здесь никто перекрывать за него не будет. У Васьки одеревенели

губы от обиды, и он ушел в избушку пить чай, сразу показавшийся безвкусным, хоть он и мечтал о нем весь день. Впредь он стал еще более внимательным. Заметив, что Николай всегда, уходя, оставляет с избытком мелко наколотые дрова, он стал оставлять еще больше и еще мельче наколотые, и между ними даже завязалось что-то вроде игры с возрастающими ставками, из которой Васька вышел победителем. Николай, видя Васькину покладистость и отдавая должное его упорству в охоте, раз от разу становился доброжелательнее и словоохотливее. На Новый год они просидели до пяти утра. Николай, первым вспомнив случай со снегом на крышах, признался, что после сам переживал и что, наверное, язык не отсох бы все добром объяснить, а не реветь попусту. Он усидел почти бутылку спирта, и Васька потом долго вспоминал историю про непутевых напарников, которых у Николая была целая коллекция и которые, хоть и стоили друг друга, но изводили его по-разному.

Был один, Борька, все приговаривавший во время сборов: «Тайга — это тебе не водку трескать». Залетали они в тот год на вертолете. Николай разделил груз на две части; с одной высадил на главной избушке Борьку, а с другой полетел на Ягодку, откуда тот должен был забрать его на лодке. Но шло время, а Борька все не появлялся. Николай забеспокоился, пошел к напарнику сам, шел два дня, промок до нитки, перебираясь через Хигами, и обнаружил в теплой избушке невредимого Борьку, храпевшего среди пустых бутылок. «Хоть бы глоток, подлец, оставил», — подумал Николай. А кончилось все просто: на другой день он помог Борьке ставить на воду старую деревянную лодку, и тот послушно отбыл на ней в деревню.

Однажды Николай чуть не погиб от аппендицита. Рация, как обычно, была на Холодном, а прихватило его совсем в другой стороне. Он ковыляя оттуда несколько дней, пришел ночью и чудом застал на связи охотника из соседнего поселка. Вылетевший вертолет Николай пошел встречать на Бахту, и его нашли в снегу без сознания с тусклым горящим фонариком в руке.

В каждой избушке у Николая висело по школьной тетрадке. В такой тетрадке красивым почерком было записано, что такого-то числа охотник Шляхов пришел с Холодного (не видал ни следушки), а такого-то ушел на Ягодку, мороз столько-то градусов. Но особо запомнил Васька другую запись. Она кончалась словами: «пиши на коленях, жалко мало пожил».

Постепенно Васька начал понимать, что за желчностью Николая стоит во все не какая-то вредность характера, а обычное недоверие битого жизнью человека. Он с облегчением чувствовал, что этого недоверия остается между ними все меньше и меньше

ше. Особенно потеплело на душе у Васьки, когда в одной из избушек появилась сделанная руками Николая крутника для цепочек.

В отношениях с людьми Ваську все больше удивляла обманчивость внешнего впечатления. Он всегда с интересом слушал разговоры по радиостанции и даже придумал игру: представлять себе по голосам разных охотников, а потом сверяться у Николая. Часто все выходило совсем не так, как он думал, и придурковатый заикающийся «Еловый» оказывался лучшим охотником района, а бойко и грамотно басящий «Захребетный» — последним болтуном, лентяем и посмешищем целого поселка. Был еще некто «Пятнадцатый». Говорил он резким недовольным голосом с причавканьем и казалось, что его вечно отрывают от пожирания чего-то вкусного. Ваське не нравились его авторитетный тон и привычка делать всем замечания. У «Пятнадцатого» была большая семья, и он без конца с нею беседовал, то и дело прерываясь и требуя, чтобы ему не мешали и не забывали эфир пустяковыми разговорами. Охотился он с сыном. Сын, как и Васька, был на охоте первый раз. У сына этого был такой же голос, как и у отца, и звали его тоже Геной. Васька поначалу их даже путал, потому что Гена-сын тоже причавкивал и хорохорился не хуже отца, как бы давая этим понять, что он хоть и моложе, но тоже «Пятнадцатый».

Однажды Васька пришел таким голодным, что первым делом, не дожидаясь, пока оттает ужин, сжевал брикет сухого киселя со снегом. После этого он подкрепился двумя чашками борща, а перед сном умял сковородку риса с глухарятиной. Под утро он проснулся от нестерпимой рези в животе и весь день провалялся на нарах. Оказалось, что младший Гена тоже заболел и, пользуясь заташьем, до обеда проговорил с молодой женой, причем сначала по привычке продолжал изображать «Пятнадцатого», а потом неожиданно пролепетал, что «соскучился ужасно», и Васька, которого и так не покидало ощущение, что он подслушивает, совсем смущился и выключил радио.

Бабушка жила в Васькиных мыслях постоянно. Маленькая, легкая, как совенок, мягкая от надетых на нее платков и фуфаек, пахнущая прелым тряпьем, рыбьим жиром и картошкой, она и на расстоянии преследовала его своей заботой. Теперь после долгой разлуки Васька принимал эту заботу без раздражения и всякий раз улыбался, вспоминая, как навязчиво неловко охраняла она его от водки или как перед отъездом донимала советами («Бахта станет — по льду не ходи»).

Но чаще он думал о ней с благодарностью и тревогой, представляя, как она, кряхтя, колет дрова, как возит с Енисея воду на рыхком кобеле и как темным утром тащится с фонариком в контору узнать «нет ли чего от Васи».

* Автор здесь и далее просит не обижаться охотникам с такими же позывными и не принимать написанное на свой счет.

Еще вспоминал он ветреный день их отъезда. Накатывала на обледенелую гальку холодная и наглая волна. Мокрый Николай, ругаясь, отпихивал от берега перегруженную лодку, ветер срывал брезент с груза, а вспомевший Васька бегал за отвязавшейся собакой. И когда бабушка в десятый раз закричала, ударяя на «я»: «Вася-я-я! Ты рукачицы взял?», он проорал в ответ что-то настолько резкое и грубое, что и теперь, вспоминая, краснел от стыда. И чтобы заглушить этот стыд, Васька из всех сил думал о том, как отдохнет бабушка, когда он вернется, как хорошо они с ней заживут теперь, когда он такой взрослый и сильный, и что в следующий раз он обязательно наколет ей дров на всю зиму.

Под конец охоты уже очень хотелось домой, но, когда настало послед-

нее утро, когда прибирали в избушке, выкидывали ошалевшим собакам остатки рыбы, стало вдруг страшно грустно и обидно за это вот-вот опустевшее жилье, за открытую лыжню, по которой он вчера пришел и которая ему больше никогда не понадобится, за прибавляющийся день и солнечную погоду, которая будет теперь стоять впустую. Но в следующую минуту засосало под ложечкой от радостного волнения и пробежал по ногам зуд предстоящей дороги.

Недалеко от деревни они в последний раз ночевали в избушке. Ее хозяин, молодой парень, уже отохтился и ушел домой, оставив на гвоздике в цветастом мешочке домашнее печенье — «ст्रяпанное». Васька как ни сдерживался, сгреб добрую половину вкусного стряпанного и, отвалившись на нары, уснул мертвым сном.

...Трещала печка, чуть синело окно, верещала рация. Странно бодрый Николай внимательно посмотрел на Ваську и, как бы решившись на что-то, выдохнув воздух, сказал:

— Вот что, Василий. Сейчас с деревней разговаривал. Бабушка твоя умерла.

Будто лопнул лед под Васькой, и от обдавшего холода он проснулся и, оглядевшись, сначала не мог понять, почему так механически мерно сопит Николай и так равнодушно недвижено еле тлеющий фитиль лампы. Пережитое во сне было настолько сильным, что он, лежа с открытыми глазами, чувствовал, как все продолжает тонуть, цепенея в пробирающем до костей холода, — будто он снова бесконечно маленький и беспомощный, будто не бывало никогда ни морозной радости на сердце, ни тридцати вычесанных соболей в поняге, а есть только извечный, оголенный сном страх одинокой потерянной души. Васька затопил печку. Она загудела, и все сдвинулось с мертвой точки, затикали часы на столе, пошевелился Николай, завозились собаки за дверью...

Настал день, а страх все не отпускал. Он был с Васькой все время, пока они шли по уже хорошо накатанной дороге, и когда их встретили у зверофермы, и когда они тряслись в нарте на едком дыму выхлопа мимо заваленных снегом домов, мимо собак, лай которых тонул в реве мотора и оставались от него лишь нелепо дергающиеся головы с открывающимися пастью. А потом показалась дом на угоре, и на крыльце стояла бабушка в красном платке и фуфайке, с охапкой дров, и, когда гул стих, она все что-то искала сморщенным лицом у Васи на груди, а он гладил ее по вздрагивающей стеганой спине и говорил не своими губами: «Ну, будет, будет...», а над огромным Енисеем гнал ветер синюю пыль и ехало по зубчатому горизонту сплюснутое сказочное солнце.

Рисунки Б. Игнатьева

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

СКУЛЬПТУРА И МАГИЯ ДМИТРИЯ УСПЕНСКОГО

Их двое. Муж и жена. Оба — скульпторы. И оба — анималисты. О жене, Марине Островской, наш журнал уже писал (№ 3 — 1993). О муже, Дмитрии Успенском, пойдет разговор сейчас.

В них есть много общего, иначе не удалось бы построить семью и дом, точнее — квартиру (совершенно фантастическую по меркам сегодняшней Москвы). В ней со стен свисают листья лиан, а воздух пронизан криками полугаев. Много разных собак — живых и каменных. Вот такое жилье, студия и небольшой выставочный зал в скромном метраже обычной блочной квартиры.

Начинали они похоже, хотя и в ранних работах тяга к упрощенной форме, к мощной выразительности древних примитивов отличали Дмитрия. Был и юмор, смягчавший суровый лаконизм работ. Но основная разница между ними в подходе к анимализму. Марину волнует сам зверь, его конкретная и всегда удивительная пластика. Скульптуры Дмитрия — отражение неких метафизических идей. И даже там, где зверь вроде бы совершенно ясен, ягуар и есть ягуар, куда от него деться. Даже в этом случае, в монолитной обобщенности больше от знака и символа. Это не знакомая нам всем зоопарковая пятнистая кошка, а словно увиденный сквозь дымку леса силуэт далекого зверя. А что уж говорить, если образ сам по себе отвратительный, вроде крылатого и довольно смешного Пегаса! Но и такой отстраненности от живого зверя иногда скульптору маловато. Так появилась серия совсем уже удивительных поющих скульптур. Да, да, именно поющих, воющих и свистящих керамических дудок-скульптур полметра величиной каждая. Магия и колдовство здесь уже не прячутся за видимость скульптурного художественного произведения. Они — как предметы шаманского культа — можно взять, потрогать и даже самому посвистеть.

Путь в искусстве каждого из этой скульптурной пары резко различен и, видимо, чем дальше, тем это различие будет видно яснее. У Маринны — это путь художника, восхищенного вечным и великим разнообразием природных форм. Путь Дмитрия — воплощение в металле и камне, в тяжелых, трудных материалах мира идей и символов.

В. ЕСАУЛОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ 31

СКУЛЬПТУРА И МАГИЯ ДМИТРИЯ УСПЕНСКОГО

Биографическая справка: Дмитрий Успенский родился в 1951 году в Москве. Окончил Строгановское училище. Член Союза художников с 1978 года. Работы находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Дарвиновском музее в Москве, в частных коллекциях США, ФРГ, Финляндии и Японии.

ОБ ОДНОМ БИБЛИОФИЛЬСКОМ ИЗДАНИИ

О. ЕГОРОВ

24 февраля в Инспекторском зале особняка графа Лаваль в Санкт-Петербурге, в Русском государственном историческом архиве прошло заседание, посвященное памяти Великого князя Николая Михайловича (1859—1919), выдающегося русского историка.

Великий князь получил научное признание как блестящий исследователь эпохи Александра I, личности самого императора и его ближайшего окружения. Также большой вклад внес Николай Михайлович в область источниковедения, впервые введя в научный оборот громадный пласт документов по истории России, ранее неизвестных и недоступных для исследователей. Возглавив в 1910 году Императорское русское историческое общество, он придал новое дыхание издаваемому под эгидой Общества Русскому биографическому словарю, до сих пор, к нашему стыду, являющемуся единственным и далеко не законченным Национальным биографическим словарем. Но особо хотелось бы отметить проведенное по личной инициативе Великого князя на его деньги и под его патронажем описание надгробий всех кладбищ России, причем не только православных, но и других конфессий. До 1917 года успели выйти тома, посвященные Петербургским и Московским некрополям, первый том Провинциального некрополя, охватившего Северо-Запад России, и первый выпуск Русского некрополя в чужих краях (Париж и его окрестности). К счастью, в архиве Николая Михайловича сохранились материалы к последующим томам. Это поистине бесценный источник для всех занимающихся историей России, особенно учитывая то, что огромнейшее число российских кладбищ за годы советской власти оказалось буквально стерто с лица земли. Только за одно это — за сохранение нашей исторической памяти, без чего ни один народ не только не может считать себя культурным, но и не может иметь вообще какого-либо будущего, следовало бы поставить Николаю Михайловичу памятник. Заслуги Великого князя на историческом поприще были отмечены избранием его в Почетные члены Петербургской академии наук и присвоением ему степени доктора русской истории «*Conoris causa*» Московского университета.

Но для нас, охотников, личность Великого князя интересна прежде все-

го тем, что он был страстным и азартным охотником. Будучи одним из богатейших людей России (а он владел имениями, общая площадь которых превышала 150 тыс. га, в том числе Боржомским в Грузии, где ему же принадлежали и знаменитые минераль-

знать с легкой руки императора Александра II полюбила зимние охоты на медведя и лося и весеннюю на глухарином току. Приоритет этих видов охоты перед всеми другими стал своеобразной отличительной чертой петербургского охотника, его, если так мож-

ные источники; марганцевыми рудниками на Украине и многими-многими другим движимым и недвижимым имуществом, включая Ново-Михайловский дворец в Петербурге и имение Михайловское близ Стрельны в Петербургской губернии с не менее прекрасным дворцовыми ансамблем, Николай Михайлович, безусловно, мог позволить себе много и разнообразно охотиться. К тому же принадлежность к императорскому дому открывала перед ним возможности, какие были доступны мало кому в России. Например, поохотиться на зубров в Беловежской Пуще, что являлось привилегией только императорской фамилии. Охотился Николай Михайлович и за рубежом, где, кстати, бывал довольно часто.

Как охотник Николай Михайлович вырос и сформировался в своеобразной охотничьей среде. Петербургская

но выразиться, визитной карточкой. К тому же юность Великого князя прошла на Кавказе, где он служил офицером в кавказских частях и часто потом бывал в своем Боржомском имении. Кавказ также способствовал становлению Николая Михайловича именно как зверового охотника. И охота на зверя долгие годы в жизни Великого князя занимала главное место среди всех других охот, однако до тех пор, пока в 1909 году Николай Михайлович не вошел в члены Общества Звадской охоты.

Общество Звадской охоты было организовано в 1891 году известными в охотничьем мире России петербургскими охотниками, такими, как, например, Великий князь Николай Николаевич Младший, Д. К. Нарышкин и др. Это было чисто элитарное общество, объединившее самых титулованных охотников России. Состав его был не-

многочисленным (для вступления в Общество требовалось согласие всех его членов), поэтому их число к 1917 году не превышало и 13 человек. Общество арендовало в районе села Звад на юге Ильменя, в дельте рек Ловать и Верготь, около 20 тысяч гектар для охоты на водоплавающую и болотную дичь, которой здешние места были весьма богаты. Но коронной охотой, ради которой и организовывалось само Общество Звадской охоты, была весенняя охота на пролетных гусей. Очарование этой охоты для Николая Михайловича оказалось столь велико, что с момента своего вступления в Общество и вплоть до 1917 года он бывал здесь каждую весну, всякий раз проводя на этой охоте от двух до четырех недель. К этому факту нечего добавить. Он показателен уже сам по себе. Но мало того, эмоциональные впечатления оказались столь ярки и сильны, что даже подвигли Великого князя на написание книги, посвященной весенней охоте на гусей. Чтобы не быть голословным, позвольте себе процитировать Великого князя, хотя прошу извинения перед читателем за некоторую передержку. Дело в том, что я взял строки из разных мест книги и соединил их произвольно. Но они очень коротко и как нельзя точно передают настроение и отношение Николая Михайловича к этой охоте. «...Сама охота на гусей оказалась в высшей мере завлекательной, но производство ее довольно трудным, так как совпадало как раз с весенным разливом и ледоходом рек... Пока я на Зваде один и блаженствую, хотя досадно, что условия природы столь неблагоприятны... Опять метель. Надо сидеть и тосковать дома. Что же делать! На охоте надо уметь подчиняться кризисам природы, а также терпеливо ждать, когда вся обстановка позволит снова увлечься лю-

бимой дичью... Малое количество дичи и непривлекательная погода удерживают, вероятно, других охотников в столице, особенно тех, которые любят уничтожать гусей десятками... Но на все вкусы не угодишь, а я люблю всю обстановку охоты, да еще больше полное приволье и возможность на свободе наблюдать за пернатым царством... Как заметил я наших чудных пернатых, сердце так и забилось,— уж больно любы мне эти красавцы... Немного погодя стали слышны гусиные напевы: «га-га», «га-га», которые так любы каждому из нас, находящих наслаждение в этой редкой по впечатлениям охоте... Говор же гусиный, столь характерный, то увеличивался, то уменьшался, но как приятно охотничьему уху слушать этот особенный, ни с чем не сравнимый концерт пернатых. Когда стоит говор и, смотря от направления ветра, делается особенно звучным, то кажется вот-вот вся эта масса тронется на вас, и сердце начинает сжиматься от приятного ожидания... Может быть, это покажется глупым, но трудно описать испытуемое наслаждение застрелить и убить первого гуся в весенний сезон! В эти минуты все забываешь: и трудность передвижений, и дурную дорогу, и непогоду, словом, все невзгоды жизни, а предаешься исключительно прелестям этой поистине волшебной охоты...»

Замысел книги родился у Николая Михайловича на охоте весной 1914 года. Уже в мае этого года, вернувшись с охоты, он передал Экспедицию заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ) фотографии, сделанные на охоте, с тем чтобы Экспедиция изготавлила по ним фототипии для будущей книги, которую он планировал написать позднее. Но, вероятно, начавшаяся война помешала быстрому осуществлению замысла. Текст был го-

тов только в сентябре 1916 года, и Николай Михайлович возобновил заказ на написание книги в ЭЗГБ. Необходимо заметить, что типография и специалисты Экспедиции были лучшими в России. И хотя издание книг не было профильным для ЭЗГБ, тем не менее самые роскошные русские книги были изданы именно этой типографией. Достаточно сказать, что именно ЭЗГБ издала самую знаменитую из всех русских охотничих книг — четырехтомник Н. И. Кутепова «Великокняжеская, Царская и Императорская охота на Руси» (Спб., 1896—1912) — шедевр полиграфического и переплетного искусства. Вот и Николай Михайлович, обдумывая замысел своей книги и написав ее «для друзей по гусиному спорту», решил сделать им поистине великолепный подарок. Книга оформлена в виде альбома размером 27 см в длину и 20 см в высоту, что вообще совершенно необычно для русской охотничьей литературы; текст отпечатан на плотной мелованной бумаге и снабжен 26 фототипиями высокого качества на отдельных листах и одной картой места охоты. Книга издана в количестве 500 нумерованных экземпляров.

В дореволюционной русской охотничьей литературе было еще только два нумерованных издания. Это уже выше упомянутый четырехтомник Кутепова, изданный в количестве 400 нумерованных экземпляров в маркенновом с серебряными углами переплете и 500 ненумерованных в аналогичном по оформлению, но частью в полукожаном, частью в бумажном переплете с отметкой на титуле первого тома «Издание второе». А также часть из ненумерованных экземпляров (к сожалению, неизвестно какая) издана на французском языке. И второе нумерованное издание — это не менее знаменитая книга очерков князя А. А. Ширинского-Шихматова «По медвежьим следам», изданная в количестве 100 нумерованных и 400 ненумерованных экземпляров (Спб., 1900).

Первоначально Николай Михайлович планировал издать свою книгу в 200 нумерованных экземплярах с 32 фототипиями под названием «Исследования по охоте на диких гусей». Но затем изменил название на «Наблюдения по охоте на диких гусей», под которым она и вышла, уменьшил число фототипий и увеличил число экземпляров до 500. Общие затраты на издание составили 4000 рублей, то есть себестоимость одного экземпляра оказалась 8 рублей, что даже и в 1916 году относило книгу к разряду очень дорогих. Но она не предназначалась для продажи, она была для друзей. «Ваше Высочество и дорогой мой покровитель — писал известный русский натуралист С. Н. Алфераки. — Я был вчера чрезвычайно обрадован и глубоко тронут Вашим добрым ко мне вниманием. Я ужас-

Охотничий дом Великого князя Николая Михайловича в деревне Звад у Ильменского озера.

но рад тому, что Вы не забыли столь искренне преданного Вам и любящего Вас старика! Понятно, я сейчас же приступил к чтению Ваших «Наблюдений» и, увы! Скоро дошел до конца книги... а хотелось бы читать еще и еще!»

Книга вышла в июне 1917 года. Судя по тому, что в библиотеке Академии наук в Петербурге имеется экземпляр под номером 495, можно предположить, что Великий князь успел раздать все экземпляры своей книги, так как, будучи членом академии, он обязательно посыпал в ее библиотеку каждый экземпляр своих изданий*. К сожалению, в архиве Николая Михайловича не сохранилось списка: кому и какой номер был поднесен, если, конечно, вообще существовал такой список. Известно только то, что экземпляр под номером 27 был подарен автору «Русской охотничьей библиотеки» Н. Ю. Анофриеву. О чем он и сообщил в единственной появившейся рецензии на эту книгу в журнале «Охотничий вестник» (1917, № 13/14, 15—31 июля).

Размышляя над судьбой этой кни-

* В Русской национальной библиотеке (бывшей Императорской публичной) имеется экземпляр под номером 496 с отметкой на титульном листе о поступлении в библиотеку — 1917.

ги, невольно приходишь к мысли о ее символическом значении в истории русской охотничьей литературы. В самом деле. Начавшись с «Охотничих писем» Государя и Великого князя Алексея Михайловича и «Урядника Сокольничья пути», если и не им самим написанного, то по его мысли и начертанию, русская охотничья литература после более чем 250-летнего периода своего развития блестяще завершилась книгой одного из его потомков. Дальше была уже другая литература. И хотя она многое взяла у предшествующей, разрыв был все же очень разителен.

Судьба Великого князя, как и большинства членов императорской фамилии, была трагична. Почти сразу после октябрьского переворота он был арестован и в конце января 1919 года расстрелян в Петропавловской крепости. На прошение Академии наук об освобождении Николая Михайловича Ильич цинично бросил: «Революции историки не нужны». Необходимо добавить, что Великий князь дер-

жался мужественно и смерть принял достойно. До расстрела он содержался в знаменитой тюрьме предварительного заключения на Шпалерной. Режим в 1918 году был еще довольно мягким и днем двери камер были открыты, можно было общаться друг с другом и гулять во дворе. Один из видевших Николая Михайловича в тюрьме позднее вспоминал, как его поразило, что он был спокоен, говорил больше всего об охоте и своей книге. А мне подумалось: «Бог ты мой! Да о чем же еще может думать и говорить страстный охотник, когда весной, в апреле, с приходом теплых хмурых дней и свежих, напоенных морской влагой, не всегда ласковых ветров с Балтики, над Питером, как было десятки лет до тебя и будет десятки лет после, низко поплынут, станица за станицей, вольные свободные птицы, донесется ни с чем не сравнимый гусиный говор; и, выйдя во двор, можно видеть эту сказочную сладкую картину, от которой все замирает внутри, а душа рвется вон на простор разливов любимой Звады. И как особенно остро воспринимается это торжество вечной жизни, когда ты понимаешь, что, возможно, видишь это в последний раз».

* Датируемый 1635 годом «Регул Псовой охоты» Фонлессина, по всей видимости, является более поздним произведением. И хотя мне пока не удалось собрать достаточных доказательств, но, по моему мнению, это произведение вообще относится к началу XVIII века. А его более ранняя датировка является не более чем мистификацией.

Трофеи гусиной и утиной охоты.

НОВОСИБИРСКИЙ ПИТОМНИК ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ЛАЕК

Новосибирское опытно-охотничье хозяйство (питомник западносибирской лайки) организовано 8 апреля 1959 г. в целях сохранения и размножения этой ценной охотничьей породы и снабжения щенками охотников промысловых хозяйств. В настоящее время основное поголовье насчитывает 130 собак: 100 сук и 30 кобелей. Подбирая маточное поголовье, собак завозили из промысловых районов, проводили жесткий отбор молодняка по линиям и семействам. Профессиональные знания и опыт по разведению, кормлению, содержанию собак, зооветеринарные мероприятия, проводимые в срок, принесли нам желаемый успех. Хозяйство ежегодно проводит выставки и выводки, участвует на областных выставках.

Полевая работа с собаками по пушному зверьку, боровой дичи, водоплавающей птице и копытному зверю проходит в прописных угодьях. Кроме этого, мы ежегодно выезжаем с собаками в таежные регионы. У нас есть станции притравки и испытаний по подсадному медведю.

Руководит питомником Геннадий Николаевич Казаков. Неоценимую помощь долгие годы оказывает нам эксперт-кинолог Павел Иванович Плешаков.

До 1989 г. реализация щенков происходила строго по госпромхозам. Ежегодно реализовывали 350—400 щенков. Таким образом была проделана огромная работа по укреплению

Амур — один из производителей питомника.

охотничье-промышленной базы универсальными чистопородными собаками.

С 1989 г. хозяйство перешло на хозрасчет, и с того времени реализация стала доступна обществам, клубам и отдельным охотникам-любителям. В настоящее время коллектив делает все необходимое, чтобы сохранить уникальный питомник.

Стоимость щенков колеблется от 8 тыс. руб. и выше в зависимости от возраста и классности родителей.

Порядок приобретения щенков через письмо-заявку, на которое будет дан вызов.

Наш адрес: 633116 Новосибирская обл. с. Кубовая, Новосибирское опытно-охотничье хозяйство.

Проезд: из г. Новосибирска авт. 119 от автовокзала до с. Кубовая, 3 рейса в день: 7³⁰, 13, 17¹⁰

Н. БАЛТАЛАЕВ,
охотовед НООХ

КУЛИКИ

КУЛИКИ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

АВДОТКА. Кулик средних размеров (длина ее тела около 40 см), в песочно-сером оперении, с большой головой, большими глазами и коротким клювом. Ведет ночной образ жизни, крик ее громкий, передается как «тир-ли-и», или «тат-ли-у». Обитает она в степях юго-востока европейской части и на северо-западе Казахстана. Как редкий и быстро сокращающийся в числе вид, включена в Красные книги России и Казахстана.

КРЕЧЕТКА. Кулик величиной с чибиса (длина тела около 30 см), но более стройного телосложения. Темя и живот у птицы черные, «брови» белые, остальное оперение буровато-серое. Она подвижна, криклива, голос ее — часто повторяющее «кречь-кречь». Гнездится в степях европейской части, Юга Западной Сибири и в Казахстане. Хотя кое-где она и обычна, как быстро сокращающийся в численности вид. Кречетка включена в Красные книги России и Казахстана.

ХОДУЛОЧНИК. Кулик средних размеров (длина тела около 35 см), в контрастном черном (сверху) и белом (снизу) оперении, у самца — более ярким, чем у самки. Клюв у него

тонкий, прямой, черный; ноги очень длинные, красные. При беспокойстве птиц крик их напоминает тявканье собаки. Обитает, преимущественно, по степным водоемам, обычно гнездится колониями. Распространен на юге европейской части, местами — в Приморье, а также на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии. Как редкий вид, имеющий тенденцию к снижению, включен в Красную книгу России.

ШИЛОКЛЮВКА. Крупный кулик (длина тела около 45 см), в основном с белым оперением, верх головы, плечи и маховые перья черные. Клюв длинный, тонкий, бурый, на конце сильно изогнут вверх. Ноги длинные, голубовато-серые. Птицы часто заходят в воду, хорошо плавают. При тревоге издают громкий свист, передающийся как «тюйт-тыйт-тыйт». Обитает, преимущественно, по степным, соленым озерам. Птица распространена на юге европейской части, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Как редкий периферийный вид, имеющий тенденцию к сокращению численности, включена в Красную книгу России.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

См. также 4-ю стр. обложки

Вологодская областная научная библиотека

ОХРАНА ПРИРОДЫ В ИЗРАИЛЕ

Ю. ФЕЙГИН

Глобальный характер современных проблем охраны природы не исключает того, что в некоторых районах планеты эти проблемы наиболее остры. Весьма актуальны экологические проблемы и для Израиля.

Следует отметить, что идеи охраны природы, сохранения зверей и птиц находят свое отражение в священных текстах, где говорится об ответственности, которую несут люди за сохранение животных. Эта мысль красной нитью проходит через всю историю об одном из библейских героев — Ное, где говорится, что из всех живых существ, сделанных из пласти, двух «ты (то есть Ной) обязан взять с собой, а главное — сохранить им жизнь». Поведение Ноя, говоря современным языком, может служить образцом экологической этики: «В течение двенадцати месяцев Ной и его сыновья не спали, они должны были кормить животных: зверей и птицы».

Органы государственной власти и управления, а также многочисленные общественные организации придают решению экологических проблем важное значение. Большое внимание уделяется сохранению редких растений и животных. Весьма эффективным оказалось правовое обеспечение охраны дикорастущих цветов, которым грозило полное исчезновение.

На государственном уровне принимаются программы, частности программа «За чистый Израиль». В соответствии с этой программой муниципальные органы власти и школы ведут разъяснительную работу, направленную на борьбу с отходами; организуются молодежные клубы, деятельность которых носит ярко выраженный природоохранный характер.

Географическим положением Израиля и необычайным разнообразием климатических зон объясняется и разнообразие флоры и фауны, которые могут считаться одними из самых богатых в мире. Здесь встречаются более 150 видов млекопитающих и пресмыкающихся, 400 видов птиц как местных, так и перелетных и около 2500 видов растений, 150 из них произрастают только в Израиле. Самыми старыми деревьями в стране принято считать оливковые деревья Гефсиманского сада на Масличной горе в Иерусалиме. Предполагают, что они растут

здесь со временем Второго храма, то есть около двух тысяч лет.

Для сохранения разнообразия животного и растительного мира в стране принимаются различные меры. Особое внимание обращается на пернатых. Ведутся учеты численности, наблюдения за миграциями хищных птиц и других представителей мира пернатых, проводятся многочисленные исследования. Хищные птицы — в Израиле их называют «царями небес» — пролетают над территорией страны два раза в год. Птиц привлекают теплые потоки воздуха над землей. Кроме того, пролетая над территорией Израиля, они избегают сложных перелетов над акваторией моря.

Тысячи орнитологов-любителей собираются в тех местах, где пролегают миграционные пути пернатых. Многие из них приезжают в Эйлат (самая южная точка страны) и ведут наблюдения за перелетами птиц. По мнению специалистов, Израиль превращается в один из наиболее признанных международных центров наблюдения за птицами.

Интересно отметить, что Израильский центр наблюдения за хищными птицами очень тесно сотрудничает с Воздушными силами страны. Изучение экологии и биологии пернатых, в частности миграционных путей, зачастую финансируется Службой авиации, заинтересованной в уменьшении несчастных случаев, вызванных столкновениями самолетов и птиц.

Некоторые из пернатых привлекают особое внимание ученых. К ним относится, в частности, египетский стервятник. Орнитологи из Тель-авивского университета, Общество охраны природы Израиля и Израильский центр наблюдения за хищными птицами изучают особенности поведения этих птиц.

Установлено, что большинство стервятников пытаются падалью. В современном мире падали, так необходимой для стервятников, становится все меньше. Все меньше гибнет домашних животных, так как с каждым годом совершенствуется ветеринарная помощь. Кроме того, туши погибших зверей часто уничтожаются по гигиеническим соображениям. В связи с уменьшением запасов пищи падает численность стервятников.

В последние годы был накоплен

большой объем информации о состоянии египетского стервятника в Израиле, в частности о путях его миграции. Установлено, в частности, что в период с февраля по сентябрь египетские стервятники находятся в Израиле. Период размножения на юге Израиля приходится на март и август, а на север — апрель — март.

Случается, что отдельные особи наблюдаются зимой в Израиле, но в целом египетский стервятник — мигрант. Перемещения египетского стервятника определяются наличием или отсутствием корма. Этую птицу, называемую в Израиле «курицей фараона», часто встречают вблизи поселений людей. Особой привлекательностью птица не отличается. Не брезгует она и свалками. Вблизи домов она питается отбросами, гниющими фруктами и овощами. Скотоводы свидетельствуют, что вблизи поселений людей стервятники питаются навозом. Это замечено в Африке, и в Израиле, на Голанских Высотах.

Орнитологи установили, что в пустыне Негев большинство египетских стервятников собирались в местах кормежки животных. Судя по всему, они отдавали предпочтение именно этим местам, а не свалкам и курятникам, расположенным вблизи поселков.

Исследования показали, что рацион их состоял преимущественно из костей и мяса крупных млекопитающих и рептилий. Питались они также и мелкими млекопитающими как живыми, так и мертвыми. В этом смысле можно считать египетского стервятника уникальной птицей, способной приспособиться к самым различным кормам. Объектом их охотничьей деятельности могут быть и хищники, правда, в меру сильные и не слишком проворные.

Стервятники преодолевают расстояние примерно в 15 км в поисках ящериц, которые также составляют немаловажную часть их рациона. На горе Кармель и Голанских Высотах в гнездах египетских стервятников обнаружены остатки слепышовых крыс.

Применяются меры по изучению и сохранению ястребиного орла. Ястребиный орел — один из самых величественных пернатых хищников в Израиле. Некогда ареал этой птицы был весьма обширен. Известно, что еще в начале 50-х годов 32 пары обитали

только в северной части страны. Впоследствии судьба этой птицы сложилась трагически. Использование пестицидов, таллия, а также производных фторокислой кислоты, привело к полному исчезновению этих птиц в Галилее, на горе Голбоа и на горе Кармель.

Спустя несколько лет в той части страны, где не получили развития современные методы развития сельского хозяйства, и в частности не применялись пестициды, обнаружено несколько пар ястребиного орла.

Обнаружение этих пар стимулировало проведение исследований учеными из Тель-Авивского университета и Института охраны природы. Исследователи поставили перед собой цели: определить местонахождение ястребиного орла, гнездящегося на Голанских Высотах, в Самарии и Иудее; изучить динамику популяций этих птиц, их биологию. Исследователями были обнаружены 16 пар на Голанских Высотах, в Самарии, Иудее и в пустыне Негев.

Было установлено, что ястребиные орлы обитают на больших территориях, от 25 до 60 км². Обычно и самец, и самка охраняют свою территорию круглый год. Исключение составляет лишь брачный период, когда самка держится вблизи гнезда, а самец — несколько поодаль. Несмотря на сопредельный характер местообитаний птиц, контакты между соседствующими парами весьма редки.

Ястребиный орел — великолепный

охотник. Это — самый решительный, а подчас агрессивный пернатый хищник. Вес его добычи зачастую превышает вдвое вес самого охотника. Охотятся птицы преимущественно в утренние и послеобеденные часы или в сумерках.

Для спасения ястребиного орла и для увеличения его численности предлагаются следующие меры. Следует прекратить тактические занятия войск вблизи гнездовых ястребиного орла; фотографы, наблюдатели за птицами и просто любители природы не должны беспокоить пернатых. Наконец, планируется выпуск птиц в места их прежних местообитаний — в Галилее и Иудее.

Принимаются меры не только по сохранению пернатых. Обращается внимание на состояние других компонентов животного мира. В частности, среди ученых и общественных деятелей в области охраны природы Израиля обсуждается вопрос о том, нуждаются ли в подкормке дикие звери. Большинство исследователей высказываются в пользу создания специальных «пунктов», где бы собирались дикие звери и получали дополнительный корм.

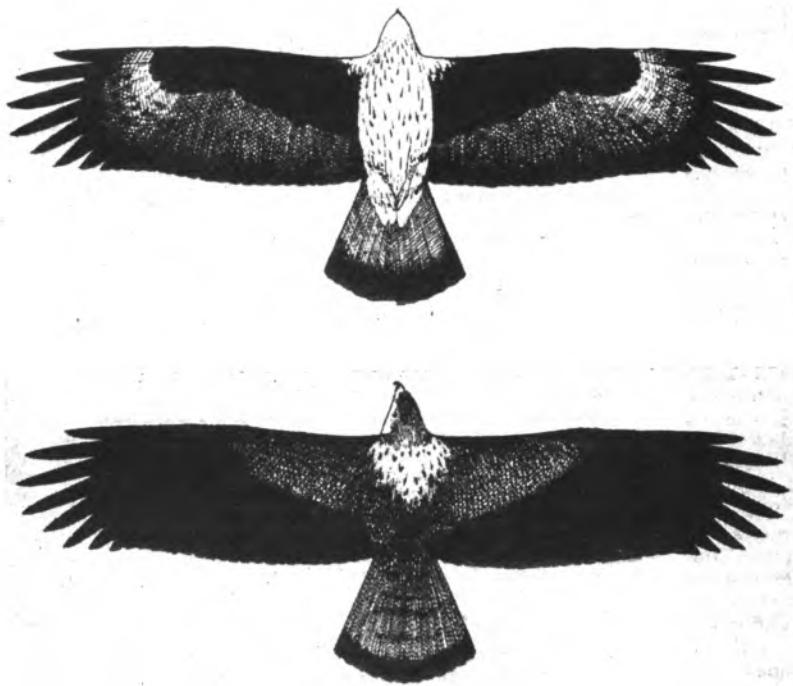
Некоторые животные, считавшиеся исчезнувшими, вновь заявили о себе на территории Израиля. Так, на юге Синай обнаружены следы леопарда, некогда весьма распространенного здесь. Кабаны долгие годы не встречались вблизи порта Ашдод. Однако в последние

годы около порта, на территории природного резервата, были обнаружены следы кабанов. Вблизи кибуца* Ган Шемуз снова появилась змееешка. Некогда многочисленная в водно-болотных угодьях Израиля, эта птица исчезла на долгие годы, что было вызвано осушением болот в Сирии, где находились ее гнездовья.

И в заключение несколько слов об Обществе охраны природы. Это — добровольная организация, созданная в 1953 году. Ее главная задача — воспитание населения, направленное на охрану животного и растительного мира и на поддержание на должном уровне качества окружающей среды. В Израиле эта организация тесно сотрудничает с такими государственными структурами, как Управление природными резервами, Управление национальными парками и Службой охраны окружающей среды.

Одной из форм деятельности Общества охраны природы является организация семинаров для молодежи по вопросам охраны природы. Это Общество выступает с законодательными инициативами и возбуждает иски в случае нанесения ущерба природным и историческим ценностям. Общество охраны природы находится на переднем плане борьбы за поддержание экологического равновесия в природе, за сохранение природного и исторического наследия нации.

* Кибук — сельскохозяйственное поселение.

Египетский стервятник.

Ястребиный орел.

КАКОЕ РУЖЬЕ МНЕ НУЖНО...

НУ, ЗАЙЦЫ,
ПОГОДИТЕ!

ВСЕ МЕНЬШЕ СТЕПНЫХ ОРЛОВ

Родился и вырос я в глухой деревушке — пять домов в верховых Вычегды. Там — все охотники. Стояла деревенька на берегу маленького озера, так что весной и осенью уток стрелять можно было с предбанника. Ружьишко у меня было отцовское, одностволка 20-го калибра, а боеприпасами дед снабдил. Он же научил патроны снаряжать и стрелять. Только недавно из журнала «Охота...» узнал, что марка того ружья — ИЖ-5. Долго оно мне служило, хотя ствол был весь в раковинах и вместо бойка гвоздь вставлена.

В году 55-м, на день рождения дед купил мне новое ружье, одностволку 28-го калибра. Оно похоже на ИЖ-17, только ствол не хромированный. Никудышное оказалось ружье. Рябков метров за 20 сшибал, на морскую утку или глухаря лучше было и не поднимать его. Выменял на старенькую берданку 32-го калибра и не продешевил. Была она исключительно резко и кучно. Но поохотился с ней недолго. На глухарином току ночевал у костра и случайно уронил ружье стволом в костер. Ствол, видать, накалился и загнулся. За 20 шагов стал быть на полметра вверх, при этом дробь не пробивала фанеру.

В 1957 г. я закончил 10 классов сельской школы и вплотную занялся охотой. В милиции вымогли разрешение на малопульку ТОЗ-16. Разрешения давали только промысловикам и спортсменам с 1-м разрядом, а у меня был только третий. Но, видно, начальник вспомнил, что весь наш род — охотники, и разрешение выдал. Деньги на покупку ружья я сам заработал, за лето вычистил от топляков небольшую сплавную речку. Помос. Винтовка стоила 190 рублей старыми деньгами.

Всего два сезона поохотился с той винтовкой, и на службу

забрали. Цены ей не было: на 25 метров стоя с руки пуля в пулью клял. Стрелял в лезвие топора и разваливал пульку пополам.

После службы женился и обосновался в г. Каргополе. Первым делом приобрел новое ружье ТОЗ-БМ-16. Сильно оно мне нравилось, не понимаю, по какой причине сняли его с производства. Достаточно было хромировать стволы — и хоть на мировой рынок! Позже купил ТОЗ-63 — тяжелое и неуклюжее.

Затем появились дешевые и красивые ружья ИЖ-26 12-го калибра. Позарился, купил. В первую же осень лопнул боец правого ствола. Насилу отремонтировали. Затем треснуло цевье. Обмотал проволокой и изолентой. Но тут новая беда. На второй сезон появился люфт. Сдал я ИЖ-26 в милицию — подальше от греха. Опять взялся за ТОЗ-БМ-16. До сих пор служит мне это ружье.

Неплохо было бы организовать выпуск магазинных одностволок типа берданки, да где там, при нынешней неразберихе...

М. УЛЯШОВ
г. Каргополь

— Вот Вам охотничий билет, Машенька, прошу принять членский взнос на 1993 год.

— Нет, не приму.
— Как так, что же мне теперь в браконьерахходить?

— А вот так! Не знаем еще, сколько брать.

— Когда же будет известно?

— В области определяют. Так или примерно так разговаривают в охотобществах Свердловской области. Наступил март месяц.

— Здравствуйте, Машенька, теперь-то примете взносы?

— Приму, милый, теперь приму.

— Сколько отсчитать?

— Две с половиной.

— Как это понимать, сотни,

что ли?

— Тысячи я имела в виду, две с половиной тысячи.

— Что-о-о?

Это что же, полпенсии отдать? А жить на что? Интересно, как теперь у сибиряков, надо бы запросить.

Ответ получен. Красноярские охотники пишут, что они платят по 505 рублей. Охотятся только на зайцев, петлями. А при чем тут зайцы? Не иначе, как к зачальчому хвосту привязали нынче взносы. И верно, на кого еще охотиться и у нас на Урале, да и в Сибири, где после вырубки лесов не стало ни боровой дичи, ни белки, ни соболя. И почему петлями орудуют — тоже понятно. У них ведь одни лайки были, а гончих еще не успели завести.

Только вот заяц зайцу оказывается рознь. Наш уральский заяц, взращенный на драгоценных камнях, выходит, в пять раз дороже сибирского. Но не будем унывать. Сообразим у себя какую-нибудь ассоциацию или акционерное общество охотников-зайчатников со своим зайцебанком. Наладим регулярные рейсы за границу. Туда — нашу зайчатину в собственном соку, оттуда — ветчину, колбаску, сыр, одним словом, все, что там давно уже привылось. Так что, кто еще раздумывает, не трусьте, вступайте в Общество охотников и рыболовов. Какие-то там несколько тысяч взносов — это же барабан чихнул в сравнении с грядущим.

Время стремительно, и, когда мое письмо будет опубликовано, членские взносы могут увеличиться еще в несколько раз. Что же нам делать?

М. М. КОРОЛЕВ
Свердловская обл.

Здравствуйте, дорогие работники журнала «Охота и охотниче хозяйство»! Я очень люблю наш журнал и много раз печатался на его страницах. Сколько уже было говорено о гибели степных орлов, особенно в наших приволжских степях! А тем временем их остается все меньше и меньше. Такое впечатление, что никого не волнует возможность даже полного их исчезновения. А это может произойти в ближайшие два-три года.

В. А. ЛОПУШКОВ
Вологодская обл.

и выше. Вот я подхватил полы фуфайки и тяну их вверх, слышу, как полошется в воде патронташ — он был под фуфайкой. Когда ухватился за борт лодки, вода была уже по грудь. Вернувшись на островок, обнаружил крупный сухостойный можжевельник. Быстро нарубил дров и разжег костер. К счастью, в лодке были ватные штаны и шубная жилетка. Разделись догола и обленился в них. Пока сушился, обдумал все произошедшее.

Если бы я не догнал лодку, осталось бы единственное — бежать по гривке, которая начиналась недалеко от меня и тянулась к ближайшей деревне Шаровицы, находящейся в полукилометре. Но гривка — одно название, она была в основном скрыта водой и угдывалась местами — по траве, а около деревни обрывалась низиной, через которую пришлось бы пробираться вброд или вплавь при сильном боковом течении. К тому же неизвестно, что меня ждало в деревне, так как там живут только дачники. Их могло еще и не быть.

Оценивая ситуацию, я благодарил судьбу, что так легко отдался — всего лишь наスマрком. В ту пору на берегах в оврагах еще был снег, да и мне в 66 лет любительской охоты бывало всякое, но такое впервые. Судите сами, во что может обойтись ротозейство. А всего-то нужно было якорь переложить из лодки на землю, когда подъехал к островку.

А. ШАНЬГИН
г. Печора

Здравствуйте, дорогая редакция! Пишу вам пенсионеры. У нас есть магазин «Охотник», но там почему-то продают консервы, чай, кофе, лимоны и т. д. Одним словом, не магазин «Охотник», а магазин «Продукты». В соседних районах в охотничьих магазинах кое-что купить можно, но там нам говорят: «Вы — чужие, отоваривайтесь в своем магазине».

А что нам брать в своем чай вместо пороха, а косточки из лимонов вместо дроби? Мы платим взносы 2,5 тыс. руб., а охота у нас открыта всего два месяца. А на зайцев вообще закрыта, охотовед заявил, что нет у нас этих зверей. Но это не так, мы их не только в лесу, но даже в своем поселке часто видим.

Коллектив авторов
Свердловская обл.

Добрый день, уважаемая редакция! Я охочусь уже 55 лет. За это время имел дело с разными марками ружей. Еще в 1965 г. приобрел полуавтомат МЦ-21-12 № 650131 и уже более 25 лет не расстаюсь с ним. За это время пришлось поохотиться в различных зонах бывшего СССР, и никогда ружье это меня не подводило, работало безотказно. Главное — тщательный уход за ним.

Хотелось бы через журнал «Охота и охотниче хозяйство» выразить благодарность людям, которые создавали это ружье.

В. В. БОРЖАКОВ
Кировоградская обл.

Дорогая редакция! Очень прошу вас помочь мне! Дело в том, что я хочу стать промысловиком, а куда обратиться, не знаю. Хотелось бы в места, которые меньше всего задеты цивилизацией. Небольшой таежный опыт у меня есть, так как основное время года нахожусь в лесу, работаю на подсочке.

Может, откликнется кто-нибудь на это письмо, ведь с тающим веселее начинать. Или напишет промысловик, который поможет разрешить мне эту проблему, захотим обрасти друга. Очень прошу, отнеситесь к этому серьезно. Мой адрес: 165673, Архангельская обл., Вологодский р-н, с. Никольское, Юбилейная-4, кв. 2. Завалину Александру Павловичу.

В журнале № 1 за 1993 г. с большим интересом прочитал письмо кандидата биологических наук П. Григорьева о заготовке пушнины в России. Очень одобряю его предложение о возрождении у нас производства птичьего меха. Он также пишет, что заготовка пушнины стране из года в год падает. Должен заметить, что это слишком мягко сказано, так как дело дошло уже до полного раз渲ла. Здесь царствуют «черный рынок», мафия, спекуляция. Добытчики пушнины находятся в условиях полнейшей бесконтрольности.

Лично я по окончании сезона охоты хотел сдать свою пушину в Ногинскую заготконтролю — 50 шкурок белки. Приемщик сказал, что согласно прейскуранту может и принять в среднем по 60 рублей. В разговоре с ним выяснилось, что никто ему еще не сдал ни одной шкурки из-за очень

низкой цены, которая даже не компенсирует всех расходов, связанных с добычей зверьков.

Зато «бизнесмены» постоянно рыщут в поисках добытчиков. Ко мне дважды приходили на квартиру — просили отдать им шкурки по 125 рублей. Но не мог я изменить своему принципу сдавать пушину только в заготконтролю. Вежливо отказал представителям «черного рынка» в надежде, что поступят новые прейскуранты с нормальными заготовительными ценами.

Вызывает возмущение и тот факт, что заготконтроли не принимают шкуры лоси, оленя, кабана. Это ценное сырье просто выбрасывают. Хоть бы кто из коммерческих деятелей освоил технологию обработки этих шкур — сам бы озолотился, и обществу была бы польза. Во времена царствования Петра I в г. Лосино-Петровске (Щелковский район) были заводы-мастерские по переработке лосиных шкур, из них шили солдатам брюки, армейское снаряжение — ремни, патронтиши, ранцы, седла для коней. А мы в век атомной энергетики умеем все только в нахв превращать. Мне кажется, есть о чем подумать и МОИР, и Росохотрыболовскузу.

А. МЕЛЬНИКОВ
Московская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Журнал «Охота и охотниче хозяйство» я выписываю еще со школы. Уже в то время он стал для нас семейным журналом. Каждый член семьи находил в нем что-то свое, интересное и полезное, даже моя бабушка.

Увлечение охотой было для меня настолько серьезно, что стало профессией. Отслужив в армии, я поступил в Иркутский пушно-меховой техникум, а затем — в Иркутский сельхозинститут на отделение охотоведения.

Вся моя трудовая деятельность была связана с охраной природы, изучением охотниче-промышленной фауны. Работал лаборантом в Биологическом институте СОАН, егерем в Ханты-Мансийском госпромхозе, охотоведом в окргосохотинспекции. Но всегда тянуло домой, в Киргизию. Специалистов моего профиля здесь было мало. Устроился работать МНС во вновь созданный Нарынский заповедник и вот уже восемь лет занимаюсь изучением Внутреннего Тянь-Шаня.

И все бы ничего, да перестал существовать Союз. И попали мы из «представителей величайшего русского народа» (так мне очень часто здесь говорили) в национальное меньшинство.

Мои знания, опыт стали не нужны. Пройдя путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по науке, я оказался не у дел. Вот и решил обратиться к старому добруму другу — журналу «Охота и охотниче хозяйство» — с просьбой помочь мне найти работу по специальности в России.

Можно, конечно, податься и в сельское хозяйство, и на стройку, или еще куда-нибудь, но уж очень я люблю свою профессию. Согласен на работу в зверохозяйстве, мараловодческом хозяйстве. Друзья, охотники, помогите! Мой адрес: 722600, Киргизстан, г. Нарын, ул. Мусурмакулова, д. 6. Осадчому Константину Петровичу.

Уважаемая редакция! Если вы заинтересованы в своих квалифицированных кадрах, дайте мне, пожалуйста, направление на учебу. Адрес: 162900, Вологодская обл., г. Вытегра, ул. Ленина, 88, кв. 15. А. В. Исакову.

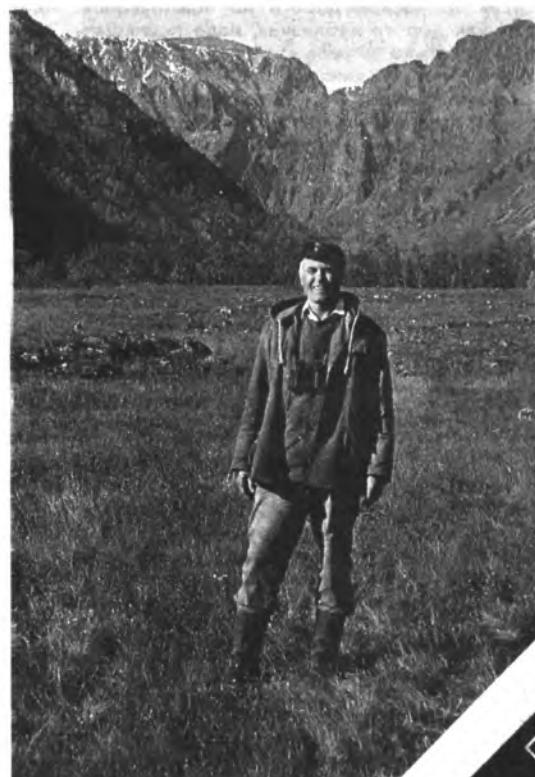
Уважаемая редакция! С интересом прочитал статью В. Животченко «Родная земля удейцев» (№ 7—8 за 1992 г.), где рассказывается о В. С. Храмцове. Сам я когда-то работал егерем, лесником. Хотелось бы сказать несколько теплых слов в адрес Василия Сергеевича. Он — честный, чистый, преданный своему делу человек. О последних событиях с ним многие знают и сочувствуют всей душой. Как у него сердце болит о заповеднике, сколько он браконьеров переловил! Про таких говорят, что на них земля держится. Ему давно уже пора дать «Героя». Я уверен, что он это заслужил.

В. Е. МАКАРОВ
г. Владивосток

Дорогая редакция! Мне 16,5 лет, я учусь в 11-м классе. Учусь хорошо и хотел бы после окончания школы поступить в Санкт-Петербургскую лесотехническую академию. Очень хочу иметь специальность, связанную с лесом. Люблю охоту. Поэтому прошу в вашем журнале дать мое обращение к представите-

здоровья на долгие годы, творческих находок и неиссякаемой энергии в пропаганде охраны природы.

Редакция журнала присоединяется к поздравлению.

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

ШЕСТИНОГАЯ ЛОШАДЬ

Сейчас уже и не помню, с чего это нам взбрела мысль в конце ноября порыбачить на Долгой ламбе. Может потому, что еще летом я расписывал своим друзьям прелести этого озера. И зовут-то его Долгой ламбой потому, что лежит оно в узком ущелье. По его берегам есть и болотинки, и отвесные скалы, поросшие молодыми соснами. Садись на каменный уступ и закидывай удочку себе под ноги. А окунь там светлый, белобрюхий с ярко-красными плавниками оттого, что вода в озере прозрачная, как в роднике.

Видно, запали в душу мои рассказы приятелям. «Покажи нам Долгую ламбу», — приставали они. Ну, а когда собрались, лето пролетело и уже первый снег на землю лег.

На автобусе доехали до Кончозера и сразу к тете Шуре Моисеевой спросить лопату да червей накопать.

— Пока чаю не попьете, не дам лопаты, — строго предупредила тетя Шура. Она всегда говорила нарочито строго, хотя в душе была добреим человеком. Но приятели не знали об этом, послушно уселись за стол и принялись потягивать из блюдец обжигающий самоварный чай.

А потом выскочили за огород, разгребли снег и начали перекапывать картофельные грядки. Земля была еще совсем мягкой и влажной. Черви будто ждали оттепели и не торопились уползать в глубину. Тетя Шура вышла на крыльцо и, глядя на наше старанье, сказала: «Таких работников мне бы весной Бог послал. В одночасье бы с картошкой управлялась».

Да, тогда мы были молодыми и горячими. Нам ничего не стоило перелопатить весь огород и сбегать за семь верст на Долгую ламбу...

И вот уже мы втроем — Леня, Евгеша и я — печатаем следы на снегу по лесной дороге на Мартнаволок. Идем ходко, потому как дорога неблизкая, надо поспешать. Запарились сразу, как только за село вышли. А я еще ружье прихватил с собой — лишняя тяжесть.

Лесная дорога, что змеилась вдоль Пертозера, вывела нас на край большого поля. Когда-то оно колосилось рожью. Теперь же здесь была самая настоящая луговина, куда гоняли на выпас скотхозное стадо. Поле было ровное, покрытое свежим нетронутым снегом. И тут все разом заметили стаю тетеревов. Птицы сидели на другом краю поля — на старых березах.

— Эх, улетят, — выдохнул Леня. — Вот бы на лошади, обязательно подпустили бы на выстрел. Коров и лошадей они не боятся.

— Ну иди, подкрадывайся, — посоветовал Евгеша.

Черныш-тетерев, сидевший выше остальных птиц и, похоже, самый главный в стае, настороженно вытянул шею и повернул голову в нашу сторону.

— Улетят, — безнадежно проговорил я. — Мы же не лошади.

Сколько времени мы просовещались в кустах на краю поля, я не знаю. Обсевшие березы тетерева успокоились и начали склевывать березовые сережки. Лишь сторожевик так и застыл с вытянутой шеей. Казалось, он соображал: пущу я в ход ружье или одумайся. Метров двести чистого поля отделяли нас от стаи. На таком расстоянии стрелять было беспомощно — дробь не долетит. И тогда я придумал:

— Давай изобразим лошадь, может, подпустят.

— Это как же? — спросил Леня.

— Очень просто, — ответил я. — Приложимся один к другому на спину и тихонько подкраднемся. Один из нас будет мордой, другой — туловищем, а третий — крупом...

Евгеша прыснул со смеху и тут же решил:

— У тебя ружье, вот ты и будешь мордой. Я буду спиной,

а Лене при его сотне килограммов живого веса сам Бог велел быть крупом. Жаль только, что хвоста у него нет. Но ты, Леня, руку опусти и ладошкой помахивай. Отменная лошадь получится!

Я зарядил ружье. Потом мы согнулись в полупоклоне. Евгеша обхватил меня за поясницу и приложил голову к моей спине, а Леня-круп точно так же пристроился на спине Евгеши.

Шестиногая лошадь медленно двинулась из кустов на заснеженное поле.

— Идите в ногу, не семените, — в охотничьем азарте зашептал я-морда, направляясь не прямо к тетеревам, а чуть наискосок.

Похоже, птицы обалдели, увидев диковинную лошадь. Они разом перестали кормиться и неподвижно застыли на своих ветках. А вожак удивленно издал: «Куо!»

А мы между тем продолжали путь: три шага вперед, один в сторону — поближе к тетеревам. В полуогненном состоянии идти было нелегко. Мы сопели, как испорченные насосы. Леня-круп с его тучной фигурой дышал натуженно и звучно. Три — вперед, шаг в сторону. Готовые сорваться с берез, тетерева все, как один, повытаягивали шеи.

— Стреляй, улетят, — просипел Леня.

Я прикинул расстояние до птиц. Было далековато.

— Будешь стрелять, скажи нам «тпру», — проговорил Евгеша и зашелся в хрюпучем смехе.

Хорошо, что никто не видел нас со стороны. Невольного зрителя изрядно позабавили бы наши ужимки и непостижимая «Летка-енька» на снежной целине. Да и вряд ли кто-нибудь мог предположить, что мы изображаем лошадь. На мне был зеленый ватник, на Евгеше — серое бобриковое пальто, а Леня-круп был одет в голубую болоньевую куртку. Нигде в мире не сыщется такой многоцветной лошади. Да и ружье в моих руках торчало, как одинокая оглобля от потерянных саней.

— Стреляй-а-ай! — выдавил Леня, но в ту же секунду стая сорвалась с деревьев и потянула к скалистому бугру, где высился старые сосны. Лошадь распалась на три части. Охота не удалась.

— Нервные какие-то тетерева, — сказал Евгеша. — А может, они сосчитали наши ноги? У лошади-то четыре!

— Надо было стрелять, — заключил Леня. — Может, какой-нибудь дробиной и зацепило бы...

...Рыбы мы в тот день не поймали. Видно, ушли окуни на ямы в глубину. Пришлось испечь в костре картошку, которой нас одарила тетя Шура. Зато мы увидели на берегу Пертозера настояще дерево можжевельника высотой в семь метров. Евгеша не поленился, залез и измерил этот северный кипарис. Посидели у водопада, где лесной ручей срывается со скалы в Пертозеро. И, главное, договорились сбегать на Долгую ламбу летом, уж больно красиво это озеро.

После того похода мы долгое время при встречах в городе приветствовали друг друга:

— Здравствуй, лошадь!

В. ДАНИЛОВ
г. Петрозаводск

СТРАСТЬ ПОБЕДИЛА ОСТОРОЖНОСТЬ

Более сорока лет назад вместе с отцом я впервые побывал на дальних токах в приграничной Владимирской области, славившейся своими борами и обилием дичи. Как часто бывает, первая охота на глухаря на току сложилась неудачно: ночью я заблудился и на токовище не попал. На второй день тучи заволокли небо, стал накрапывать мелкий дождь, опустился туман, сделалось зябко. Однако «охота пуще неволи», и мы остались на вторую зорю. Отец отвел меня на «свое» место, где накануне у него была удача, а сам «ходом» ушел на «мое». До начала тока было около получаса. Дождь шел, не переставая, я прозяб до костей, но, когда, казалось, терпению пришел конец, послышался первый щелчок. Радость быстро сменилась тревогой: прошло пять, десять минут, а глухарь

не запевал. Шум дождя сторожит его, и он долго выслушивает... Наконец глухарь разошелся, и я довольно быстро подошел к нему.

Отец наставлял меня, что в дождливую погоду мошник садится в середину дерева и разглядеть его в кромешной тьме трудно. По звукам я определил сучок, на котором он токовал, и долго разглядывал его. Отчаявшись, я выстрелил почти наугад под песню в самое темное место. Глухарь замолчал. Я замер, напряженно вглядываясь в тьму. И тут заметил, что по соседнему сучку медленно передвигается черная тень. Глухарь! Выстрелил навскидку. Хлопая крыльями, петух упал на снег в пяти-шести метрах от меня. Я подскочил к нему, чтобы взять, однако он взлетел и крыльями меня резанул по лицу. Искры посыпались из глаз, и какое-то время я вообще ничего не видел. Глухарь поднялся и, задевая за сучья, отлетел метров на сто пятьдесят и с грохотом упал на землю. Я продолжал стоять, пока не утихла боль, потом осторожно пошел в направлении падения, прислушиваясь, не токует ли еще... Есть! И как раз в том же направлении. Подходя, я часто останавливался и внимательно осматривал местность — не лежит ли где мой подранок. В какой-то момент мне показалось, что справа от меня мелькнула какая-то тень. Я повернулся — ничего не видно. Впереди, метрах в двадцати пяти-тридцати на снегу что-то чернело. «Пень», — подумал я. Справа опять что-то мелькнуло. Я снова повернулся — ничего подозрительного. Однако я продолжал стоять. А впереди разливалась глухаринная мелодия. И вдруг — опять справа, по снегу между деревьями, замелькала крупная тень, быстро приближаясь к тому самому пню, и набросилась на него. Послышалось хлопанье крыльев. Глухарь! Лисица?... Не мешкая, я выстрелил и опрометью бросился к ним. Когда оставалось метра три-четыре, лисица кинулась наутек... Выстрел — и кумушка распростерлась на снегу.

Мало-помалу я успокоился, положил глухаря в мешок и закинул за спину. Лисицу подвесил на плечо (своя ноша не тянет). Я притащил добычу в деревню Крутец, где мы остановились, чтобы показать отцу и рассказать ему, как все было. Такое случается раз в жизни, да и то далеко не с каждым. Ночным «разбойником» оказался матерый лис. Странь поживиться глухарятинкой победила врожденную осторожность.

С. ЧУМАКОВ,
г. Фрязино

Листая страницы старых изданий

МЕДВЕДЬ-ШАТУН

В конце декабря месяца 1929 г. охотниками из села Ичера, Киренского округа, в таежном промысловом зимовье был найден мертвый медведь-шатун.

Перед смертью медведь-шатун обошел 7 зимовий и разорил их, забравшись в 8 зимовье, медведь помял железную печку, съел с пуд оставшейся в зимовье муки, изгрыз и съел квашенку, в коей замешивалась мука, и после этого улегся под нары, предварительно поставивши оставленную в зимовье одежду, а сверху покрывшись порожними мешками. В таком положении охотники и нашли медведя уже мертвого.

При вскрытии желудка у медведя оказалось, что желудок у него залеплен мукой и наполнен щепками от съеденной квашенки. Щепками кишки у медведя в нескользких местах оказались прорванными.

Охотниками было замечено, что медведь во время пребывания в зимовье мочился в собачье деревянное корытце-кормушку, каковое было им принесено, вероятно, для этой цели снаружи.

КОХАНОВИЧ

Журнал «Охотник и рыбак Сибири» № 5, 1930 г.

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ НА ВЕТКЕ

«С ветки за ней наблюдает голубой песец или задиристая белка»
Из статьи «Тайга без выстрела»

«Представляете, на днях в Подмосковье прямо из-под моих ног «вынырнул» заяц. Большой, в белоснежной новой шубке...

Всем своим видом заяц как будто извинялся за свою раннюю ярко-белую шубку — снегу-то еще было мало...

Без сомнения, это был русак.»

В. Камышев. Газ. «Гудок» от 9 дек. 1992 г.
Пришлал В. И. Немчинов, Челябинск

«Едва ли не самыми опасными зверьми становятся для столичных подземных коммуникаций... кроты. Обитатели окраин давно уже стали замечать грызунов на пустырях и даже во дворах...

Опасность заключается в том, что грызуны активно точат зуб на подземные коммуникации (кабель и т. д.) и вполне могут парализовать их работу.»

«Моск. комсомолец» от 3 апр. 1993 г.
Пришлал: С. А. Давыдов (8 апр.)
и Н. Н. Булкин (14 апр.)
г. Москва

«И тут из скирды вылезла кабаниха: черная, шерсть всклокочена, клыки вывернуты, сверкают, как ножи.»

Газ. «Сельская жизнь» от 11 марта 1993 г.
Пришлал А. А. Муравьев, Ярославская обл.

«Потом, уже засыпая, услышал, как волки завыли, сначала один, потом хором. Наверное, мертвый зверь был вожаком, и они сейчас оплакивают его гибель...»

Проснулся я от холода рано. Было уже светло. Открыл дверь: в лицо ударило морозом. На месте, где лежал волк, была только лужица застывшей крови, от которой тянулся кровавый след в сторону леса.

«Волчья похорона», — догадался я. Совсем немного не дотянулся волк до леса, и звери перенесли его туда, куда он шел из последних сил».

Н. Кулясов, газ. «Сов. Мордовия»
от 3 марта 1993 г.
Пришлал Е. И. Тихонов, г. Саранск

«...Охотник спокойно направляется к березе и начинает ходить вокруг нее. А косачишки-тетерева не могут понять, что это он ходит. Начинают следить за ним, вертеть головами. И вот так минуты две-три повернит головенкой, а шея-то еще не сильно окрепшая, и сваливается. Он и падает. Хватай успевай — и в мешок! Таким способом наши деревенские ребята добывали зараз штук по пять и больше дичи...»

А. Перевозкин, газ. «Сельская жизнь»
от 12 янв. 1993 г.
Пришлал В. Сёмченко, Украина

Уважаемые подписчики
«ЭНЦИКЛОПЕДИИ ОХОТНИКА»!

Издательство «ВАКС» приносит свои извинения за задержку выпуска I-го тома Энциклопедии. По нашим расчетам книгу мы получим из типографии к концу года. Еще раз приносим всем наши извинения.
тел. (095) 459-37-91;
459-47-81

факс (095) 459-37-91

НА ПРИВАЛЕ

Производственное объединение «КАЗАНСКИЙ ОПТИКО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД»

предлагает:

НОЧНОЙ ПРИЦЕЛ «БАЙГЫШ-5П»

Прицел ночного видения «Байгыш-5П» предназначен для наблюдения и прицельной стрельбы из охотничьего оружия, имеющего посадочные места крепления прицела («ласточкин хвост»).

Прицел можно установить на карабины типа «Лось-4», «Лось-7», «Барс» и др.

Прицел «Байгыш-5П» рассчитан для охоты на крупного и среднего зверя и рекомендуется охотникам-любителям и промысловикам.

Без крепления на оружие Вы можете использовать прицел как обычный прибор ночного видения: с его помощью изучать под увеличением окрестности; сидя в засаде, выслеживать медведя или кабана. В этом случае, по желанию, прицельную марку можно «потушить». Итак, прицел установлен, пристрелян и полностью готов к охоте.

При наблюдении в окуляр охотник видит объект охоты на светящемся экране ЭОП с прицельной маркой в центре. Ручкой потенциометра устанавливается удобная для работы яркость свечения марки. Для поражения объекта охоты необходимо центр марки совместить с целью и точное попадание даже в темноте обеспечено.

Прицел укомплектован инфракрасным осветителем, имеющим дополнительное питание. При использовании прицела с оружием для большей безопасности на окуляр надевается эластичный наглазник, чтобы исключить возможность даже малейшего травмирования лица после выстрела. Прицел можно индивидуально настроить по зрению в пределах ± 3 диоптрий. Прицел отличается повышенной надежностью. Оптика и электроника защищены от пыли, влаги, дождя. Можно охотиться в любую погоду.

Питание прицела может осуществляться от аккумуляторной или гальванической батареи.

Прицел, несомненно, завоюет популярность у охотников, егерей, также, благодаря оптимальному сочетанию хорошего увеличения и большого угла поля зрения, повышенной разрешающей способности и достаточной дальности видения.

Основные данные: увеличение, крат, 2,5; угол поля зрения не менее 9 град; разрешающая способность в центре поля зрения не менее 20 на м; предельно диоптрийная наводка ± 3 диопт; время непрерывной работы (без замены источника питания), ч, не менее: при температуре -20°C —3, $+20^{\circ}\text{C}$ —6, $+40^{\circ}\text{C}$ —3; дальность опознавания цели в условиях естественной ночной освещенности 400 м; масса прицела с батареей питания и осветителем не более 1,6 кг, масса без осветителя не более 1,5 кг, с осветителем в упаковке не более 3 кг. Габаритные размеры прицела, мм, без осветителя — 420×105×70, с осветителем — 420×145× $\times 70$.

НОЧНОЙ ПРИЦЕЛ «БАЙГЫШ-10»

Ночной охотничий прицел «Байгыш-10» предназначен для наблюдений за объектом охоты и прицельной стрельбы из охотничьего оружия.

Прицел устанавливается на нарезное охотничье оружие: карабины «Лось», «Лось-7», «Барс» и др., имеющие посадочное место для крепления прицела (по типу «ласточкин хвост»).

Электрооптический преобразователь (ЭОП) прицела с нанесенной на поверхность фотокатода прицельной маркой обеспечивает усиление яркости наблюдательного объекта.

В прицеле применен светосильный объектив с ручной наводкой на резкость при прицеливании с расстояния от 10 м до бесконечности.

Прицел можно использовать не только в условиях естественной ночной освещен-

ности (при свете луны, звезд), но и в светлое время суток. Если с прицела снять механизм наведения, он превращается в монокуляр ночного видения. Для расширения возможностей прицела как наблюдательного прибора могут быть использованы другие объективы с присоединительной резьбой М42×1 и рабочим расстоянием 45,5 мм.

Питание прицела осуществляется от сухой батареи типа «Корунд» или «Тошиба», устанавливаемой в корпусе.

Прицел эксплуатируется в достаточно большом диапазоне температур: от минус 10 до плюс 35 °C.

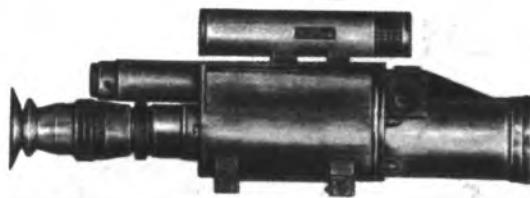
Основные данные: дальность обнаружения крупной цели (типа «Лось») в лунную ночь 150 м; увеличение 2,5 крат; угол поля зрения 7 град; диапазон диоптрийной наводки окуляра ± 4 диопт; удаление выходного зрачка 60 мм; время непрерывной работы батареи не менее 5 ч. Масса 0,715 кг. Габаритные размеры — 258× $\times 97\times 96$ мм.

КОЛЛИМАЦИОННЫЕ ПРИЦЕЛЫ ПРУ-452 «РУСАК», «ТАЙГА-1», «ТАЙГА-2»

Коллимационные прицелы открытого и закрытого типа предназначены для повышения эффективности прицеливания при стрельбе из стрелкового оружия в условиях естественного и пониженного освещения.

Применение коллимационных прицелов позволяет значительно уменьшить время прицеливания. При стрельбе по движущейся цели это играет едва ли не основную роль.

«Тайга-1» и «Тайга-2» — оптические коллимационные прицелы 2-го поколения. Благодаря использованию новых технологий и современной элементной базы, со-

Прицел ночного видения «Байгыш-5П»

Коллимационный прицел

Ночной охотничий прицел «Байгыш-10».

Оптический прицел
с переменным увеличением П04—10×35.

здатели прицелов добились не только компактности и легкости изделий, но и улучшения их эксплуатационных качеств.

С «Тайгой-1» и «Тайгой-2» можно охотиться до поздних сумерек. Обладателю прицела не надо регулировать яркость марки в зависимости от освещенности окружающей среды. Это происходит автоматически.

Прицелы универсальны в применении. Их можно закрепить практически на всех видах гладкоствольного оружия. Крепление каждого прицела к ружью обеспечивает его неизменное положение относительно оси канала ствола.

На охоте Вы по достоинству оцените также простоту в обращении и большое поле зрения приборов. На практике Вы убедитесь в долговечности, надежности прицелов «Русак», «Тайга-1», «Тайга-2» и в их стойкости к полевым условиям.

Основные данные прицелов ПРУ-452 «Русак», «Тайга-1», «Тайга-2»: условное угловое поле зрения при удалении глаза наблюдателя на $[92 \pm 2]$ мм от плоскости мениска (14 ± 1); диаметр выходного зрачка не менее 24 мм; светопропускание, не менее 50%; время непрерывной работы от одного источника питания, ч, не менее: в нормальных условиях 40, при температуре от -40 до $+40$ °С 5. Габаритные размеры, мм, и масса, кг: ПРУ-452 «Русак» — $60 \times 73 \times 130$ и 0,3; «Тайга-1» — $92 \times 38 \times 65$ и 0,2; «Тайга-2» — $40 \times 45 \times 130$ и 0,25.

жение под патроны различного калибра. Присоединительный диаметр цилиндрической части прицела один дюйм дает возможность использовать стандартное крепление к оружию. Наличие у прицела плавного переменного увеличения от 4 до 10 крат. позволяет с большой эффективностью вести наблюдение и прицеливание как на малых, так и на больших дистанциях. Устройство подвижки объектива прицела позволяет избежать параллакса при прицеливании на малых дистанциях (от 10 до 50 м).

При любом увеличении изображение, даваемое прицелом, отчетливое и резкое. Величина изображения нитей прицельной сетки при смене увеличения не изменяется, что является достоинством прибора и обуславливает удобство при стрельбе.

Прицел отличается повышенной надежностью, сохраняет работоспособность в диапазоне температур от минус 20 до плюс 40 °С.

Основные данные [первая цифра — при 4-х кратном увеличении, вторая — при 10-ти кратном]: угловое поле зрения в пространстве предметов, град. 5 и 2; диаметр выходного зрачка, мм, 5,7 и 3,5; удаление выходного зрачка, мм, 70 и 60; диаметр трубы объектива 49 мм; диаметр трубы окуляра 41 мм; диаметр посадочного места 25,4 мм [1 дюйм]; предел разрешения в центре поля зрения не менее $10''$ и $5''$; пределы диоптрийной наводки ± 3 дптр. Масса без упаковки и принадлежностей не более 0,470 кг.

прицеливания при стрельбе. Прицел устанавливается на нарезное оружие под патроны различного калибра и рассчитан для охоты на крупного и среднего зверя.

Наличие у прицела плавного переменного увеличения от 4 до 10 крат. позволяет с большой эффективностью вести наблюдение и прицеливание как на средних, так и на больших дистанциях.

Присоединительный диаметр цилиндрической части прицела в один дюйм дает возможность стандартного крепления прицела к оружию. С помощью прицельной сетки несложно определить расстояние до цели и ее размеры. Величина изображения нитей прицельной сетки при смене увеличения не изменяется. Эта особенность обуславливает дополнительное удобство при стрельбе — глазу не нужно приспособливаться к изменению ее величины.

Высококлассная оптика, тщательная обработка деталей, применение современных технологий гарантируют резкое и контрастное изображение при любом увеличении. Прицел характеризуется повышенной надежностью и сохраняет работоспособность в диапазоне температур от минус 20 до плюс 40 °С.

Основные данные [первая цифра — при 4-х кратном увеличении, вторая — при 10-ти кратном]: угловое поле зрения в пространстве предметов, град. 5 и 2; диаметр выходного зрачка, мм, 7,5 и 6,7; диаметр трубы объектива 50 мм; диаметр трубы окуляра 32 мм; диаметр посадочного места 25,4 мм; предел разрешения в центре поля зрения не менее $9''$ и $5''$; пределы диоптрийной наводки ± 3 дптр. Габаритные размеры при «б» дптр, мм, не более 60×350 ; масса без упаковки и принадлежностей не более 0,470 кг.

ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ С ПЕРЕМЕННЫМ УВЕЛИЧЕНИЕМ П04—10×35

Прицел П04—10×35 является оптическим прибором, предназначенный для повышения эффективности прицеливания при стрельбе.

Прицел устанавливают на нарезное ору-

ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ С ПЕРЕМЕННЫМ УВЕЛИЧЕНИЕМ П04—10×40

Прицел П04—10×40 является прецизионным оптическим прибором и предназначен для повышения эффективности

Адрес: республика Татарстан, 420018, г. Казань, ул. Стационарная, 2.

Тел.: (843-2) 74-17-04,
Факс: (843-2) 76-09-13
и (843-2) 76-60-94.

Капсюль-воспламенитель (к. в.) «ЖЕВЕЛО»

Основные характеристики:

К. в. имеет двойную оболочку, исключает пробитие дна и прорыв газов через к. в.

Продукты сгорания к. в. не оказывают коррозирующего воздействия на внутреннюю поверхность канала, то есть к. в.— неоржавляющий.

К. в. нашего производства позволяет изготавливать патроны со стабильными баллистическими характеристиками, безопасными в обращении, увеличивающими живучесть обычного и дорогостоящего оружия.

Отмечая превосходные характеристики к. в., следует отметить, что охотничьи патроны, отправляемые на экспорт, снаряжаются капсюлями нашего завода.

**Охотники! Делайте свой выбор!
Желаем удачной охоты!**

Наш адрес: 602200 г. Муром, Владимирской области,

Муромский приборостроительный завод (МПЗ)

Факс: 3-23-52; 3-18-06. Телетайп: 218811 «Экран».

Телефоны: (09234) 3-27-06; 9-74-86, 9-74-58; 9-74-81 (отдел сбыта).

Реквизиты: Р/сч. № 000263704 в Муромском филиале Московского индустриального банка
МФО 109138, кор. сч. 200161313 в РКЦ г. Мурома.

Научно-производственный
центр по звероводству

МЕТА
акционерное общество

ПРЕДЛАГАЮТ

звероводческим хозяйствам, фермам, питомникам,
малым предприятиям, частным лицам

НОВЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ МИКРОГРАНУЛИРОВАННЫЕ ВИТАМИННО-МИНЕРАЛЬНЫЕ ПРЕПАРАТЫ:

ПУШНОВИТ П (для племенных животных), **ПУШНОВИТ М** (для молодняка) в рационы норок, песцов, лисиц, собак и кошек при любом виде кормления.

20 компонентов (13 витаминов и 7 микроэлементов) в виде новых форм, защищенных от разрушения.

Улучшают воспроизводительные функции взрослых животных и рост молодняка. Предупреждают авитаминоз В₁ и анемию за счет бенфотиамина и ферроанемина (особые формы витамина В₁ и железа).

Содержат биотин, улучшающий качество волоссяного покрова; витамин Е в количестве, позволяющем нейтрализовать негативное влияние продуктов окисления жиров рациона.

УПТИВИТ — для всех видов сельскохозяйственных птиц: кур, гусей, уток, индеек, цесарок.

19 компонентов (13 витаминов и 6 микроэлементов), защищенных от разрушения.

Оптимальные соотношения элементов и универсальный метод дозировки позволяют полностью обеспечить потребность разных по возрасту и направлению продуктивности групп птиц в витаминах и минеральных веществах.

Применение препарата улучшает поедаемость и усвоение корма, обеспечивает хорошее развитие молодняка, положительно влияет на яйценоскость и выводимость яиц.

Препараты не переносят термической обработки.

Справки и заказы по адресу:
103031 Москва, ул. Петровка, 11/20;
телефоны: 200-33-02, 200-48-12, телекс: 928-55-53.

Для отгрузки ж. д. транспортом минимальный заказ 500 кг.
Малые количества — со склада офиса. Предварительный заказ.

Изготовитель — ЩЕЛКОВСКИЙ ВИТАМИННЫЙ ЗАВОД.

КАМЕРНИЦКИЙ А. Сохранить тысячелетние традиции	1
Охота и промысел	
ДОРМИДОНТОВ Р. На южных водоемах России	4
БЕГЛЕЦОВ О. Пушной Промысел на плато Путорана	6
КОВАЛЬЧУК Н. Женьшень в опасности	8
Охрана природы	
ЖДАНОВИЧ С. 9.000.000 яиц!	10
Наука	
КУЧЕРЕНКО С. Беды амурского тигра	12
Собаководство	
БЕДЕЛЬ В. Наши охотничьи собаки	16
БАЛТАЛАЕВ Н. Новосибирский питомник западно-сибирских лаек	36
Оружие и снаряжение	
БЕЛЯКОВ Л. Чтобы метко стрелять на охоте	18
БЛЮМ М. Охотничьи пороха для гладкоствольного оружия	20
СУХОВ В. В интересах рядового охотника	21
Литературные страницы	
РУСАНОВ Я. Валет	22
ЗЕМЛЯНОВ А. Охота в подарок	26
ТАРКОВСКИЙ М. Васька	28
Скульптура и магия Дмитрия Успенского	31
ЕГОРОВ О. Об одном библиографическом издании	34
За рубежом	
ФЕЙГИН Ю. Охрана природы в Израиле	38
Письма читателей	40
На привале	42
Реклама	19, 43—47

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висячев,
Т. А. Волжина (ответственный секретарь),
Л. Д. Гибет, В. В. Дежкин, А. М. Лаврова,
Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева,
А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, С. М. Успенский,
В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Т. Т. Талдыкина

Сдано в набор 4.08.93. Подписано к печати 22.09.93.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 8,82. Тираж 171 000 экз.
Заказ 1175. Цена 60 руб.

Адрес редакции, 107807, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская, 18. Тел. 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации
142300 г. Чехов Московской области

СУРКИ В ТАТАРСТАНЕ

В последние годы, по данным Д. И. Бибикова, отмечается рост популяций серых сурков (байбаков). В Татарстане сурки живут колониями на остеиненных склонах. Самые большие колонии расположены на юго-востоке республики, а «Чершелинская колония» и «Чатыр-тау» объявлены памятниками природы.

Сурки — типично дневные зверьки, которые выходят из нор утром и уходят с наступлением сумерек. Они имеют ценный, пушистый, мягкий мех, дают до 5 кг хорошего мяса и до 1,5 кг богатого витаминами жира. Питаются сурки степным разнотравьем и слишком далеко от нор не уходят. Безопасность колонии обеспечивает «сторож», который стоит на возвышенности и видит всю территорию колонии. При приближении человека, собаки или другого зверя «сторож» издает пронзительный предупреждающий свист и все сурчиное «население» бежит, смешно задирая хвосты к своим норам. Все встают столбиком и изучают степень опасности. При явной опасности все сурки скрываются в норах и, как правило, последним уходит «сторож». Когда все успокоится, сурки вновь появляются.

Подросшие молодые сурки тоже с удовольствием остаются со «сторожами» и исправно несут свою «службу» или, покормившись, садятся с ним рядом и потихоньку его подталкивают, давая понять ему, что пора о желудке подумать.

В семье, которую мы засняли, было 4 сурчонка. У них очень добрые взаимоотношения. Мать ласкает сурчат, да и сама сурчата часто ласкаются к ней. Иногда свои норы сурки устраивают среди камней, повыше, и тогда заснять их бывает трудно. К одному такому сурку пришлось подползать. Сурок сначала присматривался, потом стал кричать все громче и громче — он обращал на себя внимание, чтобы лучше узнать степень опасности, так как, видно, сурок не понял, что же это за «зверь» приближается к нему. А вообще-то, съемку сурков мы проводили из машины, окна которой были плотно закрыты тканью защитного цвета. Сурки не боялись машины и вели себя спокойно и свободно. Они грелись на солнышке, кормились, ласкались, перебегали в другие норы.

Валентин и Галина ВАХТИНЫ
г. Казань

СУРКИ

Фото Галины и Валентина Вахтиных

КУЛИКИ

